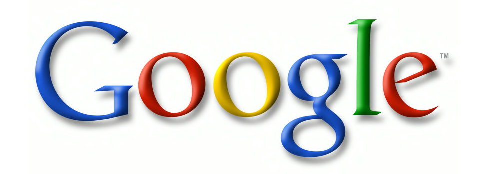
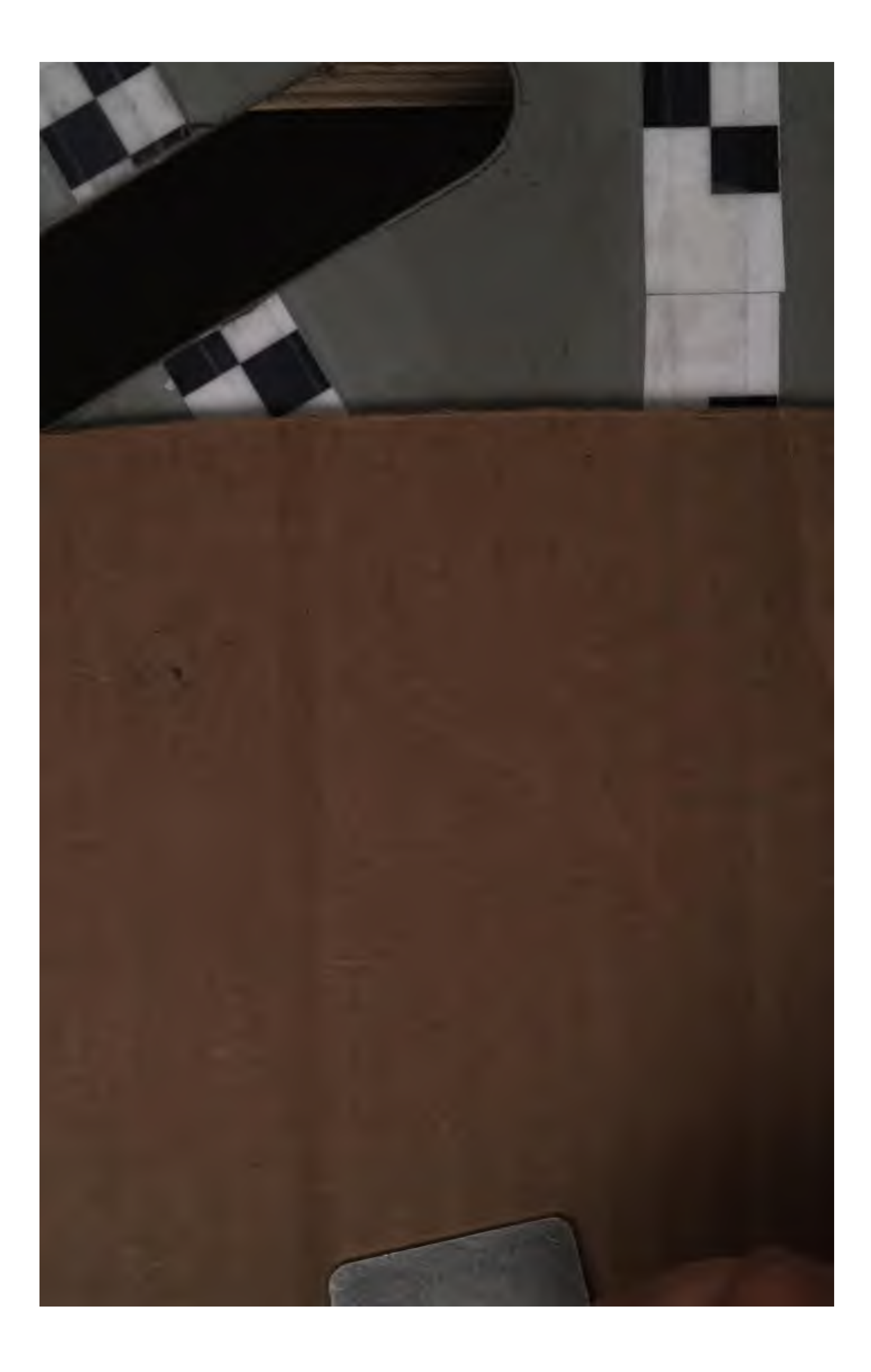

Arnol'di, S. S.

Изданіе П. И. АРТЮШИНА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

С. С. АРНОЛЬДИ.

ИЗДАНІЕ 2-Е.

Цѣна 1 руб. 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1905.

Изданіе П. И АРТЮШИНА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

С. С. Арнольди.

ИЗДАНІЕ 2-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1905.

Спб. Коммерческая Типо-Литогр. М. Виленчика, Литейный 58.

[redacted]

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая читателямъ, въ совокупности и въ обновленной формѣ, письма помѣщенныя прежде въ „Недѣлѣ“, я считаю не лишнимъ предпослать этому изданію небольшое объясненіе.

Когда я началъ посылать эти письма, я вовсе не былъ увѣренъ—найдетъ ли удобнымъ редакція журнала помѣстить на своихъ страницахъ систематическій рядъ этюдовъ по вопросамъ, здѣсь разсмотрѣннымъ. Отдаленность отъ столицы не дозволяла мнѣ слѣдить за ходомъ дѣла и видѣть, на сколько я съумѣлъ заинтересовать читателей. Повременное же изданіе должно постоянно имѣть въ виду цѣль—быть читаемымъ. Нѣсколько разъ, въ продолженіи помѣщенія этихъ писемъ, я могъ думать, что мнѣ придется прекратить ихъ, и лишь съ окончаніемъ ихъ печатанія увѣрился, что они

составятъ для читателей журнала, нѣсколько связное цѣлое. Кромѣ того, я хорошо знаю, что читатели журналовъ рѣдко имѣютъ терпѣнье слѣдить за развитіемъ мысли нѣсколько отвлеченной, если начало этого развитія помѣщено въ одномъ номерѣ, продолженіе тянется въ нѣсколькихъ номерахъ, а окончаніе отдѣляется отъ начала цѣлымъ годомъ. Все это побуждало меня придавать каждому письму болѣе законченную форму, чѣмъ слѣдовало бы для связнаго ряда этюдовъ, а потому весь рядъ могъ пострадать и въ связности, и въ цѣльности. Да и собственная мысль, отрываясь отъ работы, чтобы возвратиться къ ней чрезъ нѣкоторое время, сообщала ей слишкомъ отрывочный характеръ. Поэтому, при пересмотрѣ этихъ писемъ, пришлось указать ихъ связь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, уяснить зависимость между отдѣльными этюдами, развить нѣкоторые пункты, переставить кое-что, чтобы читателю удобнѣе было обнять цѣлое. Въ этой чисто формальной передѣлкѣ состоитъ главнѣйшее отличіе этого изданія отъ первоначальнаго вида „Историческихъ писемъ". Позволяю себѣ надѣяться, что новая форма, при большей связности частей и при уясненіи основныхъ мыслей, сдѣлаетъ мой трудъ хотя немного болѣе достойнымъ вниманія читателя.

Очень желалъ бы я сдѣлать въ этомъ трудѣ болѣе существенныя исправленія, но въ этомъ отношеніи наша критика нисколько не помогла

мнѣ. Ни въ толстыхъ журналахъ, ни въ ежедневныхъ газетахъ, ни въ журналахъ серьезно историческихъ, ни въ тенденціозныхъ журналахъ разныхъ партій,—на сколько по крайней мѣрѣ эти изданія мнѣ удавалось видѣть, — я не встрѣтилъ разбора, опроверженія, исправленія, указанія, которое бы меня навело на мысль, — гдѣ требуется болѣе точности, гдѣ болѣе развитія; не просмотрѣлъ ли я въ одномъ мѣстѣ важную сторону предмета; не принялъ ли въ другомъ призрачное явленіе за существенно-важное. Можетъ быть я не умѣлъ достаточно заинтересовать читателей и критиковъ этими письмами; можетъ быть критики считали мысли здѣсь высказанныя слишкомъ азбучными, чтобы обратить на нихъ вниманіе; возможно и то, наконецъ, что до меня не дошли именно тѣ изданія, которыя мнѣ были нужны. Какъ бы то ни было, я былъ предоставленъ въ этомъ отношеніи самъ себѣ и нѣкоторымъ отрывочнымъ, личнымъ отзывамъ, до меня доходившимъ. Послѣдніе особенно концентрировались около одного недостатка: отвлеченно, сухо, трудно читается... Къ сожалѣнію, этотъ недостатокъ частью лежитъ въ самомъ предметѣ. Тѣмъ не менѣе, я сознаюсь, что онъ таки принадлежитъ и моему способу изложенія. Въ отдѣльномъ изданіи я постарался кое-гдѣ исправить это, внося примѣры, но я не имѣлъ въ виду писать новое сочиненіе, а хотѣлъ лишь представить читателямъ прежній трудъ въ нѣсколько лучшемъ видѣ.

[redacted]

Излишняя пестрота примѣровъ могла бы, какъ мнѣ кажется, нѣсколько повредить связности развитія мысли. Послѣдняя осталась совершенно безъ измѣненія и только кое-гдѣ болѣе точное выраженіе замѣнило прежнее.

Не желая измѣнить общаго заглавія моего труда, я счелъ однакоже не нужнымъ удержать въ немъ нѣкоторые формы эпистолярнаго слога, употребленныя мною прежде.

Мнѣ совершенно неизвѣстно, насколько мои письма читались или оставлялись безъ вниманія читателями „Недѣли“. Можетъ быть и теперь критика найдетъ ихъ мало достойными своего вниманія. Я высказался въ послѣднемъ письмѣ, что самъ сознаю многіе недостатки этого труда, особенно сравнительно съ важностью предмета. Даю читателямъ то—что имѣю, такъ—какъ умѣю.

—>•>•<•<—

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Естествознаніе и исторія.

Если читателя интересуетъ движеніе современной мысли, то немедленно предъявятъ свои права на его вниманіе двѣ области человѣческой мысли: естествознаніе и исторія. Которая изъ нихъ ближе для современной жизни?

На этотъ вопросъ вовсе не такъ легко отвѣтить, какъ оно, пожалуй, могло бы показаться съ перваго взгляда. Я знаю, что естествоиспытатели и большинство мыслящихъ читателей не задумаются рѣшить его въ пользу естествознанія. Дѣйствительно, какъ легко доказать, что вопросы естествознанія лѣзутъ сами въ жизнь человѣка каждую минуту, что онъ не можетъ повернуться, взглянуть, дохнуть, подумать, чтобы не пришелъ въ дѣйствіе цѣлый рядъ законовъ механики, физики, химіи, физіологіи, психологіи! Сравнительно съ этимъ, что такое исторія? Забава празднаго любопытства. Самые полезные дѣятели въ сферѣ частной или общественной жизни мо-

гутъ прожить и умереть, не имѣя даже надобности вспомнить о томъ, что когда-то эллинизмъ проникалъ въ среду азіатскихъ племенъ, съ войсками Александра Македонскаго; что въ эпоху самыхъ деспотическихъ правителей міра составились тѣ кодексы, пандекты, новеллы, и т. д., которые легли въ основу современныхъ юридическихъ отношеній Европы; что были эпохи феодализма и рыцарства, когда самыя грубыя и животныя побужденія уживались съ восторженной мистикой. Переходя къ отечественной исторіи, спросимъ себя, много ли для жизни современнаго человѣка полезныхъ примѣненій въ знаніи богатырскихъ былинъ, Русской Правды, въ дикой опричинѣ Ивана Грознаго или, даже, въ петровской борьбѣ европейскихъ формъ съ древне-московскими? Все это прошло невозвратно, и новые очередные вопросы, требуя для себя всѣхъ заботъ и всего размышленія современнаго человѣка, оставляютъ для минувшаго лишь интересъ болѣе или менѣе драматическихъ картинокъ, болѣе или менѣе яснаго воплощенія общечеловѣческихъ идей... И такъ, повидимому, не можетъ быть даже и сравненія между знаніемъ, обусловливающимъ каждый элементъ нашей жизни, и другимъ знаніемъ, которое объясняетъ предметы только *интересные*,—между насущнымъ хлѣбомъ мысли и пріятнымъ десертомъ.

Естествознаніе есть основаніе разумной жизни, это безспорно. Безъ яснаго пониманія его требованій и основныхъ законовъ человѣкъ слѣпъ и глухъ къ самымъ обыденнымъ своимъ потребностямъ и къ самымъ высокимъ своимъ цѣлямъ. Строго говоря, человѣкъ, совершенно чуждый естествознанію, не имѣетъ ни малѣйшаго права на званіе современно-образованнаго человѣка. Но когда

онъ однажды сталъ на эту точку зрѣнія, спрашивается, что ближе всего къ его жизненнымъ интересамъ? Занятіе ли вопросами о размноженіи клѣточекъ, о перерожденіи видовъ, о спектральномъ анализѣ, о двойныхъ звѣздахъ? Или законы развитія человѣческаго знанія, столкновеніе начала общественной пользы съ началомъ справедливости, борьба между національнымъ объединеніемъ и общечеловѣческимъ единствомъ, отношеніе экономическихъ интересовъ голодающей массы къ умственнымъ интересамъ болѣе обезпеченнаго меньшинства, связь между общественнымъ развитіемъ и формою государственнаго строя?... Если поставить вопросъ такимъ образомъ, то едва ли кто, кромѣ филистеровъ знанія (а ихъ не мало) не признаетъ, что послѣдніе вопросы ближе для человѣка, важнѣе для него, тѣснѣе связаны съ его обыденною жизнію, чѣмъ первые.

Даже, строго говоря, они одни ему близки, одни для него важны. Первые лишь на столько важны и близки ему, на сколько они служатъ къ лучшему пониманію, къ удобнѣйшему рѣшенію *вторыхъ*. Никто не споритъ о пользѣ грамотности, о ея безусловной необходимости для человѣческаго развитія, но едва ли есть у нея столь тупые защитники, чтобы стали предполагать въ ней какую-либо самостоятельную, магическую силу. Едва ли кто скажетъ, что самый *процессъ* чтенія и письма важенъ для человѣка. Этотъ процессъ важенъ человѣку лишь какъ *пособіе* для усвоенія тѣхъ идей, которыя человѣкъ можетъ пріобрѣсти путемъ чтенія и передать путемъ письма. Человѣкъ, который изъ чтенія ничего не извлекаетъ, нисколько не выше безграмотнаго. Названіе безграмотнаго есть отрицаніе основнаго условія образован-

ности, но грамотность сама по себѣ не есть вовсе цѣль, она только *средство*. Едва ли не такую же роль играетъ естествознаніе въ общей системѣ человѣческаго образованія. Оно есть лишь *грамотность мысли*; но развитая мысль пользуется этою грамотностью для рѣшенія вопросовъ чисто человѣческихъ, и эти вопросы составляютъ *суть* человѣческаго развитія. Мало читать книгу, надо понимать ее. Точно также, мало для развитаго человѣка понимать основные законы физики и физіологіи, интересоваться опытами надъ бѣлковиною или законами Кеплера. Для развитаго человѣка бѣлковина есть не только химическое соединеніе, но и составная часть пищи милліоновъ людей; законы Кеплера не только формулы отвлеченнаго движенія планетъ, но и одно изъ пріобрѣтеній человѣческаго духа на пути къ усвоенію общаго философскаго пониманія неизмѣнности законовъ природы и независимости ихъ отъ какого бы то ни было произвола.

Мы замѣчаемъ здѣсь даже прямо противоположное тому, что было выше говорено о важности основъ естествознанія и исторіи для практической жизни. Химическій опытъ надъ бѣлковиною и математическое выраженіе законовъ Кеплера *только любопытны*. Экономическое значеніе бѣлковины и философское значеніе неизмѣнности астрономическихъ законовъ *весьма существенны*. Знаніе внѣшняго міра доставляетъ совершенно необходимый матеріалъ, къ которому приходится обращаться при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, занимающихъ человѣка. Но вопросы, для которыхъ мы обращаемся къ этому матеріалу, суть вопросы не внѣшняго, а внутренняго міра, вопросы человѣческаго *сознанія*. Пища важна не какъ

объектъ процесса питанія, а какъ продуктъ, устраняющій *сознаваемое* страданіе голода. Философскія идеи важны не какъ проявленія процесса развитія духа въ его логической отвлеченности, а какъ логическія формы *сознанія* человѣкомъ болѣе высокаго или болѣе низкаго своего достоинства, болѣе обширныхъ или болѣе тѣсныхъ цѣлей своего существованія; онѣ важны, какъ формы протеста противъ настоящаго во имя желанія лучшаго и справедливѣйшаго общественнаго строя, или какъ формы удовлетворенія настоящимъ. Многіе мыслители замѣтили прогрессъ въ мысли человѣчества, заключавшійся въ томъ, что человѣкъ, представлявшій себя прежде центромъ всего существующаго, созналъ въ послѣдствіи, что онъ есть лишь одинъ изъ безчисленныхъ продуктовъ неизмѣннаго приложенія законовъ внѣшняго міра; что отъ субъективнаго взгляда на себя и на природу человѣкъ перешелъ къ объективному. Правда, это былъ прогрессъ крайне важный, безъ котораго наука была невозможна, развитіе человѣчества не мыслимо. Но этотъ прогрессъ былъ только первый шагъ, за которымъ неизбѣжно слѣдовалъ второй: изученіе неизмѣнныхъ законовъ внѣшняго міра *въ его объективности* для достиженія такого состоянія человѣчества, которое субъективно сознавалось бы, какъ лучшее и справедливѣйшее. И здѣсь подтвердился великій законъ, угаданный Гегелемъ и оправдывающійся, повидимому, во всѣхъ сферахъ человѣческаго сознанія; третья ступень была *видимымъ* сближеніемъ съ первою, но *дѣйствительнымъ* разрѣшеніемъ противорѣчія между первою и второю ступенью. Человѣкъ снова сталъ центромъ всего міра, но не для міра, какъ онъ существуетъ самъ по себѣ, а для міра, поня-

таго человѣкомъ, покореннаго его мыслію и направленнаго къ его цѣлямъ.

Но это именно есть точка зрѣнія исторіи. Естествознаніе излагаетъ человѣку законы міра, въ которомъ самъ человѣкъ есть лишь едва замѣтная доля; оно пересчитываетъ продукты механическихъ, физическихъ, химическихъ, физіологическихъ, психическихъ процессовъ; находитъ между продуктами послѣднихъ процессовъ во всемъ животномъ царствѣ сознаніе страданія и наслажденія; въ части этого царства, ближайшей къ человѣчеству, сознаніе возможности ставить себѣ цѣли и стремиться къ ихъ достиженію. Этотъ фактъ естествознанія составляетъ единственную основу біографій отдѣльныхъ существъ животнаго міра и исторій отдѣльныхъ группъ этого міра. Исторія, какъ наука, принимаетъ этотъ фактъ за данный и развиваетъ предъ читателемъ, какимъ путемъ исторія, какъ процессъ жизни человѣчества, произошла изъ стремленій избавиться отъ того, что человѣкъ сознавалъ какъ страданіе, и изъ стремленій пріобрѣсти то, что человѣкъ сознавалъ какъ наслажденіе; какія видоизмѣненія происходили при этомъ въ понятіи, связанномъ со словами: наслажденіе и страданіе, въ классификаціи и іерархіи наслажденій и страданій; какія философскія формы идей и практическія формы общественнаго строя порождались этими видоизмѣненіями; какимъ логическимъ процессомъ стремленіе къ лучшему и справедливѣйшему порождало протесты и консерватизмъ, реакцію и прогрессъ; какая связь существовала въ каждую эпоху между человѣческимъ воспріятіемъ міра, въ формѣ вѣрованія, знанія, философскаго представленія, и практическими теоріями лучшаго и

справедливѣйшаго, воплощенными въ дѣйствія личности, въ формы общества, въ состоянія жизни народовъ.

Поэтому труды историка составляютъ не отрицаніе трудовъ естествоиспытателя, а неизбѣжное ихъ дополненіе. Историкъ, относящійся съ пренебреженіемъ къ натуралисту, не понимаетъ исторіи; онъ хочетъ строить домъ безъ фундамента; говорить о пользѣ образованія, отрицая необходимость грамотности. Естествоиспытатель, относящійся съ пренебреженіемъ къ историку, доказываетъ лишь узкость и неразвитность своей мысли; онъ не хочетъ или не умѣетъ видѣть, что поставленіе цѣлей и стремленіе къ нимъ—есть столь же неизбѣжный, столь же естественный фактъ въ природѣ человѣка, какъ дыханіе, кровообращеніе или обмѣнъ веществъ; что цѣли могутъ быть мелки или возвышенны, стремленія жалки или почтенны, дѣятельность неразумна или цѣлесообразна, —но и цѣли, и стремленія, и дѣятельность всегда существовали и всегда будутъ существовать; слѣдовательно они суть столь же правомѣрные предметы изученія, какъ цвѣты спектра, какъ элементы химическаго анализа, какъ виды и разновидности растительнаго и животнаго царства. Естествоиспытатель, ограничивающійся внѣшнимъ міромъ, не хочетъ или не можетъ видѣть, что весь внѣшній міръ есть для человѣка *только* матеріалъ наслажденія, страданія, желаній, дѣятельности; что самый спеціальный натуралистъ изучаетъ внѣшній міръ не какъ что либо внѣшнее, а какъ нѣчто познаваемое и доставляющее *ему*, ученому, *наслажденіе* процессомъ познаванія, возбуждающее *его* дѣятельность, входящее въ *его* жизненный процессъ. Естествоиспытатель, пренебрегающій исторіей, воображаетъ, что кто либо

кладетъ фундаментъ, не имѣя въ виду строить на немъ дома; онъ полагаетъ, что все развитіе человѣка должно ограничиваться грамотностью.

Мнѣ, пожалуй, возразятъ, что естествознаніе имѣетъ два неоспоримыя преимущества предъ исторіей, позволяющія естествоиспытателю нѣсколько высоко относиться къ ученому достоинству трудовъ историка. Естественныя науки выработали точные методы, получили безспорные результаты и образовали капиталъ неизмѣнныхъ законовъ, безпрестанно подтверждающихся и позволяющихъ предсказывать факты. Исторія не открыла ни одного закона, собственно ей принадлежащаго, выработала лишь изящныя *картины* и по точности своихъ предсказаній, стоитъ на одной степени съ предсказателями погоды. Это первое. Второе же и самое важное есть то, что современныя стремленія къ лучшему и справедливѣйшему, какъ въ ясномъ пониманіи цѣли, въ вѣрномъ выборѣ средствъ, такъ и въ надлежащемъ направленіи дѣятельности, черпаютъ свой матеріалъ почти исключительно изъ данныхъ естествознанія, а исторія представляетъ крайне мало полезнаго матеріала, какъ по неопредѣленности смысла событій минувшаго времени, доставляющихъ одинаково-красивые аргументы для прямо противоположныхъ теорій жизни, такъ и по совершенному измѣненію обстановки съ теченіемъ времени, что дѣлаетъ крайне труднымъ приложеніе къ настоящему результатовъ, выведенныхъ изъ событій нѣсколько отдаленныхъ, уже тогда, когда эти результаты точны. Уступая, такимъ образомъ и въ *теоретической научности*, и въ *практической полезности* трудамъ естествоиспытателя, могутъ ли труды историка быть поставлены съ ними рядомъ?

Научность и самостоятельность методовъ не подлежитъ сомнѣнію въ изслѣдованіяхъ, относящихся къ механикѣ, физикѣ, химіи, физіологіи и къ теоріи ощущеній въ психологіи. Но уже теорія представленій, понятій въ отдѣльной личности и личная этика не пользуются почти вовсе методами предшествующихъ естественныхъ наукъ. Что касается до обществознанія (соціологіи), т. е. до теоріи процессовъ и продуктовъ общественнаго развитія, то здѣсь всѣ орудія физика, химика и физіолога не приложимы.... Слѣдовательно, эта важная и самая близкая для человѣка часть естествознанія опирается на законы предшествующихъ областей его, какъ на готовыя данныя, но свои законы отыскиваетъ другимъ путемъ. Какимъ же? Откуда феноменологія духа и соціоологія черпаютъ свой матеріалъ?—изъ біографій отдѣльныхъ личностей и изъ исторіи. На сколько не научны труды историка и біографа, на столько же не могутъ быть научны выводы психолога въ обширнѣйшей области его науки, труды этика, соціолога въ ихъ научныхъ сферахъ, т. е. на столько же естествознаніе должно быть признано не научнымъ въ его части, самой близкой для человѣка. Здѣсь успѣхъ научности выработывается взаимными пособіями обѣихъ областей знанія. Изъ поверхностнаго наблюденія біографическихъ и историческихъ фактовъ получается приблизительная истина психологіи, этики, соціологіи; эта приблизительная истина позволяетъ болѣе осмысленное наблюденіе фактовъ біографіи и исторіи; оно въ свою очередь, ведетъ къ истинѣ, уже болѣе близкой, которая позволяетъ дальнѣйшее усовершенствованіе историческаго наблюденія, и т. д.; улучшенное орудіе даетъ лучшій продуктъ и лучшій продуктъ позволяетъ дальнѣйшее усовер-

шенствованіе орудія, что, въ свою очередь, вліяетъ на еще большее усовершенствованіе продукта. Для естествознанія, въ его надлежащемъ смыслѣ, исторія составляетъ совершенно необходимый матеріалъ и, лишь опираясь на историческіе труды, естествоиспытатель можетъ уяснить себѣ процессы и продукты умственной, нравственной и общественной жизни человѣка. Химикъ можетъ считать свою спеціальность научнѣе исторіи и пренебрегать ея матеріаломъ. Человѣкъ, обнимающій словомъ „естествознаніе“ науку всѣхъ естественныхъ процессовъ и продуктовъ, не имѣетъ права поставить эту науку выше исторіи и долженъ сознать ихъ тѣсную взаимную зависимость.

Предъидущее рѣшаетъ и вопросъ о практической полезности. Если психологія и соціологія подлежатъ непрерывному совершенствованію, по мѣрѣ улучшенія пониманія историческихъ фактовъ, то изученіе исторіи становится неизбѣжно—необходимымъ для уясненія законовъ жизни личности и общества. Эти законы на столько-же опираются на данныя механики, химіи, физіологіи, какъ и на данныя исторіи. Меньшая точность послѣднихъ должна бы повлечь не устраненіе ихъ изученія, а, напротивъ, большее его распространеніе, такъ какъ спеціалисты-историки не на столько возвысились надъ массою читателей, по точности своихъ выводовъ, на сколько стоятъ надъ нею химики и физіологи. Современные жизненные вопросы о лучшемъ и справедливѣйшемъ требуютъ отъ читателя уясненія себѣ результатовъ феноменологіи духа и соціологіи, но это уясненіе достигается не принятіемъ *на вѣру* мнѣній той или другой школы экономистовъ, политиковъ, этиковъ. При спорѣ этихъ школъ, добросовѣстному читателю приходится об-

ратиться къ изученію самихъ данныхъ, на которыхъ построены выводы школъ; а также къ генезису этихъ школъ, уясняющему ихъ ученіе какъ фильяціей догматовъ, такъ и положеніемъ дѣла въ ту минуту, когда возникла та или другая школа; наконецъ—къ событіямъ, вліявшимъ на ихъ развитіе. Но все это, за исключеніемъ данныхъ основныхъ наукъ, принадлежитъ исторіи. Кто оставляетъ въ сторонѣ ея изученіе, тотъ высказываетъ или свой индифферентизмъ въ отношеніи самыхъ важныхъ интересовъ личности и общества, или свою готовность вѣрить на слово той практической теоріи, которая случайно ему первая попадется въ глаза.

Такимъ образомъ, поставленный въ началѣ вопросъ: что ближе для современной жизни, естествознаніе или исторія? можно рѣшить, по моему мнѣнію, слѣдующимъ образомъ:— Основныя части естествознанія составляютъ совершенно необходимую подкладку современной жизни, но представляютъ для нея болѣе отдаленный интересъ.— Что касается до высшихъ частей естествознанія, до всесторонняго изученія процессовъ и продуктовъ жизни лица и общества, то подобное изученіе стоитъ совершенно на одной ступени съ исторіею, какъ по теоретической научности, такъ и по практической полезности; нельзя спорить, что эти части естествознанія связаны съ болѣе живыми вопросами для человѣка, чѣмъ исторія, но серьезное изученіе ихъ совершенно невозможно безъ изученія исторіи, и онѣ осмысливаются для читателя лишь на столько, на сколько для него осмыслена исторія.

Поэтому, въ интересахъ современной мысли лежатъ вопросы исторіи, особенно тѣ изъ нихъ, которые тѣснѣе связаны съ задачами соціологіи. Въ этихъ письмахъ я

шенствованіе орудія, что, въ свою очередь, вліяетъ на еще большее усовершенствованіе продукта. Для естествознанія, въ его надлежащемъ смыслѣ, исторія составляетъ совершенно необходимый матеріалъ и, лишь опираясь на историческіе труды, естествоиспытатель можетъ уяснить себѣ процессы и продукты умственной, нравственной и общественной жизни человѣка. Химикъ можетъ считать свою спеціальность научнѣе исторіи и пренебрегать ея матеріаломъ. Человѣкъ, обнимающій словомъ „естествознаніе“ науку всѣхъ естественныхъ процессовъ и продуктовъ, не имѣетъ права поставить эту науку выше исторіи и долженъ сознать ихъ тѣсную взаимную зависимость.

Предъидущее рѣшаетъ и вопросъ о практической полезности. Если психологія и соціологія подлежатъ непрерывному совершенствованію, по мѣрѣ улучшенія пониманія историческихъ фактовъ, то изученіе исторіи становится неизбѣжно—необходимымъ для уясненія законовъ жизни личности и общества. Эти законы на столько-же опираются на данныя механики, химіи, физіологіи, какъ и на данныя исторіи. Меньшая точность послѣднихъ должна бы повлечь не устраненіе ихъ изученія, а, напротивъ, большее его распространеніе, такъ какъ спеціалисты-историки не на столько возвысились надъ массою читателей, по точности своихъ выводовъ, на сколько стоятъ надъ нею химики и физіологи. Современные жизненные вопросы о лучшемъ и справедливѣйшемъ требуютъ отъ читателя уясненія себѣ результатовъ феноменологіи духа и соціологіи, но это уясненіе достигается не принятіемъ *на вѣру* мнѣній той или другой школы экономистовъ, политиковъ, этиковъ. При спорѣ этихъ школъ, добросовѣстному читателю приходится об-

ратиться къ изученію самихъ данныхъ, на которыхъ построены выводы школъ; а также къ генезису этихъ школъ, уясняющему ихъ ученіе какъ фильяціей догматовъ, такъ и положеніемъ дѣла въ ту минуту, когда возникла та или другая школа; наконецъ—къ событіямъ, вліявшимъ на ихъ развитіе. Но все это, за исключеніемъ данныхъ основныхъ наукъ, принадлежитъ исторіи. Кто оставляетъ въ сторонѣ ея изученіе, тотъ высказываетъ или свой индифферентизмъ въ отношеніи самыхъ важныхъ интересовъ личности и общества, или свою готовность вѣрить на слово той практической теоріи, которая случайно ему первая попадется въ глаза.

Такимъ образомъ, поставленный въ началѣ вопросъ: что ближе для современной жизни, естествознаніе или исторія? можно рѣшить, по моему мнѣнію, слѣдующимъ образомъ:— Основныя части естествознанія составляютъ совершенно необходимую подкладку современной жизни, но представляютъ для нея болѣе отдаленный интересъ.— Что касается до высшихъ частей естествознанія, до всесторонняго изученія процессовъ и продуктовъ жизни лица и общества, то подобное изученіе стоитъ совершенно на одной ступени съ исторіею, какъ по теоретической научности, такъ и по практической полезности; нельзя спорить, что эти части естествознанія связаны съ болѣе живыми вопросами для человѣка, чѣмъ исторія, но серьезное изученіе ихъ совершенно невозможно безъ изученія исторіи, и онѣ осмысливаются для читателя лишь на столько, на сколько для него осмыслена исторія.

Поэтому, въ интересахъ современной мысли лежатъ вопросы исторіи, особенно тѣ изъ нихъ, которые тѣснѣе связаны съ задачами соціологіи. Въ этихъ письмахъ я

разсмотрю общiе вопросы исторiи; тѣ элементы, которые обусловливаютъ прогрессъ обществъ; то значенiе, которое имѣетъ слово *прогрессъ* для различныхъ сторонъ общественной жизни. Соцiологическiе вопросы здѣсь неизбѣжно сплетаются съ историческими, тѣмъ болѣе что, какъ мы видѣли, эти двѣ области знанiя находятся въ самой тѣсной взаимной зависимости. Конечно, это самое придаетъ настоящимъ разсужденiямъ болѣе обобщающiй, нѣсколько отвлеченный характеръ. Читатель имѣетъ предъ собою не картины событiй, а выводы и сближенiя событiй разныхъ перiодовъ. Разсказовъ изъ исторiи не мало и можетъ быть мнѣ удастся къ нимъ перейти въ послѣдствiи. Но факты исторiи остаются, а пониманiе измѣняетъ ихъ смыслъ, и каждый перiодъ,—приступая къ истолкованiю прошлаго,—вноситъ въ него свои современныя заботы, свое современное развитiе. Такимъ образомъ историческiе выводы становятся для каждой эпохи связью настоящаго съ прошедшимъ. Я не навязываю читателю моего взгляда, но передаю ему вещи такъ, какъ я ихъ понимаю,—такъ, какъ для меня прошлое отражается въ настоящемъ, настоящее—въ прошломъ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Процессъ исторіи.

Обратимся къ другому смыслу слова: исторія.

Въ первомъ письмѣ рѣчь шла объ исторіи, какъ области человѣческаго знанія; теперь будемъ разсматривать исторію какъ *процессъ*, который составляетъ предметъ изученія для исторіи, какъ *знанія*. Исторія, какъ процессъ, исторія, какъ явленіе въ ряду другихъ явленій, должна имѣть и дѣйствительно имѣетъ свои особенности. Въ чемъ онѣ состоятъ? Чѣмъ отличается въ глазахъ мыслящаго человѣка явленіе исторической жизни отъ паденія камня, отъ броженія гніющей жидкости, отъ процесса пищеваренія, отъ разнообразныхъ явленій жизни, наблюдаемыхъ въ какомъ-нибудь акваріумѣ?

Мой вопросъ можетъ показаться страннымъ, потому что всякому читателю придетъ сейчасъ на умъ слѣдующее: историческій процессъ совершается человѣкомъ, народами, человѣчествомъ, и въ этомъ уже достаточное отличіе этого процесса отъ всего остальнаго. Но оно не

совсѣмъ такъ. Во первыхъ, геологи съ нѣкоторымъ правомъ говорятъ объ исторіи земли; астрономы-теоретики— объ исторіи міра. Во вторыхъ, далеко не все въ человѣкѣ, въ народахъ, входитъ въ процессъ исторической жизни. Въ ежедневной дѣятельности самыхъ важныхъ историческихъ личностей есть много такого, что самый тщательный біографъ никогда не записывалъ и никогда не запишетъ, точно также какъ жизнь тысячъ человѣческихъ единицъ, съ перваго до послѣдняго ихъ дыханія, не представляетъ никакого интереса для изслѣдователя. Въ жизни обществъ историкъ не записываетъ явленій, повторяющихся ежегодно съ математическою правильностью, но отмѣчаетъ лишь то, что *измѣняется*. Многіе историки выдѣляютъ изъ всей массы человѣчества лишь нѣкоторые народы и нѣкоторыя расы, называя ихъ историческими, и оставляютъ все остальное человѣчество на долю этнографіи, антропологіи, лингвистики, словомъ, какой тамъ угодно науки, лишь бы не исторіи. И они въ *одномъ* отношеніи правы. Вопросы науки о жизни этихъ народовъ и методы мышленія о нихъ совершенно подобны тѣмъ, съ которыми зоологъ обращается къ данной породѣ птицъ или муравьевъ. Зоологъ описываетъ анатомическія особенности и нравы этихъ животныхъ, ихъ способы вить гнѣзда или строить муравейники, ихъ борьбу съ другими животными и т. п. Этнографу представляются тѣ же вопросы. Правда, отправленія человѣка сложнѣе и описывать приходится болѣе. Лингвистъ узнаетъ не только способъ выраженія, а смыслъ словъ языка, но и зоологъ, если бы умѣлъ, очень охотно узналъ бы отъ птицы значеніе того или другаго перелива звука. Антропологъ записываетъ знанія, ремесла, орудія, миѳы, при-

вычки, но вопросъ его тотъ же, что у зоолога: записать данные факты *такъ*, какъ они есть. Предметы изученія антрополога для насъ интереснѣе, потому что людей мы не только изучаемъ, мы имъ еще и сочувствуемъ. Но это не должно насъ обманывать относительно научнаго значенія прилагаемаго метода. Антропологъ есть *только* естествоиспытатель, избравшій себѣ предметомъ изученія— человѣка. Онъ описываетъ лишь то, что *есть*.

Но я сказалъ, что историки, раздѣляющіе народы и расы на историческія и неисторическія, правы въ *одномъ* отношеніи. Дѣйствительно, есть *другое*, которое дѣлаетъ правильность этого раздѣленія крайне сомнительною. Едва-ли существуетъ такой несчастный островъ, жители котораго были бы одинаково описаны двумя путешественниками, раздѣленными сотнею лѣтъ. Эти жители въ протекшій, между двумя эпохами, періодъ жизни— *измѣнились*. Это измѣненіе такъ обще, что наука имѣетъ полное право его предполагать и тамъ, гдѣ объ немъ не существуетъ свѣдѣній, и потому антропологъ, къ своимъ изслѣдованіямъ о какомъ либо племени, всегда прибавляетъ еще указанія, болѣе или менѣе гипотетическія, о томъ, какъ измѣнилась въ теченіи времени культура племени и какъ она произошла. Но эти вопросы историкъ съ нѣкоторымъ правомъ причисляетъ къ своей области. Конечно, въ наше время теорія преобразованія видовъ животныхъ позволяетъ распространить вопросы объ измѣненіи этихъ видовъ и на породы внѣ человѣка, но здѣсь натуралистъ имѣетъ предъ собою событія, представляющія примѣры общаго процесса перехода однихъ органическихъ формъ въ другія, и прямая цѣль его всегда — изучить *законы* этого общаго процесса. Частный

шелъ законы движенія планетъ. Сѣверо-Американское междоусобіе вызвало страшную потерю людей и денегъ въ Америкѣ и отозвалось экономическимъ кризисомъ въ Европѣ. *Что* мы изучаемъ въ этихъ событіяхъ?

Для психолога Каспаръ Гаузеръ представляетъ интересъ рѣдкаго экземпляра личности, вступившей взрослою въ общество, экземпляра, на которомъ удобнѣе изслѣдовать нѣкоторые *общіе законы* психическихъ явленій, чѣмъ на другихъ личностяхъ. Для біографа и для историка Каспаръ Гаузеръ представляетъ обособленное явленіе данной эпохи, результатъ странной совокупности *однажды* встрѣтившихся обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ это загадочное существо было до 17 лѣтъ выдѣлено изо всѣхъ общественныхъ сношеній, а чрезъ 5 лѣтъ погибло отъ руки убійцы. Когда Ансельмъ Фейербахъ предполагалъ въ немъ послѣдняго представителя дома Цэрингенъ, онъ изслѣдовалъ не повторяющееся, а *единственное* историческое явленіе.

Точно также для логика процессъ открытій Кеплера есть не болѣе какъ примѣръ *общихъ законовъ* научнаго мышленія. Милль и Юэль (Whewell) могли спорить о томъ, представляетъ-ли этотъ процессъ образецъ истин-

---

Цэрингенъ, устраненный морганатическою супругою В. Г. Карла Фридриха, происходившею изъ рода Гейеръ фонъ-Гейербергъ, для доставленія престола своему сыну, Леопольду. Освобожденіе Каспара объяснялъ Фейербахъ смертью честолюбивой его преслѣдовательницы 1824 г. Въ 1829 г. сдѣлана неизвѣстнымъ лицомъ попытка убить Каспара. 29 мая 1833 г. умеръ А. Фейербахъ 17 декабря того же 1833 г. зарѣзанъ Каспаръ Гаузеръ. Убійца не отысканъ. Происхожденіе Каспара осталось неизвѣстно.

ной индукціи или нѣтъ. Но для историка эти открытія суть *однажды* совершившееся событіе, не имѣющее возможности повториться, потому что оно было обусловлено крайне-сложною совокупностью предшествующихъ научныхъ открытій, общественнаго развитія въ началѣ XVII-го вѣка, особенностей событій въ Германіи этого времени и еще бо̀льшихъ особенностей біографіи Кеплера. Но какъ только это событіе имѣло мѣсто, оно сдѣлалось элементомъ новаго умственнаго развитія, процессъ котораго опять не можетъ повториться, потому что представляетъ результатъ сплетенія научныхъ, философскихъ, религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ и случайныхъ біографическихъ элементовъ.

Въ группѣ явленій, связанныхъ съ Сѣверо-Американскимъ междоусобіемъ, соціологъ найдетъ подобнымъ же образомъ рядъ примѣровъ для *общихъ законовъ* разныхъ областей общественной жизни; историкъ же разсмотритъ эту группу въ ея сложности, какъ обособленное явленіе, наблюдаемое *однажды*, и которое, именно въ своей цѣлости и сложности, повторенія не допускаетъ.

На сколько историческія явленія представляютъ матеріалъ для установленія постояннаго закона психическихъ явленій въ личности, экономическихъ явленій въ собраніи личностей, неизбѣжной смѣны политическихъ формъ или идеальныхъ влеченій въ народахъ, на столько эти историческія явленія представляютъ интересъ для психологіи, для соціологіи, для феноменологіи личнаго или общественнаго духа, словомъ, для одного изъ отдѣловъ естествознанія въ его приложеніи къ человѣку. Но

для историка они не экземпляры неизмѣннаго закона, а характеристическія черты однажды происшедшаго измѣненія.

Противъ предыдущаго могутъ возстать съ двухъ точекъ зрѣнія. Историческіе теоретики скажутъ, что я не понимаю требованія исторіи, какъ науки: что она, какъ всѣ науки, ищетъ неизмѣнныхъ законовъ, и факты историческаго процесса для историка важны лишь на столько, на сколько они уясняютъ ему общій законъ этого процесса; что факты сами въ себѣ никакой важности не имѣютъ, и придавать имъ ее, значитъ обращать исторію въ тотъ калейдоскопъ пестрыхъ картинокъ трагическаго или комическаго свойства, который для дюжинныхъ историковъ и теперь составляетъ идеалъ исторіи. Найдутся также читатели, которые съ нѣкоторымъ правомъ признаютъ въ сказанномъ повтореніе давно избитой мысли, что лишь человѣкъ имѣетъ исторію, и что въ исторіи событія не повторяются, а представляютъ постоянно новыя комбинаціи.

Послѣднимъ я замѣчу, что я не выдаю свою мысль за новость; но иногда и старое не дурно напомнить, а *это* старое мнѣ хотѣлось напомнить именно потому, что въ послѣднее время произошла нѣкоторая путаница понятій въ отношеніи смысла слова: *историческій* законъ. Многіе приверженцы Бокля, напримѣръ, говорятъ, что онъ открылъ нѣкоторые законы исторіи. Я не имѣю въ виду здѣсь подтверждать или отрицать точность его открытій, но, каковы бы они ни были, они относятся не къ законамъ *исторіи*. Онъ только *помощью* исторіи устанавливалъ нѣкоторые законы соціологіи, т. е. опредѣ-

лялъ, при пособіи историческихъ примѣровъ, какъ преобладаніе того или другаго элемента дѣйствуетъ на развитіе общества вообще, и какъ оно *всегда будетъ дѣйствовать*, если повторится это преобладаніе. Это вовсе не законъ историческаго процесса, какъ понимали установленіе подобнаго закона Вико, Боссюэтъ, Гегель, Контъ, Бюшэ.

Что касается до историковъ-теоретиковъ, то я думаю, что они согласятся со мною въ двухъ пунктахъ. Первое, что всѣ попытки мыслителей, которые, подобно Вико, старались свести исторію на процессъ повторяющихся явленій, оказались весьма неудачны, какъ только дѣло дошло до сравненія двухъ періодовъ въ частностяхъ; слѣдовательно, что исторія представляетъ процессъ, въ которомъ требуется опредѣлить послѣдовательную связь явленій, *одинъ лишь разъ* представляющихся историку въ данной совокупности, въ каждый моментъ процесса. Второе, что законъ исторической послѣдовательности въ ея цѣломъ еще не найденъ, но ищется. Если такъ,—будемъ искать.

Прежде всего, чтобы найти какую-либо руководящую нить въ пестромъ калейдоскопѣ событій, желательно отдѣлить важнѣйшее отъ менѣе важнаго. Естествоиспытателю это сдѣлать легко: что повторяется въ неизмѣнной связи, то важнѣе, потому что въ немъ-то и есть законъ; что же относится къ случайнымъ видоизмѣненіямъ, то маловажно и берется лишь къ свѣдѣнію, для будущихъ возможныхъ соображеній. Вѣроятно, ни одинъ изслѣдователь не нашелъ двухъ человѣческихъ сердецъ совершенно тожественныхъ по формѣ и объему, но, откидывая индивидуальныя измѣненія, какъ маловажныя, онъ отнесъ къ наукѣ лишь неизмѣнныя черты общаго стро-

енія. Въ исторіи этотъ критерій невозможенъ потому что явленіе не повторяется. Но это единственная мѣрка важности явленій, которую наблюдатель можетъ черпать изъ самыхъ явленій, единственный *объективный* способъ судить о важности явленій. Такъ какъ онъ въ исторіи неприложимъ, то важность историческихъ явленій и оцѣнивается не объективно. Они цѣнятся личностью по той мѣрѣ, которую личность прилагаетъ вообще къ дѣйствіямъ человѣка. Они подлежатъ оцѣнкѣ по *нравственному* ихъ вліянію. Сознательно или безсознательно, человѣкъ прилагаетъ ко всей исторіи человѣчества ту нравственную выработку, которой онъ самъ достигъ. Одинъ ищетъ въ жизни человѣчества лишь того, что способствовало образованію или разрушенію сильныхъ государствъ. Другой слѣдитъ преимущественно за борьбою, усиленіемъ и гибелью національностей. Третій старается убѣдить себя и другихъ, что торжествующая сторона была всегда правѣе побѣжденной. Четвертый интересуется фактами, на сколько они осуществили ту или другую идею, принимаемую имъ за безусловное благо для человѣчества. Всѣ они судятъ объ исторіи субъективно, по своему взгляду на нравственные идеалы, да иначе и судить не могутъ.

Пусть читатель не полагаетъ, что историкъ можетъ получить объективный критерій для обсужденія важности событія, беря въ соображеніе число личностей, подлежащихъ вліянію того или другаго событія. Какъ для Августина или Боссюэта событія, имѣвшія вліяніе на жителей маленькой Палестины, были несравненно важнѣе походовъ Чингисхана или Александра Македон-

скаго, такъ и для современнаго историка завоеваніе огромной Китайской имперіи Монголами будетъ, я думаю, менѣе значительно, чѣмъ борьба нѣсколькихъ горныхъ кантоновъ Швейцаріи съ Габсбургами.

И такъ, волей-неволей, приходится прилагать къ процессу исторіи субъективную оцѣнку, т. е. усвоивъ, по степени своего нравственнаго развитія, тотъ или другой нравственный идеалъ, расположить всѣ факты исторіи въ перспективѣ, по которой они содѣйствовали, или противудѣйствовали этому идеалу, и на первый планъ исторіи выставить, по важности, тѣ факты, въ которыхъ это содѣйствіе, или противудѣйствіе выразилось съ наибольшею яркостью. Но здѣсь представляются еще два многозначительныя обстоятельства. Во первыхъ, при этой точкѣ зрѣнія, всѣ явленія обособляются какъ благодѣтельныя или вредныя, какъ нравственное добро или зло. Во вторыхъ, мы,—съ нашимъ нравственнымъ идеаломъ, опредѣляющимъ перспективу процесса исторіи,—становимся въ конецъ этого процесса; все предыдущее становится къ нашему идеалу въ отношеніе подготовительныхъ ступеней, ведущихъ неизбѣжно къ опредѣленной цѣли. Слѣдовательно, исторія представляется намъ борьбою благодѣтельнаго и вреднаго начала, гдѣ благодѣтельное, въ неизмѣнномъ видѣ или въ постепенномъ развитіи, достигло наконецъ той точки, на которой оно есть для насъ высшее благо человѣчества. И такъ въ процессѣ исторіи мы неизбѣжно видимъ *прогрессъ*. Если мы сторонники начала, торжествующаго въ наше время, то мы разсматриваемъ свою эпоху, какъ вѣнецъ всего предыдущаго. Если наши симпатіи принадлежатъ тому, что,

очевидно, ослабѣло, то мы вѣримъ, что наша эпоха критическая, переходная, патологическая, за которою послѣдуетъ непремѣнно эпоха торжества. Вѣровавшіе въ близкій конецъ міра,—при чемъ міръ представлялся имъ исполненнымъ зла,—вѣрили въ долженствующее послѣдовать затѣмъ блаженство праведныхъ. Принимавшіе первобытное состояніе совершенства вступали со слѣдующаго шага въ теорію прогресса. Даже приверженцы круговоротовъ въ исторіи (что мы, впрочемъ, теперь развивать не будемъ) невольно подчинялись этому общему закону человѣческаго мышленія. По неизбѣжной необходимости этого мышленія, *для человѣка* процессъ исторіи всегда представляется—болѣе или менѣе ясно и послѣдовательно,—борьбою за прогрессъ и окончательнымъ торжествомъ прогресса, и лишь тѣ явленія были историческими въ строгомъ смыслѣ этого слова, которыя вліяли на этотъ прогрессъ.

Я знаю, что мое пониманіе слова *прогрессъ* многимъ и многимъ не понравится. Всѣ, желающіе придать исторіи то объективное безпристрастіе, которое присуще процессамъ природы, возмутятся тѣмъ, что для меня прогрессъ зависитъ отъ личнаго взгляда изслѣдователя. Всѣ, вѣрующіе въ безусловную непогрѣшимость своего нравственнаго міросозерцанія, хотѣли бы себя увѣрить, что не только *для нихъ*, но и *само въ себѣ* важнѣе лишь то въ историческомъ процессѣ, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ основамъ этого міросозерцанія. Но, право, пора бы людямъ мыслящимъ усвоить себѣ очень простую вещь: что различіе важнаго и не важнаго, благодѣтельнаго и вреднаго, хорошаго и дурнаго, суть различія су-

ществующія лишь *для человѣка*, а вовсе чуждыя природѣ и вещамъ самимъ въ себѣ; что одинаково неизбѣжна для человѣка необходимость прилагать ко всему свой, человѣческій (антропологическій) способъ воззрѣнія, и, для вещей въ ихъ совокупности, необходимость слѣдовать процессамъ, неимѣющимъ ничего общаго съ человѣческимъ воззрѣніемъ. *Для человѣка* важны общіе законы, а не индивидуальные факты, потому что онъ понимаетъ предметы, лишь обобщая ихъ; но наука, съ ея общими законами явленій, присуща лишь человѣку, а внѣ человѣка существуетъ *только* одновременныя и послѣдовательныя сцѣпленія фактовъ, столь мелкихъ и дробныхъ, что человѣкъ едва ли можетъ ихъ и уловить во всей ихъ мелкости и дробности. *Для человѣка* изъ непрерывной нити пошлостей жизни выдѣляются въ біографіяхъ и въ исторіяхъ нѣкоторыя мысли, чувства и дѣла человѣка (или группы людей) какъ важнѣйшія, имѣющія идеальное значеніе, историческую важность; но это выдѣленіе совершается только *имъ*, человѣкомъ; безсознательные процессы природы вырабатываютъ мысль о всемірномъ тяготѣніи, о солидарности людей совершенно также, какъ ворсинку на ногѣ жука, или стремленіе лавочника сорвать лишнюю копѣйку съ покупщика; Гарибальди и ему подобные для природы—совершенно такіе же экземпляры породы человѣка въ XIX вѣкѣ, какъ любой сенаторъ Наполеона III, любой бюргеръ маленькаго городка Германіи, любой изъ тѣхъ пошляковъ, которые гранять тротуары Невскаго проспекта. Наука не представляетъ никакихъ данныхъ, по которымъ безпристрастный изслѣдователь имѣлъ бы право перенести

свой нравственный судъ о значительности общаго закона, геніальной или героической личности, изъ области *человѣческаго* пониманія и желанія, въ область безсознательной и безстрастной природы.

При этомъ, мнѣ приходится высказаться относительно понятія о прогрессѣ двухъ замѣчательныхъ мыслителей, *повидимому*, несогласныхъ съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ. „Прогрессъ—говоритъ Прудонъ (Philosophie du progrès, 24)—это—утвержденіе всеобщаго движенія, слѣдовательно, отрицаніе всякой неизмѣнной формулы... приложенной къ какому бы то ни было существу; всякаго ненарушимаго строя, не исключая строя вселенной; всякаго субъекта или объекта, эмпирическаго или трансцендентнаго, который бы не измѣнялся". Это, какъ будто, совершенно объективная точка зрѣнія, закалывающая собственныя убѣжденія на алтарѣ всемірнаго процесса измѣненія. Но продолжайте читать великаго мыслителя и вы узнаете, что для него прогрессъ въ разныхъ областяхъ—синонимъ группировки идей, свободы личности, справедливости, т. е. что онъ называетъ прогрессомъ тѣ измѣненія, которыя ведутъ къ *лучшему* пониманію вещей, къ *высшему* нравственному идеалу личности и общества, какъ этотъ идеалъ выработался у *него*, Прудона. Безусловно лучшее существовало и для Прудона, какъ существовало и будетъ существовать для всякаго развитаго человѣка; оно называлось для Прудона: истина, свобода, справедливость, и это безусловное становилось здѣсь цѣлью и сущностью прогресса съ такою же субъективною обязатель-

ностью, какъ тысячелѣтнее царство для хиліастовъ. Съ послѣднимъ взглядомъ на прогрессъ соглашается впрочемъ и самъ Прудонъ въ другомъ мѣстѣ, именно въ девятомъ этюдѣ своего большаго труда «О справедливости въ революціи и въ церкви».

Спенсеръ говоритъ („Собраніе сочиненій", вып. I, 2): „Чтобы правильно понять прогрессъ, мы должны изслѣдовать сущность этихъ измѣненій, разсматривая ихъ независимо отъ нашихъ интересовъ... Оставляя въ сторонѣ побочныя обстоятельства и благодѣтельныя послѣдствія прогресса, спросимъ себя, что онъ такое самъ въ себѣ". Затѣмъ онъ называетъ органическимъ прогрессомъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному и доказываетъ, что это есть законъ всякаго прогресса. Тутъ уже, повидимому, мы совершенно объективно смотримъ на явленіе. Но прочтите внимательно самый приступъ Спенсера къ дѣлу, и вы увидите что онъ выходитъ изъ точки зрѣнія совершенно субъективной. Онъ за *данныя* принимаетъ обиходныя понятія о прогрессѣ, какъ увеличеніе числа народа, количества матеріальныхъ продуктовъ, улучшеніе ихъ качества, увеличеніе числа познанныхъ фактовъ и понятыхъ законовъ, словомъ,—всего, что прямо или косвенно стремится къ возвышенію человѣческаго счастія. Онъ только находитъ въ этихъ понятіяхъ *неясность, тѣнь прогресса,* а не самый прогрессъ. Онъ хочетъ уяснить *именно эти* измѣненія, найти *сущность* именно этого процесса и полагаетъ, что нашелъ ее въ дифференцированіи, по аналогіи органическаго развитія, которое ему угодно назвать *прогрессомъ.* Но заключаетъ ли органическое развитіе характеристическій признакъ

тѣхъ явленій, изъ которыхъ авторъ заимствовалъ понятіе о прогрессѣ?—весьма сомнительно. Увеличеніе числа людей, увеличеніе матеріальныхъ и умственныхъ богатствъ имѣетъ ту общую черту, что въ немъ мы видимъ нѣчто *лучшее*, болѣе желательное, болѣе соотвѣтственное *требованіямъ* отъ человѣка и человѣчества. Но что лучшаго въ новорожденномъ животномъ сравнительно съ зародышемъ или яйцемъ, изъ котораго оно произошло? или почему взрослое животное лучше новорожденнаго? Если позволительно говорить о *прогрессѣ* въ развитіи животнаго, то столь же правильно будетъ говорить и о *цѣляхъ* въ природѣ, *желаніяхъ* растеній, о *государствѣ* солнечной системы. Къ тому же желательно знать, назвалъ ли бы самъ Спенсеръ прогрессомъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному въ человѣческомъ обществѣ, если бы это дифференцированіе дошло до того, что каждый человѣкъ говорилъ бы особымъ языкомъ, имѣлъ бы особыя понятія объ истинномъ, справедливомъ и прекрасномъ?—Мысль Спенсера вообще вѣрна, такъ какъ опытъ доказалъ, что въ значительномъ числѣ случаевъ приближеніе личности и общества къ нравственному идеалу *его*, Спенсера, шло путемъ дифференцированія; но это понятіе не покрываетъ собою всѣхъ явленій прогресса и даже не всегда исключаетъ полное несогласіе съ прогрессомъ, какъ процессомъ вырабатыванія даннаго нравственнаго идеала. Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда мысль вѣрна, она указываетъ лишь *причину* прогресса, а онъ самъ все-таки лежитъ въ субъективномъ взглядѣ мыслителя на то, что лучше или что хуже для человѣка или для человѣчества.

И такъ, я полагаю что два мыслителя, взятые мною для примѣра, расходятся съ приведенными взглядами на прогрессъ лишь на словахъ, а въ сущности стоятъ, какъ и всѣ, на той же почвѣ, обусловливаемой природою человѣческаго мышленія. Они ставятъ сами или заимствуютъ у другихъ нѣкоторый нравственный идеалъ, видятъ въ событіяхъ исторіи борьбу за это высшее благо и приближеніе къ нему. И всѣ поступаютъ точно также.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Величина прогресса въ человѣчествѣ.

Все, сказанное въ предъидущемъ письмѣ, требуетъ, конечно, чтобы я выставилъ предъ читателемъ опредѣлительно, въ чемъ именно я вижу цѣль прогрессивнаго движенія человѣчества. Я это и сдѣлаю.

Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи. Воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости—вотъ краткая формула, обнимающая, какъ мнѣ кажется, все, что можно считать прогрессомъ; и прибавлю, что я въ этой формулѣ не считаю ничего мнѣ лично принадлежащимъ: болѣе или менѣе ясно и полно высказанная, она лежитъ въ сознаніи всѣхъ мыслителей послѣднихъ вѣковъ, а въ наше время становится ходячею истиною, повторяемою даже тѣми, кто дѣйствуетъ несогласно съ нею и желаетъ совершенно иного.

Эта формула, при своей краткости, допускаетъ обширное развитіе и, развивая ее, мы получимъ полную теорію какъ личной, такъ и общественной нравствен-

ности. Конечно, здѣсь не мѣсто развивать эти вопросы— да я и не думаю дѣлать этого. Я только укажу на нѣкоторыя условія, необходимыя для осуществленія прогресса въ томъ смыслѣ, который указанъ выше.

Развитіе личности въ *физическомъ* отношеніи лишь тогда возможно, когда она пріобрѣла нѣкоторый минимумъ гигіеническихъ и матеріальныхъ удобствъ, ниже котораго вѣроятность страданія, болѣзней, постоянныхъ заботъ, далеко превосходитъ вѣроятность какого-либо развитія, дѣлаетъ послѣднее долею лишь исключительныхъ личностей, а всѣ остальныя обрекаетъ на вырожденіе въ ежеминутной борьбѣ за существованіе, безъ всякой надежды на улучшеніе своего положенія.

Развитіе личности въ *умственномъ* отношеніи лишь тогда прочно, когда личность выработала въ себѣ потребность критическаго взгляда на все ей представляющееся, увѣренность въ неизмѣнности законовъ управляющихъ явленіями, и пониманіе, что справедливость, въ своихъ результатахъ, тожественна съ стремленіемъ къ личной пользѣ.

Развитіе личности въ *нравственномъ* отношеніи лишь тогда вѣроятно, когда общественная среда дозволяетъ и поощряетъ въ личностяхъ развитіе самостоятельнаго убѣжденія; когда личности имѣютъ возможность отстаивать свои различныя убѣжденія и тѣмъ самымъ принуждены уважать свободу чужаго убѣжденія; когда личность сознала, что ея достоинство лежитъ въ ея убѣжденіи, и что уваженіе достоинства чужой личности есть уваженіе собственнаго достоинства.

Воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости предполагаетъ прежде всего для ученаго и мыслителя возможность высказать положенія, счита-

емыя имъ за выраженія истины и справедливости: затѣмъ оно предполагаетъ въ обществѣ нѣкоторый минимумъ общаго образованія, дозволяющій большинству понять эти положенія и оцѣнить аргументы, приводимые въ ихъ пользу; наконецъ оно предполагаетъ такія общественныя формы, которыя допускали бы измѣненіе, лишь только окажется, что эти формы перестали служить воплощеніемъ истины и справедливости.

Я вовсе не такъ увѣренъ въ томъ, что читатель согласится съ этими условіями прогресса, какъ надѣялся на безпрекословное принятіе имъ короткой формулы, поставленной въ началѣ; но это общая судьба формулъ. Весьма многіе согласны съ ними, пока онѣ не уяснены; какъ только начинается уясненіе, люди, ихъ принимавшіе, начинаютъ угадывать, что они, приверженцы одной и той же формулы, не совсѣмъ понимали другъ друга. Для меня эти условія кажутся необходимыми и я предоставляю тому, кто несогласенъ со мною, удержавъ формулу, поставить ей другія условія.

Но, поставивъ *эти* условія, я позволю себѣ спросить читателя: имѣемъ ли мы вообще право говорить въ настоящее время о прогрессѣ *человѣчества*? Можно-ли сказать, что для большинства 1,300 милліоновъ, изъ которыхъ состоитъ современное человѣчество, *начальныя* условія прогресса уже осуществлены? Даже *нѣкоторыя* изъ этихъ условій осуществлены-ли? и для какой доли изъ этихъ 1,300 милліоновъ? И можно-ли безъ нѣкотораго ужаса подумать, *во что* обошлось несчастнымъ милліонамъ погибшихъ поколѣній осуществленіе прогресса для маленькой горсти личностей, которыхъ историкъ можетъ считать представителями цивилизаціи.

Я бы счелъ оскорбленіемъ для читателя, если бы усомнился на минуту въ томъ, какъ онъ отвѣтитъ на вопросъ: осуществлены-ли начальныя условія прогресса? Здѣсь возможенъ лишь *одинъ* отвѣтъ: *всѣ* условія прогресса не осуществлены *ни для одного* человѣка и *ни одно* изъ нихъ не осуществлено *для большинства.*—Всюду и всегда личности, выработавшія въ себѣ какой-либо прогрессъ, должны были бороться съ неисчислимыми препятствіями, тратить на эту борьбу самую значительную долю своихъ силъ и своей жизни, чтобы только отстоять свое право на физическое, умственное развитіе. Лишь при особенно выгодныхъ обстоятельствахъ имъ это удавалось. Лишь при исключительномъ положеніи личностей борьба за существованіе не имѣла мѣста, а время и силы шли на борьбу за увеличеніе наслажденій. Еще исключительнѣе было положеніе тѣхъ, которые воспользовались на столько совершившеюся за нихъ борьбою другихъ личностей, чтобы бороться за нравственное наслажденіе сознательнаго развитія въ себѣ человѣчныхъ началъ и воплощенія ихъ въ общественныя формы. И во всѣхъ этихъ случаяхъ борьба требовала такую долю силъ и жизни, что на самое осуществленіе цѣли борьбы оставалось и того и другаго крайне мало, такъ что немудрено, если человѣчество, даже въ части всего лучше обставленной, достигло еще столь не многаго. Удивительно еще, что при столь невыгодныхъ условіяхъ, нѣкоторая часть человѣчества все-таки достигла чего-то, имѣющаго право назваться не осуществленіемъ, а развѣ подготовленіемъ правильнаго прогресса. Но за то какъ мала эта доля *успѣвшихъ?* и чего это стоило *остальнымъ?*

Всего болѣе подвинулось человѣчество относительно

условій физическаго развитія личности, между тѣмъ даже и въ этомъ отношеніи какъ еще незначительно число лицъ, для которыхъ осуществленъ *необходимый* минимумъ гигіеническихъ и матеріальныхъ удобствъ! Какое ничтожное меньшинство изъ 1,300 милліоновъ человѣчества пользуется достаточною и здоровою пищею, имѣетъ одежду и жилище, удовлетворяющія основнымъ требованіямъ гигіены, можетъ обратиться къ медику въ случаѣ болѣзни, къ общественной заботливости въ случаѣ голода, или внезапнаго несчастія! Какое огромное большинство проводитъ почти всю свою жизнь въ непрестанныхъ заботахъ о насущномъ хлѣбѣ, въ неутомимой борьбѣ за свое жалкое существованіе и притомъ еще не всегда въ состояніи отстоять себя!—Сочтите племена, которымъ эта борьба и до сихъ поръ не дозволила выйдти изъ состоянія почти ничѣмъ не отличающагося отъ другихъ породъ животныхъ. Сочтите жертвы голода, эпидемій въ многочисленныхъ племенахъ, лишенныхъ всѣхъ пособій раціональной культуры. Сочтите въ средѣ цивилизованной Европы ту массу населенія, которая осуждена всю жизнь биться изъ-за завтрашняго куска хлѣба. Припомните страшные отчеты о гигіеническихъ условіяхъ жизни рабочаго въ самыхъ *развитыхъ* странахъ Европы. Посмотрите въ таблицахъ смертности, какія цифры соотвѣтствуютъ вздорожанію хлѣба на нѣсколько процентовъ, какъ измѣняется вѣроятность жизни для бѣдняка и для богатаго. Припомните, какъ малъ заработокъ огромнаго большинства европейскаго населенія.—Когда эти цифры предстанутъ предъ вами въ ихъ ужасающей реальности, тогда можете спросить себя, какая доля человѣчества *пользуется дѣйствительно* тѣми жизненными удоб-

ствами, тѣми необходимыми условіями физическаго развитія для человѣка, которыя выработываетъ современная культура въ ея фабрикахъ, медицинскихъ факультетахъ, въ ея комитетахъ о бѣдныхъ? Какъ велико *практическое* значенiе человѣческой науки и человѣческой филантропіи въ наше время для жизни большинства людей, для ихъ развитія? А при этомъ нельзя не сознаться, что увеличенiе матеріальныхъ удобствъ жизни въ Европѣ бросается въ глаза, и что безспорно количество личностей имѣющихъ возможность пользоваться удобствами здоровой пищи, здороваго жилища, медицинскаго пособія въ случаѣ болѣзни и полицейской охраны отъ случайностей—очень увеличилось въ послѣднiе вѣка. На этой-то небольшой долѣ человѣчества, охраненной отъ самой тяжкой нужды, лежитъ въ наше время *вся* человѣческая цивилизація.

Далеко, далеко ниже стоитъ человѣчество на пути осуществленія условій умственнаго развитія. Нечего и говорить о выработкѣ критическаго взгляда на вещи, о пониманіи неизмѣнности законовъ природы и утилитарнаго значенія справедливости для огромнаго числа тѣхъ, которые должны еще отстаивать свое существованiе противъ ежеминутной опасности. Но и меньшинство, болѣе или менѣе огражденное отъ этихъ тяжелыхъ заботъ, заключаетъ въ себѣ лишь самую незначительную долю личностей, привыкшихъ мыслить критически, усвоившихъ смыслъ слова: *законъ явленій*, и ясно понимающихъ собственную пользу. Слишкомъ много смѣялись и негодовали, приводя примѣры господства моды, привычки, преданій, всякаго рода авторитетовъ въ цивилизованномъ меньшинствѣ, чтобы мнѣ

нужно было распространяться объ этомъ предметѣ, и повторять тысячу разъ повторенную истину — что люди, выработавшіе въ себѣ привычку критически мыслить *вообще*, суть замѣчательныя рѣдкости. Нѣсколько болѣе, хотя и то очень мало, людей, привыкшихъ обобщать явленія какой-либо одной, болѣе или менѣе широкой, сферы явленій. Внѣ этой сферы, они столь-же подчинены безсмысленному повторенію чужихъ мнѣній, какъ и все остальное большинство человѣчества. — Что касается до усвоенія понятія о неизмѣнности законовъ, управляющихъ явленіями, то его можно искать только въ маленькой группѣ лицъ, серьезно занимавшихся наукою. Но и между ними далеко не всѣ, которые его проповѣдуютъ на словахъ, могутъ считаться усвоившими его въ самомъ дѣлѣ. Эпидемія новѣйшихъ маговъ: магнетизеровъ, вызывателей духовъ, спиритистовъ, дали длинные списки именъ лицъ, увлеченныхъ этими эпидеміями, и въ числѣ этихъ именъ встрѣчаются, къ сожалѣнію, люди науки. Да и внѣ этихъ эпидемій, особенно въ минуты жизненной опасности, душевныхъ потрясеній и т. п. не разъ люди науки обращались къ амулетамъ и заклинаніямъ (конечно, въ ихъ общеупотребительной формѣ), показывая, какъ не крѣпко въ ихъ умахъ убѣжденіе въ неизмѣнности хода явленій и въ невозможности отклонить процессы природы отъ ихъ неизбѣжнаго совершенія. Мудрено-ли, послѣ этого, что амулеты и заклинанія играютъ свою роль среди блестящей культуры Европы XIX вѣка столь-же эффектно, какъ въ пустыняхъ Африки у нашихъ современниковъ, или за нѣсколько тысячелѣтій у нашихъ предковъ. Наука природы отвоевала лишь кое-что у міра чудес-

наго, такъ что культура нашего времени въ мелочахъ жизни представляетъ пеструю смѣсь раціональныхъ и предразсудочныхъ пріемовъ, и вѣра въ чудесное готова пробудиться въ большинствѣ *образованнаго* класса при первомъ удобномъ къ тому поводѣ. — Я не рѣшаюсь даже поставить вопроса о развитіи пониманія утилитарной стороны справедливости. Мы видимъ безпрестанно людей, дѣйствующихъ справедливо по минутному настроенію, по привычкѣ, по внутреннему влеченію характера, но за то не менѣе, если не болѣе, видимъ и дѣйствій несправедливыхъ, иногда совершаемыхъ тѣми же самыми личностями. Шаткость въ этихъ случаяхъ происходитъ несравненно чаще отъ дурнаго пониманія личной выгоды, чѣмъ отъ злаго намѣренія, и можетъ уменьшиться лишь съ пониманіемъ тожества справедливости и эгоистическаго разсчета, взявшаго въ соображеніе всѣ обстоятельства. Но весь этотъ прогрессъ еще въ будущемъ, если онъ когда-либо будетъ имѣть мѣсто. Въ настоящемъ, число единицъ, усвоившихъ себѣ подобный взглядъ въ теоріи и на практикѣ, совершенно незамѣтно. — Какъ ни мало достигнуты условія умственнаго прогресса, даже въ средѣ меньшинства, обезпеченнаго отъ прямой борьбы за существованіе, но все-таки эти условія, хотя частью выполняются. Есть небольшая группа людей, выработавшихъ въ себѣ привычку критически мыслить хотя въ частной области знанія. Неизмѣнность законовъ явленій теоретически признана большинствомъ ученыхъ, хотя очень мало вошла въ личное убѣжденіе. Только утилитарное значеніе справедливости, даже въ теоріи, сознано очень мало.

Но что сказать объ условіяхъ нравственнаго развитія личности? Такъ какъ объ убѣжденіяхъ можно говорить только въ кругу людей, выработавшихъ въ себѣ способность критически мыслить, то и условія нравственнаго развитія существуютъ лишь для этой маленькой группы. Но лишь одна доля ея находится въ странахъ, гдѣ законъ ограждаетъ личное убѣжденіе, а не караетъ его. Лишь небольшая доля этой доли живетъ въ общественной средѣ, которая не смотритъ на самостоятельность убѣжденій, какъ на нравственный порокъ, не старается искоренить его съ дѣтства воспитаніемъ, внушающимъ покорность общепринятому, не гонитъ его всѣми средствами въ жизни, какъ неприличіе, вредящее общественному спокойствію. Когда личности этой, едва замѣтной, группы человѣчества, счастливѣе другихъ постановленной въ отношеніи условія нравственнаго развитія, выработали себѣ убѣжденіе, то лишь маленькая доля ихъ сохраняетъ терпимость въ отношеніи чужихъ убѣжденій, и еще меньшая къ этому присоединяетъ сознаніе, что достоинство человѣка лежитъ въ его убѣжденіи. Судите же по этому, для какой самомалѣйшей части человѣчества въ каждомъ поколѣніи возможенъ нравственный прогрессъ. А въ нравственномъ прогрессѣ каждое поколѣніе повторяетъ ту же работу, такъ какъ сила и самостоятельность убѣжденія, а также готовность стоять за него, не передается отъ одной личности другой, а выработывается каждою личностью самостоятельно. Прогрессъ заключается здѣсь лишь въ числѣ личностей, усвоившихъ сильныя и самостоятельныя убѣжденія. По малочисленности лицъ, для

которыхъ это усвоеніе вообще *возможно*, нѣтъ никакихъ средствъ опредѣлить: существуетъ ли этотъ прогрессъ или нѣтъ. Можно бы предполагать, что онъ имѣетъ мѣсто вслѣдствіе расширенія географической территоріи, гдѣ законъ ограждаетъ свободу мысли, но за то лучшія средства административнаго надзора стѣсняютъ ее болѣе чѣмъ прежде, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ въ этомъ отношеніи репрессивное законодательство, что рѣшеніе этого вопроса предстоитъ будущему. Для настоящаго онъ и не имѣетъ особой важности по незначительности той доли человѣчества, до которой этотъ вопросъ касается. Замѣчу, что Бокль, отрицая нравственный прогрессъ въ человѣчествѣ, имѣлъ въ виду совсѣмъ иное.

Переходимъ къ условіямъ, необходимымъ для воплощенія въ общественныхъ формахъ истины и справедливости. Первое изъ нихъ—возможность высказать свои научныя знанія и философскія убѣжденія—выполнено, болѣе или менѣе, въ довольно замѣтной части цивилизованнаго міра и это самый дѣйствительный прогрессъ человѣческой исторіи. Но второе,—достаточный минимимумъ общественной образованности—какъ мы видѣли, осуществилось лишь для незначительнаго меньшинства, обезпеченнаго отъ самой упорной борьбы за существованіе и привыкшаго критически мыслить: всѣ остальные члены общества или подавлены ежедневными заботами, или привыкли идти за авторитетами. Третье условіе—возможность обсужденія и измѣненія отжившихъ общественныхъ формъ, до нѣкоторой степени осуществлено въ иныхъ мѣстностяхъ, т. е. тамъ существуетъ законный органъ общественнаго мнѣнія, обле-

ченный правомъ законодательства. Но прогрессивное значенiе этого учрежденiя въ значительной степени умаляется двумя причинами, коренящимися въ недостаточномъ осуществленiи условiй физическаго развитiя массъ, умственнаго же и нравственнаго—почти для всѣхъ. Такъ такъ тяжелыя заботы о насущномъ хлѣбѣ дѣлаютъ для огромнаго большинства личностей совершенно невозможнымъ участiе въ законодательствѣ, при сложныхъ формахъ, которыя ему приданы, и такъ какъ даже немногимъ личностямъ этого большинства, имѣвшимъ, случайно, возможность развиться умственно, настоящiй общественный строй, въ большей части случаевъ, полагаетъ всевозможныя препятствiя,—то и наличныя общественныя формы обсуживаются и измѣняются лишь представителями обезпеченнаго меньшинства. Такъ какъ это меньшинство критически развито весьма мало и всего менѣе въ отношенiи пониманiя утилитарнаго значенiя справедливости,—то справедливое сужденiе въ этомъ случаѣ составляетъ случайность, а общимъ правиломъ является сужденiе и рѣшенiе на основанiи исключительныхъ, эгоистическихъ интересовъ меньшинства, поставленнаго обстоятельствами у двигателя законодательной машины. Смотря по знанiямъ этого меньшинства и по его лучшему или худшему пониманiю собственныхъ интересовъ, оно воплощаетъ въ законодательствѣ эти интересы полнѣе или менѣе полно. При болѣе критическомъ отношенiи къ *своимъ* интересамъ, оно полезнѣе влiяетъ и на весь общественный строй. Но недостатокъ критической мысли въ обществѣ высказывается въ этомъ случаѣ еще иначе, и еще болѣе

ограничиваетъ возможность полезныхъ измѣненій путемъ законодательства до нашего времени.

Не только *интересы* меньшинства препятствуютъ улучшенію общественныхъ формъ; ему препятствуютъ еще болѣе усвоенныя *привычки*, освященныя временемъ *преданія*. Въ глазахъ значительнаго числа личностей самыхъ развитыхъ обществъ, обсужденію и законному измѣненію всегда подлежали лишь нѣкоторыя политическія и нѣкоторыя маловажныя экономическія формы. Все остальное остается *неприкосновенною* святынею даже въ глазахъ многихъ изъ тѣхъ, которые болѣе или менѣе терпятъ отъ этой неприкосновенной святыни, тѣмъ болѣе въ глазахъ тѣхъ, которые не чувствуютъ ея тягости. Было время, когда ни одинъ политическій ораторъ свободной республики не могъ бы заикнуться объ уничтоженіи рабства. Было время, когда терпимость къ иновѣрцамъ представляла тему, способную повести на костеръ. Но еще и въ наше время въ парламентахъ иныхъ народовъ можно спокойно обсуждать тарифы и займы, а радикальное обсужденіе вопроса о распредѣленіи богатствъ невозможно. Пренія объ отвѣтственности министровъ допускаются, но предложеніе о замѣнѣ одной династіи другою или династіи выборнымъ на время президентомъ не могло бы имѣть мѣста. Экономическую сторону семейныхъ отношеній подвергаютъ пересмотру, но до нравственной основы этихъ отношеній и не касаются. Во многихъ случаяхъ нельзя сказать, чтобы прикосновеніе къ этимъ святынямъ было прямо запрещено закономъ или подвергало бы нарушителя опредѣленной карѣ. Мнѣніе можетъ быть вы-

сказано, если между законодателями найдется критически-мыслящая и смѣлая личность. Но привычка и преданіе не дозволяетъ большинству законодателей и значительной части общества даже приступить про себя къ обсужденію мотивовъ. Мнѣніе будетъ отвергнуто невыслушаннымъ, несознаннымъ, и не потому, чтобы его противникамъ казались аргументы его слабыми или интересы ихъ при этомъ затронутыми, а просто потому что это мнѣніе въ ихъ глазахъ *не подлежитъ обсужденію*. При недостаткѣ критическаго развитія въ средѣ обезпеченнаго меньшинства, поставляющаго законодателей, и при меньшемъ страданіи интересовъ этого меньшинства отъ неприкосновенныхъ святынь, послѣднія долго остаются фактически святынями даже и послѣ того, какъ въ области мысли онѣ уже давно потеряли свою неприкосновенность, послѣ того какъ огромное большинство чувствуетъ ихъ гнетъ, хотя еще и несознало необходимости измѣнить неприкосновенныя формы. Когда критически-мыслящее меньшинство повторяетъ свои нападенія на нихъ, оно встрѣчаетъ неодолимыя препятствія. Все остается какъ есть, пока мнѣніе о негодности этихъ формъ (конечно, взятое на вѣру) не распространится на довольно значительное число личностей. Тогда отжившія формы разрушаются, но уже не путемъ правильнаго измѣненія, а путемъ революціи, вызывающей обыкновенно наибольшія бѣдствія въ массѣ, подавленной ежедневными заботами, особенно же въ той части этой массы, которая не принимала участія въ переворотѣ и не воспользовалась имъ хотя для временнаго облегченія своего положенія.

Замѣчая какъ мало выполнены условія человѣческаго прогресса, мы, конечно, перестанемъ удивляться существованію печальнаго хора писателей, во всѣ вѣка повторявшихъ горькія жалобы на бѣдствія человѣчества, и сѣтовавшихъ на непрочность такъ называемыхъ историческихъ цивилизацій. Какъ въ наше время огромное большинство человѣчества обречено на непрестанный физическій трудъ, отупляющій умъ и нравственное чувство, на вѣроятность смерти отъ голода или отъ эпидемій, такъ и всегда большинство было въ подобномъ положеніи. Вѣчно трудящейся человѣческой машинѣ, часто голодающей и всегда озабоченной завтрашнимъ днемъ, едва ли лучше въ наше время, чѣмъ было въ другіе періоды. Для нея прогресса нѣтъ. Ей мало дѣла и до культуры, стоящей надъ ея головою со своими дворцами, парламентами, храмами, академіями, музеями. Она опасна лишь въ эпоху голода, когда страданія ея дѣлаются невыносимыми. Она служитъ прочною опорою лишь тогда, когда вѣритъ въ заботливость меньшинства о ней; когда связана съ этимъ меньшинствомъ или фактическимъ вѣрованіемъ, или общностью матеріальныхъ интересовъ; когда для особенно даровитыхъ и энергическихъ личностей изъ ея среды существуетъ возможность пробиться въ обезпеченное меньшинство. Если этой связи не существуетъ между массою неимущихъ и цивилизованнымъ меньшинствомъ, то цивилизація его всегда не прочна. Столкновеніе съ чужеземнымъ завоевателемъ, проповѣдь новой религіи, минутный взрывъ голодной массы могутъ уничтожить въ самое короткое время весьма блестящую культуру, несмотря на ея кажущееся преобладаніе по матеріаль-

нымъ, умственнымъ и нравственнымъ условіямъ. Единственное средство для цивилизаціи быть болѣе прочною, это—постоянно связывать со своимъ существованіемъ матеріальные, умственные и нравственные интересы неимущаго большинства, расширяя на бóльшее и бóльшее число лицъ выгоды матеріальныхъ удобствъ жизни, развивающее дѣйствіе науки, сознаніе личнаго достоинства и привлекательное вліяніе болѣе справедливыхъ общественныхъ формъ. Лишь распредѣляя равномѣрнѣе скопленный капиталъ благосостоянія, умственнаго и нравственнаго развитія, цивилизованное меньшинство можетъ доставить вѣроятность прочности своему собственному развитію.

Древнія восточныя царства, точно также какъ царства Мексики, Перу и, вѣроятно, того безыменнаго общества, которое оставило дворцы и храмы въ лѣсахъ Паленкэ, были снесены со всѣми ихъ цивилизаціями первою соціальною бурею. Это былъ не рядъ случайностей, а совершенно естественный продуктъ формы этихъ цивилизацій. Когда монополія умственнаго развитія принадлежала теократіи, когда монополія жизненныхъ благъ и культурныхъ улучшеній принадлежала небольшому кружку наслѣдственныхъ собственниковъ или людей переходившихъ за порогъ царскаго дворца, когда дворцы для одного и храмы для немногихъ, были результатами неисходнаго труда всѣхъ, когда для большинства не предвидѣлось ни значительнаго улучшенія быта, отъ сохраненія туземныхъ общественныхъ формъ, ни значительнаго вреда отъ подчиненія чуждому завоевателю, тогда что могло искренно связывать это большинство съ цивилизаціею, состав-

лявшею для него лишь любопытное зрѣлище, отдаленное и безполезное? Приходилъ чуждый завоеватель и легко *снималъ* съ вершины общества небольшой слой цивилизованнаго меньшинства. Пустѣли, рушились и обростали лѣсомъ великолѣпные дворцы и храмы въ Ниневіи, чтобы подняться въ Вавилонѣ; затѣмъ падалъ Вавилонъ, чтобы притянуть трудъ и капиталы въ Сузу и Персеполь. Большинство теряло лишь пестрое зрѣлище, а трудилось безъ пользы для Сеннахеримовъ такъ, какъ для Навуходоносоровъ; было связано интересами и жизнію мысли съ Амазисомъ столь же мало, какъ съ Даріемъ; гибло машинально въ войскахъ Кира, какъ оно гибло въ войскахъ Креза... Глубокая несправедливость распредѣленія условій физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія придавала крайнюю непрочность всѣмъ этимъ цивилизаціямъ.

То же явленіе повторилось при паденіи греко-римскаго міра. Но здѣсь все-таки кругъ распространенія цивилизаціи былъ шире, формы ея нѣсколько справедливѣе; поэтому классическая цивилизація была и устойчивѣе, потому и не такъ легко поддалась она напору внѣшнихъ и внутреннихъ разрушительныхъ силъ; потому и слѣды ея въ исторіи человѣчества глубже и многочисленнѣе. Съ нею связаны были интересы экономическіе значительнаго числа гражданъ, интересы умственные всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ возможность, устранивъ самыя тяжелыя заботы, придти въ одинъ изъ городскихъ центровъ мысли и политической жизни. Унизительный деспотизмъ личности смѣнился идеализированнымъ деспотизмомъ государства и закона. Съ теократіей исчезла монополія умственнаго развитія. Точная

наука, независимое философское мышленіе, сознательное участіе гражданина въ политическомъ цѣломъ—расширили осуществленіе условій физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Тѣмъ не менѣе, подъ слоемъ свободныхъ гражданъ, находился несравненно многочисленнѣйшій классъ рабовъ, которымъ предоставленъ былъ весь ремесленный трудъ, и которые ничѣмъ не были связаны съ политическою жизнію гражданъ. За стѣнами самодержавныхъ городовъ расширялись территоріи, подчиненныя произволу и эксплуатаціи, чуждыя научному и философскому развитію центровъ. Педагогическое дѣйствіе научной и философской мысли было слабо и, вмѣсто того чтобы расширить кругъ знающихъ, философы писали на дверяхъ академій запретъ незнающему войти. Высоко и быстро поднялась греческая мысль, но тѣмъ уединеннѣе стояли на этой высотѣ ученые, непонятные обществу, философы, чуждые обыденныхъ интересовъ жизни. Неизбѣжный фатумъ не заставилъ себя ждать. Многочисленные граждане, не связавшіе своихъ интересовъ съ интересами ремесленниковъ—рабовъ и подвластныхъ территорій, не отстояли свободы своихъ городовъ отъ внѣшняго насилія. Въ продолжительной борьбѣ населеніе городовъ, хранившее традицію гражданственности, смѣшалось съ пришлымъ большинствомъ, чуждымъ этой традиціи, и центры древней политической жизни потеряли свое живое значеніе. Малочисленные ученые и передовые мыслители, не связавшіе своей мысли педагогически съ мыслію значительнаго числа лицъ, не отстояли правъ и методовъ своей критики отъ фетишизма массы, отъ лѣни и непослѣдовательности умовъ обезпеченнаго меньшинства. Подъ вліяніемъ волненій

временъ діадоховъ и римскаго завоеванія критически-мыслящее меньшинство утонуло въ большинствѣ чуждомъ критики; потребность нелѣпыхъ вѣрованій подавила потребность вѣрованій, продуманныхъ, также какъ потребность матеріальнаго обезпеченія подавила потребность гражданской жизни. Эллинскій идеалъ справедливой жизни смѣнился римскимъ идеаломъ законной формы. Кругъ городовъ-эксплуататоровъ съузился сначала въ кругъ консуляровъ *одного* города, экплуатировавшаго міръ, потомъ въ кругъ приближенныхъ *одного* человѣка, повелѣвавшаго міромъ. Когда внѣшніе враги древняго Рима пришли пограбить его, онъ развалился подъ ихъ рукою, потому что некому было дорожить императорскимъ фискомъ съ его тяжелымъ гнетомъ. Когда новые чудотворцы бросили въ глаза потомкамъ Аристотеля, Архимеда и Эпикура, требованіе мыслить немыслимое, критика замолчала, наука была похоронена и философія пошла въ рабство, потому что ихъ представители были уединены или сами подпали вліянію массы, чуждой умственныхъ интересовъ. Недостаточная справедливость древней цивилизаціи подорвала ея прочность, не смотря на ея замѣчательные успѣхи, сравнительно съ прежними формами жизни и мысли. И новая цивилизація Европы можетъ разсчитывать на свою прочность лишь на столько, на сколько матеріальные, умственные и нравственные интересы меньшинства, ее представляющаго, будутъ связаны экономически съ благосостояніемъ большинства, педагогически съ его мышленіемъ, жизненно съ убѣжденіемъ большинства личностей, что ихъ достоинство солидарно съ существующей цивилизаціею. Справедли-

вѣйшая въ своемъ распредѣленіи цивилизація есть и долговѣчнѣйшая.

Но долговѣчіе цивилизаціи иногда покупается цѣною ея способности развиваться. Если географическія условія нѣкоторымъ образомъ обезпечиваютъ цивилизацію извнѣ, то она можетъ оградиться отъ опасностей изнутри тѣмъ, что помѣшаетъ развиваться въ своей средѣ личностямъ съ критическою мыслію, которыхъ вовсе не такъ много, чтобы нельзя было каждый разъ ихъ подавлять при появленіи. Для иныхъ расъ человѣчества, крѣпче другихъ держащихся за свои привычки и за свою старину, а можетъ быть, и по строю мозга менѣе склонныхъ къ критическому развитію, образуется, наконецъ, въ рядѣ поколѣній, привычка къ опредѣленному складу мысли, повторяющемуся съ такою же неизмѣнностью, какъ строй улья у пчелъ и постройка термитовъ. Тогда въ обществѣ могутъ происходить дворцовыя революціи, кровавыя войны, смѣны династій, даже образованіе многотомной литературы, но цивилизація его не измѣняется, и жизнь *историческая* въ немъ прекращается. Китай представляетъ довольно обычный примѣръ подобнаго застоя. Впрочемъ, не должно думать, чтобы самыя высшія рассы были совершенно избавлены отъ опасности впасть въ застой. Византія прошла довольно далеко по тому же пути. Московское царство уже склонялось къ нему. Но и болѣе развитыя формы государственности могутъ придти къ окоченѣнію.

Такимъ образомъ всякой цивилизаціи грозятъ постоянно двѣ опасности. Если она ограничивается слишкомъ малочисленнымъ и слишкомъ исключительно по-

ставленнымъ меньшинствомъ, то ей грозитъ опасность исчезнуть. Если она не дастъ развиться въ средѣ цивилизованнаго меньшинства критически мыслящимъ единицамъ, ее оживляющимъ, ей грозитъ застой.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Цѣна прогресса.

Впродолженіе своего долгаго существованія человѣчество выработало нѣсколько геніальныхъ личностей, которыхъ историки съ гордостью называютъ его представителями, героями. Для того, чтобы эти герои могли дѣйствовать, для того даже, чтобы они могли появиться въ тѣхъ обществахъ, которыя были осчастливлены ихъ появленіемъ, должна была образоваться маленькая группа людей, сознательно стремившихся къ развитію въ себѣ человѣческаго достоинства, къ расширенію знаній, къ уясненію мысли, къ укрѣпленію характера, къ установленію болѣе удобнаго для нихъ строя общества. Для того, чтобы эта маленькая группа могла образоваться, необходимо было, чтобы, среди большинства борющагося ежечасно за свое существованіе, оказалось меньшинство, обезпеченное отъ самыхъ тяжкихъ заботъ жизни. Для того, чтобы большинство борющихся за насущный хлѣбъ, за кровъ и одежду могло выдѣлить изъ себя этотъ *цвѣтъ народа*, этихъ *единственныхъ пред-*

ставителей цивилизации, надобно было большинству просуществовать; а это было вовсе не такъ легко, какъ оно можетъ показаться съ перваго взгляда.

Въ первоначальной борьбѣ за существованіе съ своими братьями — животными, человѣку приходилось плохо. У него нѣтъ такихъ могучихъ, естественныхъ орудій нападенія и защиты, какъ у другихъ породъ, которыя, выработались среди враговъ, именно благодаря подобнымъ орудіямъ; и, въ борьбѣ физическими средствами сильнѣйшія животныя его пожирали. Ему недостаетъ органовъ для лазанья, прыганья, полета или плаванья, чтобы легче избѣжать опасности, тогда какъ другія, слабѣйшія породы именно этимъ органамъ, вѣроятно, обязаны своимъ сохраненіемъ. Человѣку нужно *выучиться* всему, приноравиться ко всему; иначе онъ гибнетъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, дѣтеныши человѣка, среднимъ числомъ впродолженіи $^1/_5$ ихъ жизни, составляютъ для родителей безпомощную тягость, тогда какъ для прочихъ породъ это число не превышаетъ никогда $^1/_{20}$. Допустивъ даже, что въ первобытномъ человѣчествѣ эта разница выражалась болѣе близкими между собою числами, она все-таки неизбѣжно была не въ пользу человѣка. Слѣдовательно, просуществовать человѣку вообще въ средѣ животнаго царства было крайне трудно.

Одинъ органъ въ своемъ постепенномъ развитіи *могъ* доставить человѣку торжество въ этой борьбѣ, замѣнивъ преимущества всѣхъ прочихъ породъ и превзойдя ихъ. Это былъ органъ *мысли*. Вѣроятно неисчислимое множество двуногихъ особей погибло, въ безнадежной борьбѣ со своими врагами—звѣрями, прежде чѣмъ выраб-

тались счастливыя единицы, способныя *лучше* мыслить, чѣмъ эти враги, способныя изобрѣсть средства для охраненія своего существованія. Онѣ *отстояли* себя цѣною гибели всего остальнаго, и эта *первая*, совершенно *естественная*, аристократія между двуногими *создала* человѣчество. Наслѣдственная способность, или переимчивость—перенесли изобрѣтенія этихъ первобытныхъ геніевъ на небольшое меньшинство, поставленное въ наиболѣе выгодныя условія для переимчивости. Существованіе человѣчества было упрочено.

Если и прежде человѣкъ боролся съ человѣкомъ, какъ со всякимъ другимъ животнымъ, чтобы отнять у него пищу или пожрать его, то теперь серьезная для будущности борьба ограничилась лишь борьбою между людьми. Шансы были здѣсь болѣе равносильны, а потому борьба должна была быть упорнѣе и продолжительнѣе. Всякое совершенствованіе въ ловкости тѣла, въ употребленіи орудій нападенія и защиты, въ подражаніе первымъ учителямъ - звѣрямъ, всякое изобрѣтеніе, удавшееся единицѣ, вызывало гибель многихъ единицъ. Гибли брошенные дѣтеныши, гибли беременныя или только что родившія самки, гибли слабѣйшіе, менѣе ловкіе, менѣе изобрѣтательные, менѣе осторожные, менѣе переимчивые. Выдерживалъ дѣтенышъ, который, по крѣпкой организаціи, могъ ранѣе обойтись безъ ухода, чѣмъ другіе, или, по счастливой обстановкѣ, могъ долѣе пользоваться уходомъ; выдерживалъ способнѣйшій тѣломъ и мыслію; выдерживалъ счастливѣйшій изъ равно способныхъ. Онъ питался лучше; онъ спалъ спокойнѣе; онъ зналъ больше; онъ имѣлъ время *лучше обдумать* свои дѣйствія. Эти счастливцы составили вторую аристо-

кратію человѣческихъ породъ, умѣвшихъ просуществовать цѣною истребленія всѣхъ своихъ братій.

Защита беременной самки, въ виду будущаго наслажденія или будущей помощи отъ нея, во время сна, была, вѣроятно, первымъ и величайшимъ дѣломъ для нравственнаго развитія человѣчества. Это была первая утилитарная *связь* между людьми и первый урокъ—какъ выгодна связь личностей для каждой изъ нихъ. Это должно было, рано или поздно, повести къ сохраненію дѣтенышей, къ образованію семьи, къ традиціонной передачѣ умѣнья и мысли, къ происхожденію народовъ. Въ присутствіи этихъ сплоченныхъ силъ, изчезли безъ всякой возможности отстоять себя всѣ тѣ, которые своевременно не додумались до союза въ какомъ бы то ни было видѣ, или не переняли почему-либо этого изобрѣтенія. Истребительная борьба семей противъ одиночекъ и семей между собою должна была быть еще неумолимѣе прежнихъ, потому что, въ видахъ сохраненія дѣтей и ихъ пропитанія, а также во время беременности женщинъ, каждому взрослому и здоровому приходилось добывать *болѣе* пищи, чѣмъ для одного себя. Цѣною этого истребленія большинства человѣчество купило *возможность* непрерывнаго прогресса культуры; путемъ передачи ея отъ одного поколѣнія другому, купило привычку общественности и привязанности, традицію знанія и вѣрованія.

Борьба продолжалась между семьями и родами. Безжалостно истреблялись побѣжденные противники, пока дѣло шло только о борьбѣ за существованіе; но первый урокъ о пользѣ чужой жизни для *удобства* собственной не могъ пропасть даромъ. Желаніе увеличить

свои наслажденія побудило обдумать—не выгоднѣе ли *иногда* не убивать побѣжденнаго? Не выгоднѣе ли побѣдителю развивать въ себѣ только ловкость тѣла и мысли, взваливъ трудъ добыванія необходимаго на другаго? Тѣ геніальныя личности доисторическаго человѣчества, которыя додумались до этого утилитарнаго начала, положили въ немъ основу уваженія къ чужой жизни и уваженія къ собственному достоинству. Онѣ тѣмъ самымъ поставили себѣ и своимъ потомкамъ въ обязанность, въ нравственный идеалъ, развитіе физическое и умственное, культуру и науку. Онѣ обезпечили себѣ и потомству *досугъ* для прогресса. Онѣ *создали* прогрессъ въ средѣ человѣчества, какъ ихъ геніальные или счастливые предшественники создали человѣчество среди звѣрей, создали человѣческія породы въ борьбѣ между людскими особями, создали *возможность* будущаго прогресса. Но этотъ прогрессъ небольшаго меньшинства былъ купленъ *порабощеніемъ* большинства, лишеніемъ его возможности добиться той же ловкости тѣла и мысли, которая составила достоинство представителей цивилизаціи.

Сознаніе великаго значенія культуры и науки, какъ силы и какъ наслажденія, вело само собою къ желанію монополизировать эту силу и это наслажденіе. Прямое принужденіе, организація общества, кара закона, религіозный ужасъ, привычная традиція, внушаемая съ колыбели, отдѣлили меньшинство породистыхъ, знающихъ, развивающихся отъ всего остальнаго. Цѣною неустанной работы и борьбы за существованіе этого *остальнаго* немногіе могли выбирать себѣ лучшихъ женщинъ, производить лучшее поколѣніе, питать и воспитывать его лучше; могли употреблять время на наблюденіе

обдумываніе, соображеніе, не заботясь о пищѣ, кровѣ и простѣйшихъ удобствахъ; могли добиваться истины, взвѣшивать справедливость, искать техническихъ улучшеній, лучшаго общественнаго строя, могли развивать въ себѣ страстную любовь къ истинѣ и справедливости, готовность принести за нихъ въ жертву свою жизнь и свое благополучіе, рѣшимость проповѣдывать истину и осуществить справедливость.

Проповѣдь истины и справедливости шла отъ убѣжденныхъ и понимающихъ единицъ въ небольшой кружокъ людей, для которыхъ развитіе составляло наслажденіе; она образовала въ этомъ кружкѣ воспріимчивыхъ приверженцевъ, къ которымъ примыкали вѣрующіе изъ обезпеченнаго меньшинства. Сила или соглашеніе вносили ученіе истиннаго и справедливаго въ законъ и привычку. Какъ развитыя личности изъ внутренней потребности стремились къ воплощенію справедливости и къ распространенію истины, такъ разсуждающее меньшинство, для собственной пользы, находило лучшимъ подѣлиться *частью* удобствъ жизни съ большинствомъ и расширить кругъ знающихъ до нѣкоторой степени. Я уже говорилъ, что прочность цивилизаціи зависѣла отъ сознанія необходимости подобнаго расширенія. Но пониманіе распространялось медленно; мелкій расчетъ всегда побуждалъ удѣлять возможно менѣе удобствъ другимъ людямъ, ограничивать возможно болѣе сферу доступнаго имъ знанія. Неохота мыслить побуждала видѣть во всѣхъ новыхъ требованіяхъ времени нѣчто враждебное общественному порядку, нѣчто преступное и грѣшное, а потому монополисты знаній большею частью противились всѣми средствами ихъ прогрессу.

Слабость этого прогресса вызывала, неизбѣжно, дурное пониманіе человѣческаго достоинства и формъ справедливости. Отсюда продолжительная непрочность цивилизацій; отсюда же постоянное стремленіе ихъ къ застою; отсюда, наконецъ, та крайняя незначительность прогресса въ средѣ человѣчества, на которую указано въ предъидущемъ письмѣ, несмотря на то, что за нѣсколько великихъ людей въ продолженіи тысячелѣтій, и за прогрессъ едва замѣтнаго меньшинства заплачено милліардами жизней, океанами крови, несчетными страданіями и неисходнымъ трудомъ поколѣній.

Дорого заплатило человѣчество за то, чтобы нѣсколько мыслителей, въ своемъ кабинетѣ, могли говорить о *его прогрессѣ*. Дорого заплатило оно за нѣсколько маленькихъ семинарій, гдѣ воспитывало себѣ педагоговъ, которые, впрочемъ, до сихъ поръ еще принесли ему мало пользы. Если бы счесть образованное меньшинство нашего времени, число жизней, погибшихъ въ минувшемъ въ борьбѣ за его существованіе, и оцѣнить работу ряда поколѣній, трудившихся только для поддержанія своей жизни и для развитія другихъ, и если бы вычислить, сколько потерянныхъ человѣческихъ жизней, и какая цѣнность труда приходится на каждую личность, нынѣ живущую *нѣсколько* человѣческою жизнію— если бы все это сдѣлать, то вѣроятно иные наши современники, ужаснулись бы при мысли—какой капиталъ крови и труда израсходованъ на ихъ развитіе. Къ успокоенію ихъ чуткой совѣсти служитъ то обстоятельство, что подобный разсчетъ невозможенъ.

Впрочемъ, слѣдуетъ ужасаться не тому, что прогрессъ меньшинства обошелся дорого, но развѣ тому, что онъ

обошелся *такъ* дорого и что за эту цѣну сдѣлано *такъ* мало. Еслибы меньшинство ранѣе и старательнѣе позаботилось о распространеніи около себя развитія, пріобрѣтеннаго въ области культуры и мысли, то число потерянныхъ жизней и труда было бы не такъ велико; сумма, приходящаяся на каждаго изъ насъ, была бы менѣе, и не увеличивалась бы такъ громадно съ каждымъ поколѣніемъ. Надъ законами естественной необходимости мы не властны, а потому разсудительный человѣкъ долженъ съ ними примириться, ограничиться ихъ спокойнымъ изслѣдованіемъ и, на сколько возможно, воспользоваться ими для своихъ цѣлей. Не властны мы и надъ исторіею: прошедшее доставляетъ намъ лишь факты, которые могутъ намъ служить для исправленія будущаго. За грѣхи отцовъ мы отвѣтственны лишь на столько, на сколько продолжаемъ эти грѣхи и пользуемся имъ, не стараясь исправить ихъ послѣдствій. Мы властны въ нѣкоторой степени лишь надъ будущимъ, такъ какъ наши мысли и наши дѣйствія составляютъ матеріалъ, изъ котораго организуется все содержаніе будущей истины и справедливости. Каждое поколѣніе отвѣтственно предъ потомствомъ за то лишь, что оно *могло* сдѣлать и не сдѣлало. Поэтому и намъ, въ виду суда потомства, предстоитъ рѣшить вопросы: какая доля неизбѣжнаго, естественнаго зла лежитъ въ томъ процессѣ, который мы называемъ громкимъ именемъ историческаго прогресса? На сколько наши предки, доставившіе намъ, цивилизованному меньшинству, возможность воспользоваться выгодами этого прогресса, безъ нужды увеличили и продолжали страданія и труды большинства, выгодами прогресса никогда не пользо-

вавшагося? Въ какомъ случаѣ отвѣтственность за это зло можетъ пасть и на насъ въ глазахъ будущихъ поколѣній?

Законъ борьбы за существованіе такъ общъ для міра животныхъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода обвинять первобытное человѣчество, когда этотъ законъ прилагался и въ немъ, пока не пробудилось въ людяхъ сознаніе взаимной солидарности, потребность истины и справедливости. Такъ какъ это сознаніе едва ли могло пробудиться пока люди, взаимно истребляя другъ друга, не дошли до замѣны убійства эксплуатаціею, то и на весь неисчислимый періодъ борьбы между особями, а можетъ быть и на значительную часть періода борьбы между семьями—намъ приходится смотрѣть лишь какъ на зоологическій фактъ.

Едва ли можно представить себѣ и накопленіе знаній, развитіе мысли о правѣ и обязанности въ первое время иначе, какъ процессомъ, совершающимся въ единицахъ, поставленныхъ въ особенно выгодныя обстоятельства, т. е. въ особяхъ, имѣющихъ досугъ, лучшее питаніе и воспитаніе на счетъ другихъ особей, которыя доставляютъ первымъ этотъ досугъ, питаніе и воспитаніе увеличеніемъ своего труда, если не цѣною собственной жизни или значительныхъ страданій. Прежде чѣмъ учиться, надо имѣть учителей. Большинство можетъ развиваться лишь дѣйствіемъ на него болѣе развитаго меньшинства. Поэтому въ человѣчествѣ или должно было отсутствовать всякое развитіе, или пришлось большинству сначала вынести на своихъ плечахъ счастливѣйшее меньшинство, работать на него, страдать и гибнуть изъ-за него. Это повидимому тоже законъ природы.

Въ виду его намъ остается или сказать: мы не хотимъ вовсе развитія, купленнаго такою цѣною; или посмотрѣть и на это, какъ на антропологическій фактъ. Но въ началѣ предъидущаго письма я уже условился съ читателемъ относительно нравственныхъ требваній составляющихъ предположеніе прогресса, слѣдовательно, допуская отказъ отъ развитія вообще, впалъ бы въ противорѣчіе. Примиримся же съ фактомъ, что человѣчеству для его развитія, было необходимо, очень, очень дорогою цѣною приготовить себѣ педагогическую семинарію и болѣе развитое меньшинство, чтобы наука и разносторонняя жизненная практика, мышленіе и техника, накопляясь въ этихъ центрахъ, постоянно разливались на большее и большее число людей.

Необходимое, естественное зло въ прогрессѣ ограничивается предъидущимъ, и за предѣлами этихъ законовъ начинается отвѣтственность человѣческихъ поколѣній, въ особенности же цивилизованнаго меньшинства. Вся кровь, пролитая въ исторіи внѣ прямой борьбы за существованіе, въ періодъ болѣе или менѣе яснаго сознанія правъ человѣка на жизнь, есть кровь преступно пролитая и лежащая на отвѣтственности поколѣнія ее пролившаго. Всякое цивилизованное меньшинство, которое не хотѣло быть *цивилизующимъ*, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, несетъ отвѣтственность за всѣ страданія современниковъ и потомства, которыя оно *могло* устранить, еслибы не ограничивалось ролью *представителя* и *хранителя* цивилизаціи, а взяло на себя и роль ея *двигателя*.

Если мы, съ этой точки зрѣнія, оцѣнимъ панораму исторіи до нашего времени, то, вѣроятно, должны бу-

демъ признаться, что всѣ историческія поколѣнія проливали рѣки крови, даже не имѣя оправданія въ борьбѣ за существованіе, и что почти всегда и вездѣ меньшинство, гордившееся своею цивилизаціею, крайне мало дѣлало для распространенія этой цивилизаціи. Немногія личности заботились о расширеніи области знанія въ человѣчествѣ; еще меньшее число—объ укрѣпленіи мысли и розысканіи справедливѣйшихъ формъ общества; личности же цивилизованнаго меньшинства, стремившіяся воплотить въ дѣло подобныя формы, встрѣчаются въ весьма незначительномъ числѣ. Многія блестящія цивилизаціи заплатили своею гибелью за это неумѣніе связать со своимъ существованіемъ интересъ большаго числа личностей. Во всѣхъ цивилизаціяхъ, безъ исключенія большая часть людей, пользовавшихся удобствами культуры, вовсе не думала о всѣхъ тѣхъ, которые ею не пользовались и не могли пользоваться, а тѣмъ менѣе о цѣнѣ, которою куплены пріобрѣтенныя удобства жизни и мысли. Но не мало было всегда и лицъ, которыя, на каждой ступени цивилизаціи, признавали эту ступень предѣломъ общественнаго развитія, возмущались противу всякаго критическаго отношенія къ ней, противу всякой попытки распространить благо цивилизаціи на большее число лицъ, уменьшить трудъ и страданіе большинства ею не пользующагося, и внести въ мысль болѣе истины, въ общественныя формы болѣе справедливости. Если этимъ проповѣдникамъ застоя крайне рѣдко удавалось положить совершенную преграду общественному прогрессу, то имъ часто удавалось замедлить его и усилить страданія большинства.

Въ виду этого, мы должны признать, что выгоды современной цивилизаціи оплачены не только *неизбѣжнымъ* зломъ, но еще огромнымъ количествомъ совершенно *ненужнаго* зла, отвѣтственность за которое лежитъ на предъидущихъ поколѣніяхъ цивилизованнаго меньшинства, частью по беззаботности, частью по прямому противодѣйствію всякой цивилизующей дѣятельности. Это зло мы уже исправить въ прошедшемъ не можемъ. Страдавшія поколѣнія большинства умерли не облегченныя въ своемъ трудѣ. Нынѣшнее цивилизованное меньшинство пользуется ихъ трудомъ и страданіями. Мало того: оно пользуется еще страданіями и трудомъ огромнаго числа своихъ современниковъ и можетъ вліять на увеличеніе труда и страданій ихъ потомства. Такъ какъ за это послѣднее обстоятельство мы несемъ и будемъ нести нравственную отвѣтственность предъ потомствомъ, то историческое изслѣдованіе цѣны совершившагося прогресса приводитъ къ слѣдующему практическому вопросу: какія средства имѣетъ настоящее поколѣніе чтобы уменьшить свою отвѣтственность? Если бы живущія личности различнаго развитія спросили себя: что намъ дѣлать, чтобы не отвѣчать предъ потомствомъ за новыя страданія человѣчества? и если бы всѣ онѣ *ясно поняли свое дѣло,* то отвѣты были бы конечно различны.

Членъ большинства, борющагося ежедневно за физическое существованіе, какъ боролись его предки въ первые періоды жизни человѣчества, сказалъ бы себѣ. борись какъ знаешь и какъ умѣешь! отстаивай право на жизнь для себя и для тѣхъ, къ кому ты привязанъ! это былъ законъ твоихъ отцовъ; твое положеніе не лучше ихъ положенія; это единственный законъ и для тебя.

Болѣе несчастная личность изъ того же большинства, въ которой цивилизація пробудила сознаніе ея человѣческаго достоинства, но тѣмъ только и ограничилась,— сказала бы себѣ: борись какъ знаешь, и какъ можешь отстаивай свое и чужое достоинство,—умри за него, если нужно!

Членъ цивилизованнаго меньшинства, желающій лишь увеличить и упрочить свое наслажденіе, но склонный искать его болѣе во области удобствъ жизни, чѣмъ въ области мысли, сказалъ бы себѣ: твоя польза требуетъ улучшенія положенія большинства; то, чѣмъ ты пожертвуешь, изъ сегодняшнихъ благъ съ этою цѣлью, возвратится тебѣ въ видѣ большей прочности остальнаго, большаго спокойствія въ наслажденіи сохраненными благами, большаго вліянія на большинство, которое, не смотря на свое несчастное положеніе, есть все таки сила. Изучай же свою *дѣйствительную* пользу; стремись къ улучшенію положенія другихъ: это тебѣ всего полезнѣе.

Членъ небольшой группы меньшинства, видящей свое наслажденіе въ собственномъ развитіи, въ отысканіи истины и въ воплощеніи справедливости, сказалъ бы себѣ: каждое удобство жизни, которымъ я пользуюсь, каждая мысль, которую я имѣлъ досугъ пріобрѣсти или выработать, куплена кровью, страданіями или трудомъ милліоновъ. Прошедшее я исправить не могу, и какъ ни дорого оплачено мое развитіе, я отъ него отказаться не могу: оно именно и составляетъ идеалъ, возбуждающій меня къ дѣятельности. Лишь безсильный и неразвитый человѣкъ падаетъ подъ отвѣтственностью, на немъ лежащей, и бѣжитъ отъ зла въ Ѳиваиду или въ

могилу. Зло надо исправить на сколько можно, а это можно сдѣлать лишь въ жизни. Зло надо *зажить*. Я сниму съ себя отвѣтственность за кровавую цѣну своего развитія, если употреблю это самое развитіе на то, чтобы уменьшить зло въ настоящемъ и въ будущемъ. Если я развитый человѣкъ, то я *обязанъ* это сдѣлать, и эта обязанность для меня очень легка, такъ какъ совпадаетъ именно съ тѣмъ, что составляетъ для меня наслажденіе: отыскивая и распространяя болѣе истинъ, уясняя себѣ справедливѣйшій строй общества и стремясь воплотить его, я увеличиваю собственное наслажденіе и въ то же время дѣлаю все, что могу для страждущаго большинства въ настоящемъ и въ будущемъ. И такъ, мое дѣло ограничивается однимъ простымъ правиломъ: живи сообразно тому идеалу, который ты самъ себѣ поставилъ, какъ идеалъ *развитаго* человѣка!

Это все было бы такъ легко и просто, если бы всѣ личности поняли дѣло, но бѣда именно въ томъ, что весьма немногія понимаютъ его. Предъидущимъ правиламъ слѣдуетъ лишь часть лицъ первой категоріи и немногія изъ остальныхъ. Другая часть борющихся за свое физическое существованіе отстаиваетъ себя не довольно энергически; не потому чтобъ не знала, какъ это сдѣлать, или не умѣла того, но по недостатку рѣшимости, по апатіи. Большинство лицъ второй категоріи жертвуетъ своимъ достоинствомъ для насущнаго хлѣба и унижается въ собственныхъ глазахъ, не имѣя всетаки возможности выбиться изъ своего положенія. Большинство лицъ третьей категоріи не понимаетъ собственной пользы, дѣйствуетъ по рутинѣ и не умѣетъ доставить себѣ *спокойствія въ наслажденіи* т. е. именно того,

къ чему стремится. Большинство же лицъ послѣдней категоріи или ставитъ идолы на мѣсто истины и справедливости, или ограничивается истиною и справедливостью въ мысли, а не въ жизни, или не хочетъ видѣть, какое незначительное меньшинство пользуется выгодами прогресса цивилизаціи.

А цѣна этого прогресса все растетъ.....

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Дѣйствіе личностей.

Послѣднія два письма мои приводятъ въ концѣ къ одному и тому же результату. Обществу угрожаетъ опасность застоя, если оно заглушитъ въ себѣ критически-мыслящія личности. Его цивилизаціи грозитъ гибель, если эта цивилизація, какова бы она ни была, сдѣлается исключительнымъ достояніемъ небольшаго меньшинства. Слѣдовательно, какъ ни малъ прогрессъ человѣчества, но и то, что есть, лежитъ исключительно на критически-мыслящихъ личностяхъ: безъ нихъ онъ безусловно невозможенъ; безъ ихъ стремленія распространить его онъ крайне непроченъ. Такъ какъ эти личности полагаютъ обыкновенно себя въ правѣ считаться развитыми, и такъ какъ за *ихъ-то* именно развитіе и заплачена та страшная цѣна, о которой говорено въ послѣднемъ письмѣ, то нравственная обязанность расплачиваться за прогрессъ лежитъ на нихъ же. Эта уплата, какъ мы видѣли, есть посильное распространеніе

удобствъ жизни, умственнаго и нравственнаго развитія на большинстви, внесеніе научнаго пониманія и справедливости въ общественныя формы.

Поговоримъ же объ этихъ личностяхъ, единственныхъ орудіяхъ человѣческаго прогресса. Каковъ бы онъ ни былъ, онъ зависитъ отъ нихъ. Онъ не выростетъ изъ земли, какъ выростаютъ сорныя травы. Онъ не размножится отъ плавающихъ въ воздухѣ зародышей, какъ инфузоріи въ гніющей жидкости. Онъ не окажется внезапно въ человѣчествѣ результатомъ мистическихъ идей, о которыхъ такъ много толковали тому лѣтъ двадцать назадъ, а многіе и теперь еще толкуютъ. Его сѣмя есть, дѣйствительно, идея, но не мистически присутствующая въ человѣчествѣ: она зарождается въ мозгу личности, тамъ развивается, потомъ переходитъ изъ этого мозга въ мозги другихъ личностей, разростается качественно въ увеличеніи умственнаго и нравственнаго достоинства этихъ личностей, количественно въ увеличеніи ихъ числа и становится общественною силою, когда эти личности сознаютъ свое единомысліе и рѣшаются на единодушное дѣйствіе; она торжествуетъ, когда такія личности, ею проникнутыя, внесли ее въ общественныя формы. Если личность, говорящая о своей любви къ прогрессу, не хочетъ кричически пораздумать объ условіяхъ его осуществленія, то она, въ сущности, прогресса никогда не желала, да и не была даже никогда въ состояніи искренно желать его. Если личность, сознающая условія прогресса, ждетъ, сложа руки, чтобы онъ осуществился самъ собою, безъ всякихъ усилій съ ея стороны, то она есть худшій врагъ прогресса, самое гадкое препятствіе на пути къ нему. Всѣмъ жалобщикамъ о развратѣ вермени, о ничто-

жествѣ людей, о застоѣ и ретроградномъ движеніи слѣдуетъ поставить вопросъ: а *вы* сами, зрячіе среди слѣпыхъ, здоровые среди больныхъ, что *вы* сдѣлали, чтобы содѣйствовать прогрессу?

При этомъ вопросѣ большинство ихъ ссылается на слабость силъ, недостатокъ таланта, малый кругъ дѣйствія, враждебныя обстоятельства, враждебную среду, враждебныхъ людей и т. д. „Какіе мы дѣятели, говорятъ они, и учили насъ не доучили, и статейку журнальную написать не съумѣемъ, и пророческимъ краснорѣчіемъ Господь обидѣлъ, и мѣсто по службѣ ничтожное, а то и никакого нѣтъ, и капитала дѣдушка не оставилъ, а заработаешь лишь на столько, чтобы сидѣть въ проголодь. Вотъ еслибы то и другое: капиталъ, да мѣсто большое, да талантъ, то мы бы себя показали".

Я не говорю о тѣхъ, которые всю жизнь бьются изъза куска хлѣба. Въ прошломъ письмѣ я упомянулъ о нихъ и на нихъ не падаетъ ни одного обвиненія. Если прогрессъ прошелъ надъ ихъ головами, не давъ имъ даже развитія, то они лишь жертвы его. Если ихъ коснулось умственное развитіе, если сознаніе лучшаго зажгло въ нихъ ненависть ко лжи и злу, но обстоятельства задавили въ нихъ всякое проявленіе этого сознанія и ограничили ихъ жизнь заботою о насущномъ хлѣбѣ; если, при этомъ, они все-таки сохранили человѣческое достоинство, то они своимъ примѣромъ, своимъ существованіемъ суть самые энергическіе дѣятели прогресса. Передъ этими незамѣтными героями человѣчества, не совершившими ни одного яркаго дѣла, по историческому значенію ничтожны величайшіе историческіе двигатели. Еслибы первыхъ не было, то послѣдніе ни

когда не могли бы осуществить ни одного своего начинанія, но, между тѣмъ, какъ замѣтные герои борятся и часто даже гибнутъ въ борьбѣ за лучшее, въ это время, не смотря на неблагопріятныя условія, незамѣтные герои поддерживаютъ въ обществѣ традицію человѣческаго достоинства, сознаніе лучшаго, и когда одному на сто изъ великихъ дѣятелей удастся провести въ жизнь свои идеи, онъ вдругъ видитъ около себя группу крѣпкихъ людей, закаленныхъ работою, непоколебимыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ, радостно протягивающихъ ему свои руки. Изъ этихъ-то незамѣтныхъ героевъ создается во всякую великую историческую минуту почва для преобразованій. Они хранятъ въ себѣ всю возможность будущаго. Въ томъ обществѣ, гдѣ не было бы ихъ, прекратился бы разомъ всякій историческій прогрессъ. Дальнѣйшая жизнь такого общества ничѣмъ не отличалась бы въ нравственномъ отношеніи отъ жизни другихъ общественныхъ животныхъ.

Но эти энергическіе дѣятели заключаютъ лишь *возможность* прогресса. Его осуществленіе никогда не принадлежитъ и не можетъ принадлежать имъ по очень простой причинѣ: каждый изъ нихъ, принявшійся за осуществленіе прогресса, умеръ бы съ голода или пожертвовалъ бы своимъ человѣческимъ достоинствомъ, исчезнувъ, въ обоихъ случаяхъ, изъ ряда прогрессивныхъ дѣятелей. Осуществленіе прогресса принадлежитъ тѣмъ, которые избавились отъ самой гнетущей заботы о насущномъ хлѣбѣ, но изъ этихъ послѣднихъ *всякій*, критически мыслящій, можетъ осуществлять прогрессъ въ человѣчествѣ.

Да, всякій. Не говорите, пожалуйста, о недостаткѣ

таланта и знанія. Для этого не нужно ни особеннаго таланта, ни обширнаго знанія. Если вашего таланта и знанія хватило на то, чтобы критически отнестись къ существующему, сознать потребность прогресса, то вашего таланта и знанія достаточно, чтобы эту критику, это сознаніе воплотить въ жизнь. Только не упускайте ни одного случая, гдѣ жизнь представляетъ дѣйствительно для этого возможность. Положимъ, ваша дѣятельность мелочна; но изъ неизмѣримо малыхъ частицъ состоятъ всѣ вещества; изъ безконечно малыхъ толчковъ составляются самыя громадныя силы. Количество пользы, полученной отъ вашей дѣятельности, ни вы и никто другой оцѣнить не въ состояніи; оно зависитъ отъ тысячи различныхъ обстоятельствъ, отъ многочисленныхъ совпаденій, предвидѣть которыя невозможно. Прекраснѣйшія намѣренія приводили къ отвратительнымъ результатамъ, какъ маловажное, съ перваго взгляда, дѣйствіе разросталось въ неисчислимыя послѣдствія. Но мы можемъ, съ нѣкоторою вѣроятностью, ожидать, что, придавая цѣлому ряду дѣйствій одно и то же направленіе, мы получимъ лишь немногіе результаты, прямо противуположные данному направленію, хотя нѣкоторыя дѣйствія и совпадутъ съ удобными условіями для того, чтобы оказались замѣтные результаты въ этомъ самомъ направленіи. Можетъ быть мы не увидимъ этихъ результатовъ, но они непремѣнно *будутъ*, если мы сдѣлали все отъ насъ зависящее. Земледѣлецъ, выработавшій почву и посѣявшій сѣмена, знаетъ, что многія сѣмена погибнутъ, что онъ никогда не оградитъ нивы отъ потравы, отъ неурожая, отъ ночнаго хищника, но и послѣ неурожая онъ несетъ на поле снова горсть сѣмянъ, ожи-

дая будущей жатвы. Если каждый человѣкъ, критически мыслящій, будетъ постоянно активно стремиться къ лучшему, то какъ бы ни былъ ничтоженъ кругъ его дѣятельности, какъ бы ни была мелка сфера его жизни, онъ будетъ вліятельнымъ двигателемъ прогресса и оплатитъ свою долю той страшной цѣны, которую стоило его развитіе.

Но точно ли есть мелочныя и важныя сферы дѣятельности? Въ какихъ это сферахъ люди имѣютъ право на монополію прогрессивности? Ужъ не литераторы ли? не художники ли? не ученые ли?

Посмотрите на этого литератора-прогрессиста, который такъ великолѣпно пишетъ о благѣ общества и еще искуснѣе эксплуатируетъ своихъ братій, или въ своемъ лицѣ дѣлаетъ идеи, которымъ, повидимому, служитъ, посмѣшищемъ для противниковъ. А я еще не говорю о разныхъ „мрачныхъ сонмищахъ", для которыхъ литература есть орудіе самаго отвратительнаго приниженія мысли, приниженія человѣческаго достоинства, орудіе застоя и общественнаго развращенія.

Посмотрите на этого художника-прогрессиста, воспѣвающаго свободу слова, хотя онъ вовсе не прочь участвовать въ организаціи, стѣсняющей слово, и внѣ своей студіи никогда не подумавшаго, чѣмъ отличается скверное дѣло отъ хорошаго. А я не упоминаю о всѣхъ тѣхъ— имъ же имя легіонъ, — которые, по скромной лѣсенкѣ стихотворнаго, музыкальнаго, живописнаго, скульптурнаго, архитектурнаго творчества, только и лѣзли, что къ пенсіямъ, орденамъ, высокимъ чинамъ и огромнымъ домамъ.

Посмотрите на этого прогрессивнаго профессора, ко-

торый готовъ изъ своей эрудиціи, смотря по обстоятельствамъ, дѣлать арсеналъ для какого угодно направленія. А еще сколько бездушныхъ аргументирующихъ и экспериментирующихъ человѣческихъ приборовъ, которые, слѣдя всю жизнь за процессами химическаго замѣщенія и разложенія, за разрастаніемъ клѣточекъ и сокращеніемъ мышцъ, за склоненіями и спряженіями греческихъ терминовъ, за перебоемъ звуковъ въ санскритѣ и зендѣ, за отличительными признаками утвари временъ Александра Невскаго и Ивана Грознаго,—никогда не подумали, что ихъ умъ и знаніе есть сила, оплаченная страданіями поколѣній,—сила, за которую надо же заплатить и имъ; что эта сила налагаетъ на нихъ обязанность и что аргументированіе и экспериментированіе могутъ низвести человѣка на одинъ уровень съ паукомъ точно также, какъ могутъ повести ученаго на высшую точку человѣческаго достоинства, доступную въ его время.

Ни литература, ни искусство, ни наука не спасаютъ отъ безнравственнаго индифферентизма. Они не заключаютъ и не обусловливаютъ сами по себѣ прогресса. Они доставляютъ лишь для него орудія. Они накопляютъ для него силы. Но лишь тотъ литераторъ, художникъ или ученый дѣйствительно служитъ прогрессу, который сдѣлалъ все, что могъ для приложенія силъ, имъ пріобрѣтенныхъ, къ распространенію и укрѣпленію цивилизаціи своего времени, кто боролся со зломъ, воплощалъ свои художественные идеалы, научныя истины, философскія идеи, публицистическія стремленія въ произведенія, жившія полною жизнію его времени, и въ дѣйствія, строго соотвѣтственныя количеству его силъ. Кто же сдѣлалъ менѣе; кто изъ-за личнаго разсчета остано-

вился на полдорогѣ; кто изъ-за красивой головки вакханки, изъ-за интересныхъ наблюденій надъ инфузоріями, изъ-за самолюбиваго спора съ литературнымъ соперникомъ—забылъ объ огромномъ количествѣ зла и невѣжества, противъ котораго слѣдуетъ бороться, тотъ можетъ быть чѣмъ угодно: изящнымъ художникомъ, замѣчательнымъ ученымъ, блестящимъ публицистомъ, но онъ самъ себя вычеркнулъ изъ ряда сознательныхъ дѣятелей историческаго прогресса. По нравственному значенію, какъ человѣкъ, онъ стоитъ ниже безталаннаго писаки, всю жизнь неутомимо твердящаго столь же безталаннымъ читателямъ старыя истины о борьбѣ со зломъ и невѣжествомъ; ниже полузнайки-учителя, съ жаромъ вколачивающаго полупонятыя знанія въ умы неразвитыхъ мальчиковъ. Эти сдѣлали все, что умѣли, что могли, съ нихъ и требовать болѣе нечего. Если изъ сотенъ читателей одинъ, два найдутся поталантливѣе, повпечатлительнѣе и примѣнятъ въ жизни тѣ истины, которыя они узнали отъ писаки, то прогрессъ былъ. Если жаръ учителя зажегъ хотя въ небольшомъ числѣ учениковъ жажду поразмыслить, поработать самому, жажду знанія и труда, то прогрессъ опять былъ. Я уже не говорю, какъ неизмѣримо ниже,—при всей ихъ художественной талантливости, при всей ихъ учености, при всей ихъ публицистической дѣятельности,—стоятъ упомянутые господа, сравнительно съ тѣми, совершенно незамѣтными дѣятелями прогресса, о которыхъ сказано выше, и которые хранятъ въ себѣ всю возможность прогресса для будущаго.

Мнѣ скажутъ, что я несправедливъ въ отношеніи какъ къ искусству, такъ и къ наукѣ. Прекрасное про-

изведеніе, даже не осмысленное художникомъ, есть всетаки увеличеніе развивающаго капитала человѣчества; не говоря о другомъ дѣйствіи искусства, лишь путемъ прекраснаго человѣкъ вообще переходитъ изъ міра пошлости въ область истины и справедливости. Оно возбуждаетъ вниманіе, увеличиваетъ впечатлительность и, слѣдовательно, есть уже, само по себѣ, орудіе прогресса независимо отъ мысли, одушевлявшей художника. Точно также, всякій новый фактъ знанія, какъ бы онъ ни былъ мелокъ и ничтоженъ для современныхъ жизненныхъ вопросовъ, есть увеличеніе капитала человѣческой мысли. Лишь классифицируя и изучая всѣ существа природы, какъ они суть на самомъ дѣлѣ, человѣкъ получаетъ возможность классифицировать и изучать ихъ по отношенію къ человѣческому благу, по ихъ полезности и вредности для большинства. Сегодня энтомологъ порадуется, что въ его коллекціи прибавилось два-три незамѣченныхъ жучка, а чрезъ нѣсколько времени, посмотришь, изученіе одного изъ этихъ жучковъ даетъ технику новое средство для удешевленія полезнаго продукта, слѣдовательно, для увеличенія удобствъ жизни большинства. А за тѣмъ, другой изъ этихъ жучковъ сталъ исходной точкой розысканій ученаго о законахъ развитія животныхъ формъ,—законахъ, охватывающихъ человѣчество въ его неизслѣдованномъ прошедшемъ, позволяющихъ человѣку трезвѣе смотрѣть въ далекое будущее и уясняющихъ для него отличія *необходимаго зоологическаго* элемента въ процессѣ исторіи отъ возможнаго элемента человѣческаго прогресса. Сегодня лингвистъ съ восторгомъ отмѣтилъ особенности спряженія глаголовъ древняго языка; завтра эта особенность

связала нѣсколько языковъ, до тѣхъ поръ разрозненныхъ; послѣ завтра эта связь уяснила рядъ миѳовъ доисторическаго періода; а тамъ, смотришь, оказалась возможность прослѣдить вліяніе этихъ миѳовъ на современность; понятнѣе сталъ меньшинству строй мысли большинства и, слѣдовательно, стало удобнѣе найти средства для развивающей прогрессивной дѣятельности. Искусство и наука въ ихъ произведеніяхъ суть орудія прогресса, независимо отъ настроенія и стремленія художника и ученаго, даже противъ ихъ желанія. Лишь бы произведеніе искусства было въ самомъ дѣлѣ художественно, лишь бы открытіе ученаго было въ самомъ дѣлѣ научно,—оно уже принадлежитъ прогрессу.

Я и не думалъ говорить, что искусство и наука не суть орудія прогресса, что художественное произведеніе и научное открытіе, какъ *факты*, не служатъ прогрессу. Но безспорно, и металлы, хранящіеся въ почвѣ, и шелкъ, выработываемый шелковичнымъ червемъ, суть тоже *орудія* прогресса, факты для него. Художникъ, имѣющій въ виду только искусство и никогда не подумавшій о человѣчномъ его вліяніи, можетъ представлять огромную эстетическую силу. Его произведеніе прекрасно; его вліяніе можетъ быть огромно и даже весьма полезно. Но его сила, по нравственному достоинству, не выше той, конечно, громадной силы, которая разбросала по землѣ самородки мѣди, заключила въ болота и въ озера желѣзо, а отностительно пользы металловъ для человѣческой цивилизаціи никто спорить не станетъ. Эстетическая сила, сама по себѣ, сила безнравственная. Нравственною, цивилизаціонною, прогрессивною силою она становится, независимо отъ художника, лишь въ

мозгу того, кто, вдохновившись прекраснымъ произведеніемъ, подвинулся на благо; въ томъ, кто сдѣлался лучше, впечатлительнѣе, развитѣе, энергичнѣе, дѣятельнѣе подъ вліяніемъ впечатлѣнія, полученнаго отъ произведенія художника; какъ металлъ сдѣлался цивилизаціонною силою лишь въ мозгу того, кто придумалъ изъ него первое полезное орудіе. Художникъ, какъ художникъ, стоитъ въ уровень со всякимъ могучимъ физическимъ или органическимъ процессомъ, не имѣющимъ никакого человѣчнаго значенія. И звукъ, и кровообращеніе служатъ источникомъ мысли, желанія добра, рѣшимости на дѣло, но они не суть, ни мысль, ни добро, ни рѣшимость. Чтобы художникъ *самъ* былъ цивилизаціонною силою, для этого онъ долженъ *самъ* вложить въ свои произведенія человѣчность; онъ долженъ вырабатывать въ себѣ источникъ прогресса и рѣшимость его осуществить; долженъ приступать къ работѣ проникнутый прогрессивною мыслію и тогда, въ процессѣ творчества, не насилуя себя, онъ будетъ сознательнымъ историческимъ дѣятелемъ, потому что сквозь преслѣдуемый имъ идеалъ красоты будетъ и для него всегда сіять требованіе истины и справедливости. Онъ не забудетъ о борьбѣ противъ зла, которая обязательна для каждаго, а для него тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе естественной силы въ немъ заключается.

То же можно сказать объ ученомъ. Накопленіе знаній, само по себѣ, нисколько не имѣетъ болѣе высокаго нравственнаго значенія, какъ накопленіе воска въ ульѣ. Но воскъ становится орудіемъ цивилизаціи въ рукахъ пчеловода, въ рукахъ техника. Они очень благодарны пчеламъ, очень нѣжатъ ихъ и сознаютъ, что безъ пчелъ

воска бы не было. Но все таки пчелы не люди; нравственными дѣятелями цивилизаціи пчелъ назвать нельзя и выдѣленіе ими воска по внутренней потребности, есть лишь *матеріалъ* прогресса. Энтомологъ, собирающій жуковъ, и лингвистъ, отмѣчающій спряженія, если они это дѣлаютъ только изъ внутренняго удовольствія созерцать коллекцію жуковъ, или знать, что глаголъ спрягается такъ-то, нисколько не ниже, да и не выше пчелы, выдѣляющей свой комочекъ воска. Если этотъ комочекъ попадетъ въ руки техника, который обратитъ его въ восковой пластырь, или въ руки химика, который откроетъ на немъ новый обобщающій законъ, комочекъ будетъ матеріаломъ цивилизаціи; если онъ безполезно растаетъ на солнцѣ, то работа пчелы пропала даромъ для прогресса. Но въ обоихъ случаяхъ пчела ни при чемъ: она удовлетворила своей потребности, переработала пищу въ комочекъ воска, внесла этотъ комочекъ въ свою постройку, какъ слѣдуетъ животному, и потомъ полѣтѣла за новою пищею. Подобно тому и фактъ знанія становится орудіемъ цивилизаціи лишь двумя путями. Во-первыхъ въ мозгу того, кто его употребитъ въ техникѣ или въ обобщенной мысли; во-вторыхъ въ мозгу того самаго, кто выработываетъ фактъ науки, но не изъ удовольствія созерцать его, какъ новый комочекъ воска, а съ заранѣе обдуманною цѣлію, какъ матеріалъ, имѣющій въ виду опредѣленное техническое примѣненіе, или опредѣленное научное и философское обобщеніе. Наука и искусство суть могущественныя орудія прогресса, но я уже сказалъ въ началѣ этого письма, что прогрессъ осуществляется лишь въ личностяхъ; лишь личности могутъ быть его двигателями; а

въ этомъ отношеніи художникъ и ученый, какъ личности, могутъ не только не быть могучими дѣятелями прогресса, но могутъ совершенно стать внѣ прогрессивнаго движенія, несмотря на свой талантъ и знаніе, наравнѣ съ безсознательнымъ металломъ или съ животнымъ, отъ котораго никто нравственности и не требуетъ. Другіе, *настоящіе,* люди, можетъ быть менѣе талантливые и менѣе ученые, могутъ придать человѣчное значеніе матеріалу, накопленному великими художниками и великими тружениками, но *они* придадутъ человѣчное значеніе этимъ трудамъ *своимъ* пониманіемъ. *Они* внесутъ эти труды въ прогрессъ исторіи.

Я нарочно остановился на наукѣ и искусствѣ, какъ на самыхъ могучихъ элементахъ цивилизаціи, чтобы указать, что и эти сферы, сами по себѣ, не составляютъ прогрессивнаго процесса; что ни талантъ, ни знаніе не дѣлаютъ еще, сами по себѣ человѣка двигателемъ прогресса; что съ меньшимъ талантомъ и знаніемъ, въ этомъ отношеніи, можно сдѣлать болѣе, если сдѣлать все что можешь. Да, повторяю, всякій человѣкъ, критически мыслящій и рѣшающійся воплотить свою мысль въ жизнь, можетъ быть дѣятелемъ прогресса.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Культура и мысль.

Положимъ, что личность, критически мыслящая, сознала себя какъ возможнаго и обязательнаго дѣятеля для прогресса человѣчества. Спрашивается, какъ она обязана поступать, во имя этого сознанія, чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ органомъ прогресса?

Конечно, прежде всего она должна отнестись критически къ себѣ; къ своему знанію, къ своимъ силамъ. Поприще, на которомъ ей недостаетъ знанія, надо изучить или оставить въ сторонѣ. Дѣло, для котораго у нея недостаетъ силъ, лучше не трогать, пока не наберешь достаточно силъ для его совершенія. Не то, чтобы цѣлая сфера дѣятельности была, такимъ образомъ, закрыта для кого нибудь; но надо, — чтобы человѣкъ, обращаясь къ этой сферѣ, ясно поставилъ и рѣшилъ вопросъ: чтó *именно* могу я сдѣлать въ этой сферѣ съ моими знаніями и при моихъ силахъ? Только

рѣшивъ этотъ вопросъ, можно разумно ставить себѣ и жизненную задачу.

Но, приступая къ ней, личность имѣетъ предъ собою нѣсколько ученій, какъ будто противоположныхъ между собою и читатель, знакомый съ извѣстнымъ взглядомъ Луи Блана на *индивидуализмъ* и *общественность*, можетъ быть, видя большое значеніе, придаваемое мною личности въ исторіи, заподозрилъ автора этихъ писемъ въ склонности къ индивидуализму въ томъ именно смыслѣ этого слова, который приданъ ему знаменитымъ французскимъ соціалистомъ. Я не долго остановлюсь на этомъ вопросѣ, потому что считаю его болѣе вопросомъ о словахъ, чѣмъ о дѣлѣ.

Индивидуализмъ, какъ его понимаетъ Луи Бланъ, былъ стремленіемъ *подчинить* общее благо личнымъ, эгоистическимъ интересамъ единицъ, также какъ общественность, съ его точки зрѣнія, склоняется къ *поглощенію* личности, въ ея особенности, интересами общества. Но личность лишь тогда подчиняетъ интересы общества своимъ собственнымъ интересамъ, когда смотритъ на общество и на себя, какъ на два начала, *одинаково реальныя*, и соперничествующія въ своихъ интересахъ. Точно также, поглощеніе личности обществомъ можетъ имѣть мѣсто лишь при представленіи, что общество можетъ достигать своихъ цѣлей не въ личностяхъ, а въ чемъ-то *иномъ*. Но и то и другое—призракъ. Общество внѣ личностей не заключаетъ ничего реальнаго. Ясно понятые интересы личности требуютъ, чтобы она стремилась къ осуществленію общихъ интересовъ; общественныя цѣли могутъ быть достигнуты исключительно въ личностяхъ. Поэтому истинная общественная теорія требуетъ *не*

подчиненія общественнаго элемента личному, и не *поглощенія* личности обществомъ, — а *слитія* общественныхъ и частныхъ интересовъ. Личность должна развить въ себѣ пониманіе *общественныхъ* интересовъ, которые суть и *ея* интересы; она должна направить свою дѣятельность на внесеніе истины и справедливости въ общественныя формы, потому что это есть не какое-либо отвлеченное стремленіе, а самый близкій эгоистическій *ея* интересъ. *Индивидуализмъ* на этой ступени становится осуществленіемъ общаго блага помощью личныхъ стремленій, но общее благо и не можетъ иначе осуществиться. *Общественность* становится реализированіемъ личныхъ цѣлей въ общественной жизни, но онѣ и не могутъ быть реализированы въ какой-либо другой средѣ.

Итакъ жизненная задача личности, если это критически мыслящая личность, не противуполагаетъ ея интересовъ интересамъ общества. Но, пожалуй, можно подумать, что эти двѣ половины условій прогресса могутъ быть выполнены каждая отдѣльно. Развитіе личности и воплощеніе ею въ общественныя формы истины и справедливости могутъ быть обособлены мысленно, и возникаетъ задача, которую различные мыслители рѣшали различно. Возникаютъ вопросы: долженъ ли человѣкъ преимущественно работать надъ собою, ставя своею цѣлью личное совершенство, независимо отъ общественныхъ формъ, его окружающихъ, и участвуя въ общественной жизни лишь на столько, на сколько ея формы вполнѣ соотвѣтствуютъ его требованіямъ? Или онъ долженъ направить свою дѣятельность преимущественно на выработку изъ данныхъ общественныхъ формъ воз-

можно лучшихъ результатовъ для настоящаго и будущаго, хотя бы формы, въ которыхъ ему приходится дѣйствовать, были крайне неудовлетворительны, дѣятельность его—весьма незначительна.

Оба рѣшенія, принятыя въ своей исключительности, приходятъ къ искаженію личности и ея дѣятельности. Создавая свои нравственные идеалы, личность никогда не можетъ взять въ соображеніе всѣхъ историческихъ условій жизни общества въ его цѣлости и въ его разнообразіи; по этому идеалы личности всегда будутъ и должны быть далеко выше исторической дѣйствительности; слѣдовательно личность имѣла бы въ большей части случаевъ поводъ удалиться отъ общественной дѣятельности. Чѣмъ она развитѣе и совершеннѣе, тѣмъ скорѣе ей пришлось бы это сдѣлать и смотрѣть сложа руки, съ безполезною иронiею, какъ дѣла бы шли своимъ порядкомъ, т. е. какъ бы ихъ направляли личности съ болѣе слабымъ нравственнымъ развитiемъ. Такое самосовершенствованiе равнялось бы общественному индиферентизму. Впрочемъ, оно было бы и противурѣчиво въ самомъ себѣ. Личность, способная пройти индиферентно мимо общественнаго зла, когда она *могла*, хотя бы частью, помочь ему, неспособна развить въ себѣ ничего болѣе, кромѣ *кажущейся* силы мысли, схоластическаго и вполнѣ безполезнаго набора громкихъ правилъ, или мистическаго самовозвышенія въ отчужденiи отъ всего реальнаго. Къ тому же, если среда, въ которой живетъ разсматриваемая личность, дозволила развиться *ей* до критическаго отношенія ко всему окружающему, то среда эта еще не безусловно дурна въ ней можетъ развиться и другой и третій, лишь бы

имъ представились тѣ же условія, т. е. только бы въ этой средѣ устранить наиболѣе стѣснительныя, удушающія формы. Лучшее въ ней возможно и если личность не видитъ этого, значитъ она недостаточно развила *сама себя*, а только *кажется* себѣ развитою.

Но вполнѣ приноравливаясь къ даннымъ общественнымъ формамъ, легко незамѣтно перейти къ полному подчиненію себя этимъ формамъ. Довольствуясь все меньшимъ и меньшимъ результатомъ своей дѣятельности, можно наконецъ удовольствоваться и отсутствіемъ всякаго результата. Тогда общественный дѣятель сходитъ на весьма незавидную ступень бѣлки, бѣгающей въ колесѣ, или трибуна, произносящаго пламенную рѣчь въ пустой комнатѣ. Откинувъ въ сторону требованіе личнаго достоинства, состоящаго въ томъ, чтобы въ своей дѣятельности не спускаться ниже даннаго уровня,— личность не только отказывается отъ самосовершенствованія; она отказывается и отъ способности оцѣнить, приноситъ ли она обществу пользу или вредъ, живетъ ли она въ немъ, какъ производитель, или какъ паразитъ.

Оба высказанныя выше требованія нераздѣльно связаны одно съ другимъ. Личность не можетъ иначе развиваться всесторонне, какъ на критикѣ реальнаго. Критика реальнаго міра, природы, указываетъ человѣку безусловные предѣлы собственной и чужой дѣятельности, неизбѣжные законы, противъ которыхъ вооружаться нелѣпо. Критика реальнаго прошлаго, исторіи, позволяетъ ему оцѣнить неизбѣжную почву, на которой онъ стоитъ вмѣстѣ со всѣми другими современниками, почву, допускающую переработку, но при условіи: взять самую почву въ соображеніе такою, *какова она есть*. Критика

реальнаго общества научаетъ человѣка отличать людей съ самостоятельнымъ стремленіемъ къ прогрессу отъ людей, живущихъ чужою мыслью и отъ сторонниковъ реакціи; научаетъ отличать главное зло отъ второстепенныхъ, сегодняшній вопросъ отъ вопроса, который можно оставить до завтра. Критика реальнаго *я* позволяетъ человѣку взвѣсить свои силы и опредѣлить свою дѣятельность, безъ самоуниженія и безъ высокомѣрія. Но всѣ эти формы критики суть не что иное, какъ развитіе собственной личности; въ то же время, онѣ невозможны или призрачны, если личность не принимаетъ самаго живаго участія въ общественныхъ вопросахъ и страданіяхъ, если ея критика не есть лишь предверіе къ полезной дѣятельности.

Съ другой стороны, общественная дѣятельность имѣетъ человѣческій смыслъ лишь при саморазвитіи, при постоянной повѣркѣ самаго себя, своихъ силъ, своихъ знаній, своихъ убѣжденій, своего умѣнья и своей рѣшимости отстаивать эти убѣжденья. На дѣятельности упражняются и растутъ силы; опытъ жизни и ея задачи—увеличиваютъ знанія; въ борьбѣ крѣпнетъ убѣжденіе и способность его отстаивать. Сознаніе своего участія въ общественномъ дѣлѣ есть уже начало возвышающее, вызывающее развитіе. Какъ личность можетъ нормально развиться только во взаимнодѣйствіи съ общественною жизнію, такъ полезная общественная дѣятельность можетъ имѣть мѣсто лишь при саморазвитіи личностей въ ней участвующихъ.

Это самое устанавливаетъ предѣлъ, за который личность не роняя своего достоинства не можетъ перейти въ своемъ участіи въ общественной жизни. Тамъ, гдѣ

есть еще возможность оживленія, поднятія уровня общественныхъ интересовъ,—тамъ, гдѣ есть еще надежда внести человѣчность въ механизмъ жизни, разбудить мысль, укрѣпить убѣжденіе, возбудить ненависть и отвращеніе къ обыденному злу,—тамъ личность можетъ и обязана стать въ ряды дѣятелей общественнаго прогресса. Но если она сознала что около нея пошлость сплела ткань, которую одинокая личность прорвать не въ силахъ; если человѣку необходимо содѣйствіе другихъ для дѣла, а эти другіе живутъ паразитами на тѣлѣ общества, нисколько не думая объ его требованіяхъ; если многописаніе, формальность и низкопоклонничество задавили въ чиновничествѣ всякую мысль о государственной пользѣ; если на ученьяхъ и парадахъ, изъ-за вѣрнаго темпа и ровнаго фронта, военный совсѣмъ забылъ, что онъ человѣкъ и гражданинъ; если общественное собраніе глухо ко всему, внѣ личной вражды, личныхъ связей и муравьиныхъ интересовъ; если зло растетъ въ обществѣ, а трусость и подлость закрываютъ передъ нимъ глаза или рабски аплодируютъ ему,—тогда разумному, сознательному, но безсильному дѣятелю остается отойти отъ этого омута въ сторону—когда можетъ. Его силы недостаточны, чтобы остановить общественное зло даже въ малѣйшей его долѣ; онъ по крайней мѣрѣ не приложитъ ихъ къ продолженію и усиленію зла. Среди общественнаго отупенія онъ присоединится къ тѣмъ незамѣтнымъ хранителямъ традицій прогресса, о которыхъ я говорилъ въ предыдущемъ письмѣ. Можетъ быть придетъ минута, когда его участіе въ общественной жизни будетъ *возможно*. Если же она не придетъ, то онъ передастъ другому поколѣнію традицію

ническаго, развитіе растительности, размноженіе животныхъ. Онѣ составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ физіологіи, психологіи человѣка и соціологіи. Онѣ составляютъ и неизбѣжную точку исхода для объясненія всякаго историческаго явленія. Потребности суть факты общіе для массъ, но разнообразіе физіологическихъ и психологическихъ особенностей въ особяхъ — имѣетъ слѣдствіемъ разнообразіе влеченій, вызываемыхъ потребностями. Эти потребности и влеченія составляютъ самый прочный, если можно такъ выразиться, — самый натуралистическій элементъ въ жизни общей. Онѣ даютъ тѣ неизмѣнные экономическіе и статистическіе законы, то взаимное опредѣленіе физическихъ условій страны и ея цивилизаціи, которыя лежатъ въ основѣ этой исторіи. Онѣ вызываютъ первую технику, слѣдовательно и первыя знанія; подъ ихъ вліяніемъ происходитъ первое сближеніе людей во имя наслажденія или расчета. Общественная жизнь, истекающая изъ этого источника, есть уже жизнь *культурная*, и человѣкъ, немыслимый безъ потребностей и влеченій, тѣмъ самымъ немыслимъ безъ какой-либо культуры. Наравнѣ съ нѣкоторыми другими своими собратьями изъ міра насѣкомыхъ и позвоночныхъ онъ принадлежитъ къ животнымъ культурнымъ.

Но уже первая техника и первый расчетъ пользы представляетъ работу *мысли*; и вотъ культура обществъ разнообразится по мѣрѣ развитія ихъ мысли. Подъ вліяніемъ ея работы размножаются потребности, измѣняются влеченія, тѣ и другія располагаются въ различныя перспективы, какъ влеченія лучшія и худшія, какъ потребности высшія и низшія. Является потребность въ

няться, и когда, повидимому, ряды защитниковъ про гресса будутъ всего гуще и неодолимѣе, можетъ оказаться вдругъ, что это призракъ, что достаточно раздавить двухъ трехъ передовыхъ дѣятелей, чтобы псевдорыцари прогресса попрятались по угламъ, измѣнили знамени или отреклись отъ него. Все это, конечно, очень противно и возмутительно, но еслибы борцамъ прогресса приходилось только торжествовать, ихъ дѣло было бы черезъ чуръ легко. Все таки для успѣха борьбы необходимо дѣйствовать въ той средѣ, которая дана каждому историческимъ процессомъ въ настоящемъ. Вооружаться приходится тѣмъ оружіемъ, которое удобнѣе именно въ *этой* средѣ и для *того* именно сорта битвы, который предстоитъ въ настоящемъ. Отойти въ сторону имѣетъ право лишь тотъ, кто сознаетъ себя безсильнымъ. Тотъ же, кто чувствуетъ или воображаетъ что у него есть силы,—не имѣетъ нравственнаго права тратить ихъ на мелкій, частный кругъ дѣятельности, когда есть какая-либо возможность расширить этотъ кругъ. Развитый человѣкъ, по мѣрѣ расширенія своего развитія, долженъ оплатить и болѣе значительную цѣну, израсходованную человѣчествомъ на это развитіе; поэтому на немъ лежитъ нравственная обязанность избрать столь широкій кругъ общественной дѣятельности, какой только ему доступенъ.

Отсюда рождается необходимость уяснить себѣ: какіе элементы въ сложномъ строѣ общества представляютъ *почву* дѣйствія, и какіе — *орудія* дѣятельности? Гдѣ болѣе или менѣе блестящая, но сама по себѣ мертвая, форма, и гдѣ живая сила?

Потребности обусловливаютъ процессы міра неорга-

ническаго, развитіе растительности, размноженіе животныхъ. Онѣ составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ физіологіи, психологіи человѣка и соціологіи. Онѣ составляютъ и неизбѣжную точку исхода для объясненія всякаго историческаго явленія. Потребности суть факты общіе для массъ, но разнообразіе физіологическихъ и психологическихъ особенностей въ особяхъ — имѣетъ слѣдствіемъ разнообразіе влеченій, вызываемыхъ потребностями. Эти потребности и влеченія составляютъ самый прочный, если можно такъ выразиться, — самый натуралистическій элементъ въ жизни общей. Онѣ даютъ тѣ неизмѣнные экономическіе и статистическіе законы, то взаимное опредѣленіе физическихъ условій страны и ея цивилизаціи, которыя лежатъ въ основѣ этой исторіи. Онѣ вызываютъ первую технику, слѣдовательно и первыя знанія; подъ ихъ вліяніемъ происходитъ первое сближеніе людей во имя наслажденія или расчета. Общественная жизнь, истекающая изъ этого источника, есть уже жизнь *культурная*, и человѣкъ, немыслимый безъ потребностей и влеченій, тѣмъ самымъ немыслимъ безъ какой-либо культуры. Наравнѣ съ нѣкоторыми другими своими собратьями изъ міра насѣкомыхъ и позвоночныхъ онъ принадлежитъ къ животнымъ культурнымъ.

Но уже первая техника и первый расчетъ пользы представляетъ работу *мысли*; и вотъ культура обществъ разнообразится по мѣрѣ развитія ихъ мысли. Подъ вліяніемъ ея работы размножаются потребности, измѣняются влеченія, тѣ и другія располагаются въ различныя перспективы, какъ влеченія лучшія и худшія, какъ потребности высшія и низшія. Является потребность въ

И въ каждомъ поколѣніи человѣческомъ повторяется тоже. Оно получаетъ отъ природы и исторіи совокупность потребностей и влеченій, которыя въ значительной степени обусловливаются культурными привычками и преданіями. Оно удовлетворяетъ этимъ потребностямъ и влеченіямъ—обиходомъ жизни и унаслѣдованными общественными учрежденіями, ремесленнымъ искусствомъ и рутинною техникою. Все это составляетъ его культуру, или зоологическій элементъ въ жизни человѣчества. Но въ числѣ унаслѣдованныхъ привычекъ всякой цивилизаціи заключается привычка критики, и она-то вызываетъ человѣчный элементъ исторіи, *работу мысли*. Критика науки вноситъ въ міросозерцанія болѣе истины; критика нравственности расширяетъ въ жизни приложеніе науки и справедливости; критика искусства вызываетъ болѣе полное усвоеніе истины и справедливости; придаетъ жизни болѣе стройности, культурѣ—болѣе человѣчнаго изящества. Насколько въ обществѣ преобладаютъ культурныя начала и подавляется работа мысли, настолько оно приближается къ строю муравьевъ и осъ, какъ бы, впрочемъ, ни была блестяща его культура: это не болѣе, какъ разница въ степени, въ формѣ потребностей и влеченій. На сколько въ обществѣ сильна работа мысли, критическое отношеніе къ своей культурѣ, на столько общество человѣчнѣе и болѣе обособляется отъ низшаго животнаго міра, даже если бы борьба, вызываемая работою мысли, критикою существующаго, имѣла слѣдствіемъ въ частности грустныя картины и отнимала у общества спокойствіе и порядокъ: весьма часто, лишь временнымъ волненіемъ и безпорядкомъ, можно купить

вѣдь потому лишь, что ихъ отцы и дѣды ходили именно въ подобный храмъ и слушали подобныя же проповѣди, точно такъ какъ аистъ, возвращаясь изъ перелета, садится на ту же крышу, гдѣ сидѣлъ тому годъ назадъ. Даже въ высшей сферѣ человѣческой мысли повторяется то же явленіе: нынѣшніе преподаватели и нынѣшніе ученики повторяютъ мысль Архимеда о законахъ равновѣсія и рычага, мысль Ньютона о всемірномъ тяготѣніи, мысль Пруста о законѣ химическихъ пропорцій, мысль Адама Смита о законѣ спроса и предложенія; но это совершается гораздо чаще по педагогическому преданію,—что такъ учили, такъ учатъ и такъ слѣдуетъ учить,—чѣмъ вслѣдствіе живой самостоятельной умственной потребности, неизбѣжно приводящей въ данную минуту къ данному вопросу и вызывающей на этотъ вопросъ именно такой отвѣтъ, а не другой. Надо полагать, что и бобры валятъ и обдираютъ деревья, сплавляютъ ихъ и возводятъ свои постройки, вслѣдствіе подобнаго же педагогическаго и техническаго преданія. Вообще часть цивилизаціи отцовъ, въ формѣ привычекъ и преданій, составляетъ ничто иное, какъ культурный элементъ въ жизни потомковъ, и надъ этою культурою второй формаціи должна критически работать мысль новаго поколѣнія, чтобы общество не предалось застою, чтобы, въ числѣ унаслѣдованныхъ привычекъ и преданій, оно разглядѣло тѣ, которыя представляютъ возможность дальнѣйшей работы мысли на пути истины, красоты и справедливости, отбросило остальное, какъ отжившее, и создало новую цивилизацію, какъ новый строй культуры, оживленный работою мысли.

И въ каждомъ поколѣніи человѣческомъ повторяется тоже. Оно получаетъ отъ природы и исторіи совокупность потребностей и влеченій, которыя въ значительной степени обусловливаются культурными привычками и преданіями. Оно удовлетворяетъ этимъ потребностямъ и влеченіямъ—обиходомъ жизни и унаслѣдованными общественными учрежденіями, ремесленнымъ искусствомъ и рутинною техникою. Все это составляетъ его культуру, или зоологическій элементъ въ жизни человѣчества. Но въ числѣ унаслѣдованныхъ привычекъ всякой цивилизаціи заключается привычка критики, и она-то вызываетъ человѣчный элементъ исторіи, *работу мысли*. Критика науки вноситъ въ міросозерцанія болѣе истины; критика нравственности расширяетъ въ жизни приложеніе науки и справедливости; критика искусства вызываетъ болѣе полное усвоеніе истины и справедливости; придаетъ жизни болѣе стройности, культурѣ—болѣе человѣчнаго изящества. Насколько въ обществѣ преобладаютъ культурныя начала и подавляется работа мысли, настолько оно приближается къ строю муравьевъ и осъ, какъ бы, впрочемъ, ни была блестяща его культура: это не болѣе, какъ разница въ степени, въ формѣ потребностей и влеченій. На сколько въ обществѣ сильна работа мысли, критическое отношеніе къ своей культурѣ, на столько общество человѣчнѣе и болѣе обособляется отъ низшаго животнаго міра, даже если бы борьба, вызываемая работою мысли, критикою существующаго, имѣла слѣдствіемъ въ частности грустныя картины и отнимала у общества спокойствіе и порядокъ: весьма часто, лишь временнымъ волненіемъ и безпорядкомъ, можно купить

лучшее обезпеченіе спокойствія и порядка для большинства въ будущемъ. Когда Тразивулъ съ аѳинскими изгнанниками явился въ Аѳины возмущать отечество противу олигархіи тридцати тирановъ, онъ, конечно, произвелъ волненіе и безпорядокъ. Когда гуманисты XV-го вѣка и реалисты XVIII-го повели войну противу схоластики, они произвели чрезвычайное волненіе въ школахъ и страшный безпорядокъ въ умахъ. Когда англійскія колоніи Сѣверной Америки отложились отъ метрополіи, это былъ явный мятежъ. Когда Гарибальди со своею тысячью присталъ къ берегамъ Сициліи, тутъ не было слѣда уваженія къ порядку. Когда Дарвинъ низвергнулъ кумиръ неизмѣннаго вида, онъ спуталъ ботаническія и зоологическія классификаціи и разрушилъ основу ихъ Но за свободу Аѳинъ, за новую европейскую науку, за политическій идеалъ Сѣверо-Американской республики, за низверженіе неаполитанскихъ бурбоновъ, за величественное обобщеніе развитія органическаго міра — стоило заплатить нѣкоторымъ безпорядкомъ и волненіемъ.

Культура общества есть среда, данная исторіею для работы мысли и обусловливающая *возможное* для этой работы въ данную эпоху съ такою же неизбѣжностью, съ какою во всякое время ставитъ предѣлы этой работѣ неизмѣнный законъ природы. Мысль есть единственный дѣятель, сообщающій *человѣчное* достоинство общественной культурѣ. Исторія мысли, обусловленной культурою, въ связи съ исторіею культуры, измѣняющейся подъ вліяніемъ мысли — вотъ вся исторія цивилизаціи. Въ разумную исторію человѣчества могутъ

войти лишь событія, уясняющія исторію культуры и мысли въ ихъ взаимнодѣйствіи.

Потребности и влеченія даются природой или порождаются культурой и вызываютъ общественныя формы. Внести въ эти общественныя формы истину и справедливость — дѣло мысли. Что въ общественныя формы вложила *природа*, — то мысль измѣнить не можетъ и должна только принять къ свѣдѣнію. Мысль не можетъ отнять у человѣка потребность въ пищѣ и въ воздухѣ, не можетъ уничтожить половаго влеченія, не можетъ сдѣлать, чтобы рядомъ со взрослыми не существовали малолѣтки, не можетъ измѣнить процесса своего распространенія такъ, чтобы личность не являлась неизбѣжнымъ ея органомъ. Но все внесенное въ общественныя формы *культурою* — подлежитъ критикѣ мысли. Культура должна быть взята въ соображеніе при работѣ мысли, какъ исторически-данная среда, но не какъ неизмѣнный законъ. Если сравнимъ культуры разныхъ эпохъ, то легко замѣтимъ, на сколько самые основные элементы культуры подлежатъ измѣнчивости. Тѣмъ не менѣе для лицъ жившихъ въ эпоху господства данной культуры, эта культура представляла среду, въ которой приходилось дѣйствовать всякой личности, не имѣя возможности сдѣлать среду своей дѣятельности иною. Естественныя потребности и влеченія, подъ вліяніемъ критики мысли, должны выработать себѣ общественныя формы, заключающія наибольшее количество истины и справедливости, допускаемое даннымъ состояніемъ культуры.

И такъ передъ нами опредѣленная задача прогресса: *культура* должна быть переработана *мыслію*. Передъ

нами также опредѣленный, единственный реальный дѣятель прогресса: *личность*, опредѣляющая свои силы и дѣло ей доступное. Мысль реальна лишь въ личности. Культура реальна въ общественныхъ формахъ. Слѣдовательно *личность* остается со своими силами и со своими требованіями лицомъ къ лицу съ *общественными формами*.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Личности и общественныя формы.

Положимъ, что личность рѣшила важнѣйшій изъ своихъ жизненныхъ вопросовъ: она взвѣсила свои силы и опредѣлила себѣ дѣло.

Передъ нею различныя общественныя формы. Бываютъ случаи, что эти формы, по своей сущности и по своей ширинѣ, соотвѣтствуютъ убѣжденіямъ человѣка о научности и справедливости. Тогда онъ блаженъ: онъ можетъ дѣйствовать въ этихъ формахъ, не борясь съ ними и не стѣсняясь ими. Онъ блаженъ, но, въ этомъ случаѣ, ему нечего и считать себя *дѣятелемъ* прогресса.

Онъ, какъ критически-мыслящая личность, по своей полезности, не стоитъ ничѣмъ выше другихъ личностей, немыслящихъ критически. Всѣхъ ихъ несетъ волна прогресса, движенію которой они подчиняются. Онъ только *сознаетъ* лучше другихъ, что дѣлается.

Но это сказка Шехеразады! Гдѣ же, когда, всѣ общественныя формы удовлетворяли даже довольно умѣрен-

нымъ требованіямъ научности и справедливости?—Когда личность видитъ около себя всюду добро, всюду благополучіе, всюду разумность, она можетъ быть увѣрена, что она многаго не продумала критически, не доглядѣла по невниманію или по врожденной нравственной близорукости. У нея недостаетъ рѣшимости, или недостаетъ силъ сдѣлаться вполнѣ критически-мыслящею личностью.

Тотъ, кто мыслитъ критически, неудержимо ищетъ не наслажденія созерцаніемъ существующаго добра, а предѣла, за которымъ это добро кончается, гдѣ начинается зло, какъ враждебное противудѣйствіе прогрессу, или какъ пошлость и рутина. Пусть всѣ тѣ, которые не живутъ личной жизнію, наслаждаются прекрасными людьми, на сколько эти люди прекрасны; разными укромными уголками общественнаго быта, на сколько эти уголки укромны; разными веселенькими пирушками жизни, на сколько въ этихъ пирушкахъ есть веселости. Людямъ—не личностямъ, оно и слѣдуетъ: для нихъ самостоятельная борьба невозможна.

Но человѣкъ, критически мыслящій, роется въ глубинѣ мыслей и дѣйствій прекраснаго человѣка, чтобы отыскать, гдѣ этотъ человѣкъ перестаетъ быть прекраснымъ, и оцѣнить его во имя единства его недостатковъ и его достоинствъ. Одному можно смѣло указать его слабости и надѣяться, что онъ самъ увидитъ, пойметъ и исправитъ ихъ. Другаго, — усталаго и разбитаго, — можно поддержать и придать ему новую энергію для дальнѣйшаго, быстрѣйшаго движенія. Третьяго, сворачивающаго съ пути, можно направить снова на прежнюю дѣятельность. Четвертому можно простить его сла-

шихъ данныя общественныя формы, въ суммѣ, умнѣе всякой отдѣльной личности. Это *безумно*, потому что личность безсильна предъ обществомъ и его исторіею.— Разберемъ эти возраженія по порядку.

Прежде всего о *правѣ*. Или прогресса нѣтъ, или онъ есть воплощеніе въ общественныя формы сознанной лжи и несправедливости. Я сознаю истину и справедливость въ иныхъ формахъ, чѣмъ тѣ, которыя на лицо; указываю на ложь и несправедливость въ томъ, что есть, и хочу бороться противъ этой сознанной лжи и несправедливости. Гдѣ право, отрицающее *мое* право на это? Въ живыхъ личностяхъ? Но пусть онѣ докажутъ мнѣ, что я ошибся; пусть спорятъ со мной; пусть борятся со мной; это *ихъ* право; я его не отрицаю; но и *я* имѣю право имъ доказывать, что онѣ ошибаются, имѣю право съ ними спорить и бороться. Въ цѣломъ обществѣ? но это абстрактъ, который, какъ абстрактъ, противъ меня, существа реальнаго, не имѣетъ ровно никакого права; а въ своемъ реальномъ содержаніи распадается на личности, имѣющія не болѣе права, какъ и я. Въ исторіи? Но все реальное содержаніе исторіи заключается опять-таки въ дѣятельности личностей. Изъ нихъ однѣ умерли и противъ меня, живаго, мертвецы никакаго права не имѣютъ; другія живы и имѣютъ права столько же, какъ и я. И такъ *право* бороться за истину и справедливость никто отнять у меня не можетъ, если я самъ не отниму его у себя во имя *вреда*, который можетъ выдти изъ моей дѣятельности; во имя недовѣрія къ моему личному *разуму*, въ виду историческаго разума общества; во имя моего *безсилія*,

въ виду громадныхъ силъ организованнаго общества Первый пунктъ личность уже выиграла; остается три.

Какой вредъ можетъ быть отъ того, что я укажу обществу на ложь и несправедливость въ его формахъ и буду стремиться воплотить въ жизнь истину и справедливость? Если я буду говорить и меня не послушаютъ, если мои дѣйствія будутъ безуспѣшны, то пострадаю только я. Если меня послушаютъ, и общество устроится съ бóльшею истиною и справедливостью, то это будетъ не вредъ, а польза, потому что истина и справедливость въ общественныхъ формахъ есть условіе наибольшаго наслажденія для личностей и расширенія наслажденія на наибольшее количество личностей. Конечно, если одна часть послушаетъ меня и станетъ на мою сторону, а другая будетъ сопротивляться, то начнется борьба, которая временно возмутитъ спокойствіе и беззаботность всего того, что пользовалось удобствами общественнаго строя. Одни не будутъ наслаждаться потому, что въ ихъ душѣ будетъ теперь постоянно пребывать сознаніе, что они наслаждаются въ силу несправедливыхъ общественныхъ формъ. Другіе не будутъ наслаждаться потому, что имъ будутъ мѣшать ихъ противники, а еще болѣе будетъ мѣшать страхъ, что вотъ—вотъ придетъ конецъ ихъ благополучію. Не спорю, это положеніе непріятное для всѣхъ, пользующихся удобствами данной цивилизаціи. Но можно ли его назвать, безусловно вреднымъ? Едва-ли. Въ предыдущемъ письмѣ приведено нѣсколько примѣровъ тому, какія благодѣтельныя слѣдствія вытекаютъ иногда изъ нѣкотораго безпорядка, внесеннаго въ установившуюся жизнь.—Я уже говорилъ въ письмѣ третьемъ и четвертомъ, что

до сихъ поръ удобствами прогресса пользуется лишь весьма небольшее меньшинство; что за его развитіе заплачена цѣна, которую и счесть оказалось невозможно; что эта цѣна можетъ быть оплачена только стремленіемъ распространить въ обществѣ истину и воплотить въ немъ болѣе справедливости. Если это такъ, то борьба изъ-за подобнаго воплощенія есть не только не вредъ, а единственный путь—доставить данной цивилизаціи прочность. Во всѣ времена большинство страдало, слѣдовательно, страданіе не есть что-либо небывалое въ человѣчествѣ; надо только стремиться, чтобы страданія были наименѣе безполезны для исторіи, а какія же страданія могутъ быть полезнѣе тѣхъ, которыя ведутъ къ воплощенію истины и справедливости? Во-первыхъ, если счастливцы, пользующіеся удобствами данной цивилизаціи, заплатятъ за это пользованіе нѣкоторымъ страданіемъ, они не оплатятъ этимъ и малой доли того, что для нихъ выстрадали предшествовавшіе милліоны. Во-вторыхъ, если уже считать вредъ, такъ надо помнить, что исторія не кончается живущимъ поколѣніемъ, что за этимъ послѣдуютъ другія и безусловное количество вреда, приносимаго какимъ либо дѣйствіемъ, измѣряется суммою приращеній зла, послѣдующаго отъ этого дѣйствія дла всего будущаго. Если мнѣ удастся дѣйствительно воплотить въ общественныя формы болѣе истины и справедливости, то количество зла уменьшится для длиннаго ряда послѣдующихъ поколѣній, которыя воспользуются долею добра, внесеннаго въ жизнь. Если я откажусь отъ этого, ихъ страданія возрастутъ, но въ современномъ обществѣ,—или, точнѣе, въ меньшинствѣ, пользующемся удобствами современнаго общественнаго

строя, — будетъ нѣсколько менѣе страданій: въ сущности же, и это сомнительно, потому что, на сколько въ обществѣ менѣе истины и справедливости, на столько въ немъ болѣе страданія для однихъ, пониженія достоинства для другихъ. И такъ съ одной стороны, безспорный вредъ для болѣе или менѣе длиннаго ряда поколѣній; съ другой — сомнительная выгода для живущаго поколѣнія; можетъ ли быть и вопросъ о томъ, въ которую сторону должно попасть рѣшеніе? Да и въ чемъ, собственно, непріятность? Положимъ, что нѣсколько человѣкъ уяснятъ себѣ, что форма, бывшая для нихъ правдою вчера, не есть, въ сущности, правда, и ею наслаждаться нельзя развитому человѣку. Неужели непріятность сознанія ошибки есть зло? Положимъ, что общественный муравейникъ сдѣлаетъ одинъ шагъ на пути, чтобы стать человѣческимъ обществомъ. Неужели очеловѣченье людей есть зло?—И такъ польза отъ борьбы за истину и справедливость во всякомъ случаѣ безспорна, если только дѣло идетъ о дѣйствительной истинѣ и справедливости, и если успѣхъ возможенъ. Вредъ борьбы я сознаю лишь тогда, а, слѣдовательно, право борьбы я могу отнять у себя лишь тогда, когда усомнюсь въ моемъ *пониманіи* истины и справедливости, или увѣрюсь, въ своемъ *безсиліи* воплотить въ жизнь мое убѣжденіе. Личность выиграла два пункта; обратимся къ третьему. Посмотримъ на сколько борьба личности противу общественныхъ формъ можетъ быть признана *безсмысленною*.

Личность, критически разобравшая свои знанія и свои умственныя силы, дополнила свои знанія въ данной отрасли, направила на нее свою мысль и пришла къ опредѣленному убѣжденію. Это убѣжденіе оказывается

несогласнымъ съ формою, выработанною исторически. И вотъ человѣку говорятъ: покорись, потому что противъ тебя духъ народа, опытъ человѣчества, разумъ исторіи. Есть ли достаточный поводъ для личности, на основаніи этихъ аргументовъ, отказаться отъ своего убѣжденія, какъ *неразумнаго?* Что такое духъ народа? Физическія особенности сообщили ряду поколѣній, живущему подъ вліяніемъ нѣкоторой среды, неизбѣжное природное основаніе народности. Небольшое меньшинство изъ него, жившее исторически, создало ему культуру, которая распространилась въ разной степени и въ разныхъ формахъ на различные слои народа и, въ своемъ многоразличіи, вошла въ народныя привычки, въ народныя преданія. Время отъ времени появлялись личности, имѣвшія возможность дѣйствовать на меньшинство, а чрезъ него и на большинство. Эти личности вносили въ прежнія культурныя формы новую мысль, или измѣняли нѣкоторыя культурныя формы во имя другой культуры, иногда же, выводя ихъ изъ новой мысли. Въ каждый моментъ своей исторіи народъ въ своей жизни представляетъ результатъ этихъ трехъ элементовъ: естественно-необходимаго, исторически-привычнаго, лично-продуманнаго. Ихъ комбинація составляла и составляетъ народный духъ. Въ немъ неизбѣжно лишь то, что обусловлено физически и климатически. Все остальное — привычка, постоянно измѣняющаяся подъ вліяніемъ мысли личностей и ихъ дѣйствій. Если личности мало смыслятъ и мало дѣйствуютъ, то привычка не измѣняется въ продолженіи длиннаго ряда поколѣній, культура сохраняетъ свои особенности, цивилизація впадаетъ болѣе и болѣе въ застой, духъ народа получаетъ болѣе

и болѣе опредѣленныя формы, которыя можно описать почти также, какъ описываютъ нравы животныхъ. Если же личности дѣятельны и мысль ихъ не ограничивается тѣснымъ кругомъ меньшинства, а стремится проникнуть и въ большинство, то привычки едва успѣваютъ установиться, культура мѣняется быстро въ меньшинствѣ и нѣсколько медленнѣе распространяется на большинство; цивилизація рискуетъ болѣе сдѣлаться не прочною, чѣмъ окоченѣть. Духъ народа тогда опредѣлить крайне трудно и большею частію писатели, о немъ толкующіе, не понимаютъ другъ друга. Въ обществѣ безспорно присутствуютъ, на общемъ естественно-необходимомъ основаніи, нѣсколько слоевъ исторической привычной культуры, какъ результатъ болѣе быстраго измѣненія ея въ меньшинствѣ и болѣе медленнаго распространенія въ большинствѣ. Сообразно своему развитію, писатель пріурочиваетъ народный духъ къ тому или къ другому слою, ему наиболѣе любезному, и видитъ настоящую народную исторію въ той или другой нормальной эпохѣ. Спросите французовъ: гдѣ нормальная Франція, выражающая истинный народный духъ? Одинъ укажетъ на ancien régime и Людовика XIV съ его Расинами и Буало, другой—на 1789 г. съ его „правами человѣка", третій—на Робеспьера, четвертый—на маленькаго капрала, пятый—на шумную эпоху парламентаризма при Людовикѣ-Филиппѣ, шестой—на эпоху спокойствія и славы подъ сѣнію второй имперіи; а найдутся и такіе, которые вернутся къ эпохѣ Людовика Святаго и инквизиціи. И всѣ приведутъ доводы, что *это* эпоха *истиннаго* народнаго духа Франціи. Спросите нашихъ соотечественниковъ: гдѣ истинный народный духъ Россіи? Кто укажетъ на

Москву, Ивана Васильевича Грознаго со Стоглавомъ и „Домостроемъ“; кто—на новгородскій вѣчевой колоколъ; кто — на Владиміра-красное солнышко, да миѳическаго Святогора; а то пойдутъ перечислять Великаго Петра, Великую Екатерину, Сперанскаго съ его преобразованіями; кто остановится на 1854 году, кто на 1861, кто на 1863, кто на 1866. И всѣ будутъ спорить; всѣ будутъ доказывать, что вотъ здѣсь уловленъ, угаданъ, воплощенъ въ миѳъ, въ бытъ, въ указъ или въ слово настоящій русскій народный духъ. Кто изъ нихъ правъ? На чемъ остановилось развитіе русскяго народнаго духа? на доисторическомъ славянскомъ бытѣ? на слоѣ византійской культуры? или на слоѣ Петровской цивилизаціи и чиновничества? Или этотъ духъ, оставаясь собою, восприметъ въ себя все новые и новые элементы? Если другіе думаютъ не такъ, то позвольте иной личности, при разнообразіи мнѣній, думать послѣднее и дѣйствовать сообразно этому убѣжденію. Позвольте считать, что народный духъ имѣетъ кое-какую болѣе широкую способность переработывать въ себя новые элементы, чѣмъ зоологическія породы быковъ и гіенъ. Позвольте, среди безконечнаго разнообразія понятій о народномъ духѣ, или точнѣе, объ истиннѣйшемъ и справедливѣйшемъ для даннаго народа, критически мыслящей личности высказать и проводить въ жизнь *свое* мнѣніе объ истинѣ и справедливости, надѣясь, что оно на столько же можетъ войти элементомъ въ народный духъ, какъ и многочисленныя силы, вошедшія въ него ранѣе. Почему авторъ „Домостроя“ имѣетъ болѣе меня правъ на выраженіе народнаго духа? Почему одно распоряженіе можетъ внести въ этотъ духъ новый живой элементъ, а другое не мо-

жетъ? Этому судья только критика исторіи, критика народнаго духа, критика истины, критика справедливости. А эта критика совершается и можетъ совершаться только въ личности. Именно во имя народнаго духа, но не зоологически-неизмѣннаго, а человѣчески-развивающагося, личность должна подвергать народный духъ критикѣ, разбирать, что въ немъ естественно необходимо, на сколько культурные элементы не могутъ быть измѣнены въ данную минуту, и что въ нихъ подлежитъ переработкѣ съ точки зрѣнія болѣе точной истины, болѣе широкой справедливости. Народный духъ въ данную эпоху есть духъ критически мыслящихъ личностей этой эпохи, понимающихъ исторію народа и желающихъ внести въ его настоящее возможно болѣе истины и справедливости. Точно также опытъ человѣчества есть ничто иное, какъ пониманіе его исторіи тѣми же критически мыслящими и энергически желающими личностями. Что касается до разума исторіи, это есть не болѣе, какъ слово, призракъ для мечтателей, пугало для трусовъ, если этотъ разумъ есть что-либо внѣ формулы: большинство всегда подчинялось необходимости; меньшинство всегда стремилось наслаждаться; немногія личности хотѣли понять и воплотить въ жизнь истину и справедливость. Личность, ясно понимающая минувшее и энергически желающая правды, есть, по своей природѣ, правомѣрный цѣнитель истиннаго опыта человѣчества, правомѣрный истолкователь истиннаго разума исторіи. И такъ, если человѣкъ сознаіъ въ себѣ ясное пониманіе минувшаго и энергическое стремленіе къ правдѣ, то онъ не можетъ и не долженъ отрекаться отъ выработаннаго имъ убѣжденія, въ виду историческихъ формъ общества, потому

что *разумъ, польза, право* на его сторонѣ. Онъ только долженъ взвѣсить свои *силы* для предстоящей борьбы, не тратить даромъ тѣхъ, которыя у него есть, увеличить ихъ на сколько можетъ, оцѣнить возможное, достижимое, разсчитать свои дѣйствія и тогда рѣшиться. И такъ остался одинъ послѣдній пунктъ.

Борьба личности противъ общественныхъ формъ, огражденныхъ привычкою, преданіемъ, закономъ, организаціею общества, физическою силою, нравственнымъ ореоломъ, говорятъ, *безумна*. Что можетъ сдѣлать личность противъ массы личностей, крѣпко сплоченной, когда многія изъ нихъ столь же сильны отдѣльно, какъ эта одинокая, борющаяся личность?

Но какъ же шла исторія? Кто ее двигалъ?—Одинокія борющіяся личности. Какъ же онѣ достигли этого? — Онѣ дѣлались и должны были сдѣлаться силою. Слѣдовательно, четвертый пунктъ требуетъ отвѣта болѣе сложнаго. Передъ общественными формами личность дѣйствительно безсильна, однако борьба ея противъ нихъ безумна лишь тогда, когда она силою сдѣлаться не можетъ. Но исторія доказываетъ, что это *возможно* и что даже это *единственный* путь, которымъ осуществлялся прогрессъ въ исторіи. И такъ намъ приходится поставить и рѣшить вопросъ: *какъ* обращались слабыя личности въ общественную силу?

ПИСЬМО ОСЬМОЕ.

Растущая общественная сила.

„Одинъ въ полѣ не воинъ"—говоритъ старинная пословица, и личность, являющаяся предъ лицемъ общества съ критикою общественныхъ формъ и съ желаніемъ воплотить въ нихъ справедливость, какъ безсильная единица, конечно, ничтожна. Тѣмъ не менѣе, подобныя личности создали исторію, сдѣлавшись силою, двигателями общества. Какъ же онѣ это сдѣлали?

Прежде всего, надо признать фактъ, что если разсматриваемый дѣятель есть дѣйствительно критически-мыслящая личность, то онъ никогда не одинокъ? Въ чемъ состоитъ его критика общественныхъ формъ? Въ томъ, что онъ понялъ яснѣе и глубже другихъ недостатки этихъ формъ, отсутствіе справедливости въ нихъ для настоящаго времени. Но если это такъ, то многое множество личностей, подъ тяжестью этихъ формъ, страждетъ и ропщетъ, мечется и гибнетъ. Только онѣ, какъ недостаточно-критически мыслящія личности, не

понимаютъ, отъ чего это имъ такъ не хорошо. Но если имъ сказать, то онѣ понять могутъ, и тѣ, которыя поймутъ, поймутъ это такъ же хорошо, какъ тотъ, кто высказалъ мысль впервые, а пожалуй еще и лучше, потому что онѣ, можетъ быть, выстрадали вѣрность этой мысли гораздо полнѣе и разностороннѣе, чѣмъ ея первый провозвѣстникъ. И такъ, чтобы не быть совсѣмъ одинокимъ, человѣкъ, начинающій борьбу противъ общественныхъ формъ, долженъ только высказать свою мысль такъ, чтобы ее узнали: если она вѣрна, — онъ не будетъ одинокъ. Онъ будетъ имѣть товарищей, единомышленниковъ; они ему неизвѣстны: они разбросаны, не знаютъ одинъ о другомъ, чувствуютъ себя одинокими и безсильными предъ зломъ ихъ давящимъ; они стали, пожалуй, еще болѣе несчастными, когда до нихъ достигло слово, уясняющее имъ зло, ихъ давящее. Но они и тамъ, и тутъ; и ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ мысль вѣрнѣе, справедливѣе. Это сила невидимая, неощутимая, непроявившаяся еще въ дѣйствіи, но уже сила.

Чтобы дѣйствіе силы проявилось, нуженъ примѣръ. Чтобы личность почувствовала себя не одинокою, надо чтобы она узнала, что есть другая личность, не только понимающая, какъ ей тяжело, и почему такъ тяжело, но и дѣйствующая противъ этого зла. Нужно не только слово, нужно дѣло. Нужны энергическіе, фанатическіе люди, рискующіе всѣмъ и готовые жертвовать всѣмъ. Нужны мученики, легенда которыхъ переросла бы далеко ихъ истинное достоинство, ихъ дѣйствительную заслугу. Имъ припишутъ энергію, которой у нихъ не было. Въ ихъ уста вложатъ лучшую мысль, лучшее чувство, до котораго доработаются ихъ послѣдователи.

Они станутъ недосягаемымъ, невозможнымъ идеаломъ предъ толпою. Но за то ихъ легенда одушевитъ тысячи тою энергіею, которая нужна для борьбы. Никогда несказанныя слова будутъ повторяться сначала полупонятыя, потомъ понятыя лучше и лучше, и мысль, никогда неодушевлявшая оригинала идеальной исторической фигуры, воплотится въ дѣло позднѣйшихъ поколѣній, какъ бы ея внушеніе. Число гибнущихъ тутъ не важно. Легенда всегда ихъ размножитъ до послѣдней возможности. Консерваторы же общественныхъ формъ, какъ доказываетъ исторія, съ похвальнымъ самоотверженіемъ всегда поставляли на поклоненіе толпы достаточное число погубленныхъ борцовъ, чтобы была возможность оппозиціи противъ той или другой общественной формы составить длинный мартирологъ своихъ героевъ. При этомъ фазисѣ борьбы, критически мыслящія личности имѣютъ передъ собою уже дѣйствительную силу, только силу нестройную. Она тратится большею частію безполезно, изъ-за пустыхъ мелочей, которыя прежде всего бросаются въ глаза. Люди гибнутъ изъ-за проявленія зла, а сущность его остается нетронутою. Страданія не уменьшаются, а, пожалуй, и увеличиваются, потому что, по мѣрѣ усиленія борьбы, озлобленіе противниковъ растетъ. Въ средѣ самихъ борцовъ начинается раздоръ, распаденіе, потому что, чѣмъ жарче они борются, тѣмъ ревнивѣе слѣдятъ другъ за другомъ. При всей энергіи дѣятелей, при всѣхъ жертвахъ, результатъ незначителенъ. Сила проявилась, но растрачивается задаромъ. Тѣмъ не менѣе, это уже сила, сознавшая себя.

Чтобы сила не тратилась даромъ, надо ее организо-

вать. Критически мыслящія и энергически желающія личности должны желать не только борьбы, но побѣды; для этого надо понимать не только цѣль, къ которой стремишься, но и средства, которыми можно ея достигнуть. Если борьба была серьезна, то въ числѣ борцовъ противу устарѣвшихъ общественныхъ формъ находятся не все только личности, борющіяся во имя своего страданія и понявшія это страданіе лишь съ чужаго слова, съ чужой мысли. Въ числѣ борцовъ есть и личности, критически продумавшія положеніе дѣлъ. Имъ приходится отыскивать другъ друга; имъ приходится соединиться, стать во главѣ партіи и руководить другихъ. Тогда сила организована; ея дѣйствіе можно направить на данную точку, концентрировать для данной цѣли; ея задача теперь чисто техническая: съ наименьшею тратою силъ совершить наибольшую работу. Пора безсознательныхъ страданій и мечтаній прошла; пора героическихъ дѣятелей и фанатическихъ мучениковъ, безразсчетливой траты силъ и безполезныхъ жертвъ прошла. Настала пора спокойныхъ предводителей, разсчитанныхъ ударовъ, строгой мысли и неуклонной, терпѣливой дѣятельности.

Этотъ фазисъ самый трудный. Первые два фазиса развиваются естественнымъ путемъ. Страданіе рождаетъ въ единицѣ мысль; мысль высказывается и распространяется; страданіе становится сознательнымъ; тамъ и здѣсь порываются болѣе энергическія личности; являются мученики; ихъ гибель увеличиваетъ энергію; ихъ гибель усиливаетъ борьбу; все это вызывается въ неизбѣжной послѣдовательности, одно за другимъ, какъ всякое явленіе природы. Нѣтъ эпохи, гдѣ это явленіе

не повторялось бы въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, иногда же оно достигало весьма обширнаго распространенія. Но изъ всѣхъ партій, боровшихся противъ устарѣлыхъ формъ за истину и справедливость, восторжествовали весьма немногія. Остальныя погибли, распались, или окоченѣли; онѣ исчезли, когда новое время вызвало новые протесты, образовало новыя партіи, а время первыхъ прошло невозвратно. Недосталось побѣды этимъ партіямъ лишь потому, что онѣ, пройдя естественными путями два первые фазиса, не умѣли создать себѣ третьяго, потому что третій фазисъ самъ собою не создается. Его надо продумать во всѣхъ его частностяхъ: въ причинахъ и слѣдствіяхъ, въ цѣляхъ и средствахъ. Его надо захотѣть и захотѣть твердо, не смотря на сотни личныхъ непріятностей, на утомительную однообразную дѣятельность, незамѣтную и неоцѣненную въ большой части случаевъ. Его надо подготовить, поддержать и охранять всѣми силами, терпѣливо перенося неудачи, пользуясь каждымъ обстоятельствомъ, не упуская изъ виду никого и ничего. Это фазисъ человѣчески обдуманный, искуственно созданный и который желательно пережить возможно скорѣе; потому что, во все его продолженіе, партіи подвергаются въ высшей степени опасностямъ, грозящимъ всему живому и о которыхъ мы уже говорили, упоминая о прогрессѣ цивилизацій: опасности распасться вслѣдствіе непрочности связи; опасности — окоченѣть въ застоѣ односторонняго стремленія. Въ этомъ фазисѣ эти опасности всего сильнѣе для партій именно потому, что лишь въ этомъ фазисѣ партія живетъ жизнію организма: всѣ разнородные органы направляются къ одной дѣятельности. Рас-

паденіе и окоченеміе грозятъ гибелью лишь организму. До этого личности подчинялись влеченіямъ, а влеченія прочны, потому что выходятъ прямо изъ обстоятельствъ. Теперь личности должны подчиняться мысли, которая лишь тогда прочна, когда ясна, но ясности мысли постоянно грозятъ самыя разностороннія влеченія. Посмотримъ же, въ чемъ заключаются главныя затрудненія этого фазиса, потому что, лишь побѣдивъ эти затрудненія, личности становятся дѣйствительною органическою силою въ обществѣ, въ борьбѣ за истину и справедливость.

Критически мыслящія личности, которыя должны сойтись, чтобы организовать партію и руководить ее, потому уже, что онѣ болѣе другихъ способны и энергичны, носятъ въ себѣ характеръ болѣе опредѣленной индивидуальности. Онѣ выработали *свою* привычку мыслить и потому имъ труднѣе, чѣмъ другимъ, стать на чужую точку зрѣнія и ей подчиниться. Онѣ выработали въ себѣ самостоятельность дѣятельности и потому имъ труднѣе, чѣмъ кому либо, принудить себя дѣйствовать не совсѣмъ такъ, какъ имъ кажется лучше. Онѣ умѣли лучше другихъ отстоять свою независимость въ средѣ общественной рутины и потому имъ всего удобнѣе дѣйствовать въ одиночку. И между тѣмъ, именно этимъ людямъ, самостоятельно думающимъ, самостоятельно дѣйствующимъ, привыкшимъ къ нравственному уединенію, надо теперь сойтись, сплотиться вмѣстѣ, думать съобща, дѣйствовать съобща, организовать нѣчто сильное, единое, но сильное коллективною силою, единое абстрактнымъ единствомъ; ихъ же индивидуальность, которую они уберегли отъ затягивающаго вліянія рутины, инди-

видуальность, къ которой они такъ привыкли, которою они такъ дорожили, должна исчезнуть въ общемъ направленіи мысли, въ общемъ планѣ дѣйствія. Они создаютъ организмъ, но сами въ немъ сходятъ въ положеніе органовъ. И это они дѣлаютъ добровольно.

Все это очень тяжело. Постоянно грозитъ опасность разъединенія, раздора между этими энергическими личностями. Но теперь раздоръ имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ въ предыдущемъ фазисѣ. Тамъ, при преобладаніи индивидуальнаго дѣйствія, въ періодъ пропаганды примѣромъ и личною энергіею, не особенно важно обстоятельство, на что тратится энергія: лишь бы была она, былъ бы герой, котораго можно поставить на пьедесталъ и его именемъ и примѣромъ воодушевиться на новое дѣло. Два врага, истратившіе силы на безполезную борьбу между собою, могутъ стоять рядомъ въ пантеонѣ потомства, подобно Вольтеру и Руссо. Но теперь распаденіе, это—смерть; отреченіе отъ побѣды общаго дѣла, отъ будущности партіи. И вотъ самостоятельныя личности сходятся съ твердымъ намѣреніемъ уступить часть своихъ привычныхъ взглядовъ, отказаться отъ части своихъ привычныхъ дѣйствій, лишь бы самыя интимныя, самыя глубокія ихъ убѣжденія могли восторжествовать со временемъ. Вся сила ихъ мысли опять направляется на критику собственнаго духа, собственной дѣятельности и даже не съ цѣлью узнать — точно ли это справедливо и истинно, а съ цѣлью рѣшить вопросъ: точно ли это связано такъ неразрывно съ сущностью моихъ стремленій, моего убѣжденія, что я не могу отказаться отъ этой частности, не роняя собственнаго достоинства, не жертвуя всѣмъ, что мнѣ дорого

въ самомъ себѣ, не могу, даже если бы шло дѣло о возможности торжества для моихъ идей, такъ какъ восторжествовали бы тогда только названія моихъ идей, а подъ этими названіями скрывалось бы нѣчто столь опошленное, столь искаженное, что я бы въ немъ не узналъ своихъ идей. Только совершенно уяснивъ себѣ, докуда можетъ идти уступка и гдѣ начинается измѣна дѣлу, личности, сходящіяся на это общее дѣло, могутъ организовать сильную и энергическую партію. Если онѣ сходятся съ рѣшительною мыслью не уступать ни іоты, имъ и сходиться нечего. Общаго дѣла для нихъ не существуетъ. Каждый изъ нихъ охотно обратитъ другихъ въ орудіе для своего строя мысли, въ томъ видѣ, какъ этотъ строй выработался въ немъ въ своей цѣлости, со всѣмъ существеннымъ и случайнымъ въ убѣжденіяхъ и привычкахъ. Но подобныя сходки для обращенія другъ друга въ нравственное рабство — не организація партіи, а попытка обратить все въ механизмъ для побужденій и цѣлей одной личности. Каждый долженъ отдѣлить въ своихъ мнѣніяхъ существенное отъ привычнаго; каждый долженъ вступать въ союзъ съ рѣшимостью пожертвовать привычнымъ, хотя и очень дорогимъ для пользы существеннаго; каждый долженъ смотрѣть на себя, какъ на органъ общаго организма; онъ не безжизненное орудіе, не безсмысленный механизмъ, но все-таки *только* органъ; онъ имѣетъ свое устройство, свои отправленія, но онъ *подчиненъ* единству цѣлаго. Это — условіе, и неизбѣжное условіе, жизни организма. Это—условіе согласнаго дѣйствія, условіе побѣды.

Но если раздоръ гибеленъ, если уступки въ *привычномъ* необходимы, если личности должны подчиниться

общему дѣлу, то столь же гибельны были бы уступки въ *существенномъ*; столь-же необходимо дѣятелямъ оставаться *мыслящими* личностями, не обращаясь въ машины для чужой мысли. Кто уступилъ *существенное* изъ своего убѣжденія, тотъ вовсе никакого серьезнаго убѣжденія не имѣетъ. Онъ служитъ не понятому, продуманному и желанному дѣлу, а безсмысленному слову, пустому звуку. Конечно, побѣда незозможна безъ крѣпкаго союза, безъ единства въ дѣйствіяхъ. Конечно, побѣда желательна для всякаго борца. Но побѣда *сама по себѣ* не можетъ быть цѣлью мыслящаго человѣка. Надо, чтобы побѣда имѣла какое-нибудь внутреннее значеніе. Важно, не *кто* побѣдилъ; важно, *что* побѣдило. Важна торжествующая идея. А если идея, отъ уступокъ потеряла все свое содержаніе, то партія утратила смыслъ, дѣла у ней никакого нѣтъ и споръ идетъ лишь о личномъ преобладаніи. Тогда партія борцовъ за истину и справедливость ничѣмъ не отличается отъ рутинеровъ общественнаго строя, противъ которыхъ они борются. На ихъ звамени написаны слова, которыя когда-то обозначали истину и справедливость, а теперь ничего не обозначаютъ. И будутъ они тысячу разъ повторять эти громкія слова; и повѣритъ имъ молодежь, влагающая въ эти слова свое пониманіе, свою душу, свою жизнь. И разувѣрится она въ своихъ предводителяхъ и въ своихъ знаменахъ. И ренегаты потащатъ по грязи вчерашнюю святыню. И осмѣютъ реакціонеры эти знамена, оскверненныя тѣми самыми, кто ихъ несъ. И великія безсмертныя слова будутъ ждать новыхъ людей, которые возвратятъ имъ смыслъ, воплотятъ ихъ въ дѣло. Старая же партія, пожертвовавшая всѣмъ для побѣды

можетъ быть и не побѣдитъ, а во всякомъ случаѣ окаменѣетъ въ своемъ безсодержательномъ застоѣ.

И такъ, организація партіи для побѣды необходима, но для того, чтобы партіи были живымъ организмомъ, одинаково необходимо подчиненіе органовъ цѣлому и жизненность органовъ. Партіи организовались изъ мыслящихъ, убѣжденныхъ и энергическихъ союзниковъ; они ясно понимаютъ для чего они сошлись; они крѣпко дорожатъ своими самостоятельными убѣжденіями, они твердо рѣшились сдѣлать все, что можно, для торжества этихъ убѣжденій. Только при этихъ условіяхъ они могутъ надѣяться избѣжать обѣихъ опасностей имъ грозящихъ: не разойтись и не впасть въ застой.

Положимъ, что условія выполнены. Критически-мыслящія и энергически-желающія личности сошлись и организовали партію. Но уже, по самымъ, условіямъ, при которыхъ подобная организація могла произойти, очевидно, что людей, удовлетворяющихъ условіямъ ея организаціи, будетъ крайне мало даже между критически-мыслящими личностями. Одни, при всей силѣ мысли, не додумаются до того, что лишь при организаціи побѣда возможна, и останутся на точкѣ зрѣнія одиночныхъ, героическихъ борцовъ предыдущаго фазиса. Другіе и додумаются, но не рѣшатся пожертвовать для общаго дѣла личнымъ самолюбіемъ, привычнымъ для нихъ образомъ дѣйствія. Третьи недостаточно съумѣютъ отдѣлить несущественное отъ существеннаго. Напротивъ, четвертые, изъ страстнаго желанія побѣды, готовы будутъ подчиниться *совсѣмъ*, пожертвовать существеннымъ, обратиться въ механическое орудіе, и станутъ порицать тѣхъ, кто этого сдѣ-

лать не въ состояніи. А найдутся еще и другія категоріи. Очевидно, что люди, организовавшіе партію борьбы за истину и справедливость, при своей малочисленности, должны прежде всего увеличивать свою силу всѣми матеріалами, около нихъ разсыпанными и способными войти въ организацію. Важна здѣсь не столько численность, какъ значеніе участвующихъ, самостоятельная мысль и энергическая воля. Важны въ особенности тѣ, которые могутъ стать самостоятельными, энергическими центрами, разносящими жизнь новаго организма далѣе и далѣе. И такъ, важны въ особенности три первыя категоріи личностей, не примкнувшихъ еще къ движенію. Первымъ надо изъяснить практическое положеніе дѣла, послѣднимъ—теоретическую его сущноснть; вторыхъ надо просто привлечь къ дѣлу. Всѣ они могутъ быть въ будущемъ весьма полезными дѣятелями; всѣ они—*возможные* союзники, и пониманіе общей пользы должно заставить смотрѣть на нихъ именно такъ. Съ этой точки зрѣнія и опредѣляется дѣятельность организованной партіи относительно всѣхъ элементовъ, какъ вошедшихъ уже въ ея составъ, такъ и могущихъ войти въ него впослѣдствіи.

Установившееся различіе существеннаго отъ несущественнаго въ личныхъ мнѣніяхъ опредѣляетъ какъ свободу дѣйствій внутри партіи, такъ и ея терпимость извнѣ. Какъ ни расходились бы члены ея въ пунктахъ, признанныхъ несущественными, они все-таки полезные и неизбѣжные союзники ея въ будущемъ. Всѣ члены партій,—дѣйствительные и возможные, находятся подъ ея охраной. Каждый мыслящій человѣкъ, вошедшій въ организмъ партіи, становится естественнымъ адвока-

томъ не только того, кто уже теперь къ ней принадлежитъ, но и того, кто завтра можетъ войти въ нее. Адвокатъ не долженъ извращать дѣла своего кліента; онъ только выставляетъ на видъ все, что дѣйствительно говоритъ въ пользу кліента и умалчиваетъ обо всемъ, что можетъ повредить ему. Это умолчаніе не есть ложь, потому что и противныя партіи имѣютъ своихъ адвокатовъ, которые не щадятъ и не должны щадить противниковъ. Адвокатъ, очевидно искажающій истину, только повредилъ бы и своему знамени и своему собственному авторитету, какъ умнаго и добросовѣстнаго адвоката. Но адвокатъ, который бы подсказалъ противникамъ лучшіе аргументы, былъ бы вовсе не адвокатомъ. Взаимная адвокатура членовъ партіи, это ея самая могущественная связь, самое энергическое противодѣйствіе противникамъ; это и одно изъ лучшихъ средствъ для организованной партіи привлечь къ себѣ лицъ, еще въ нее не вступившихъ. Какъ единая мысль, единая цѣль составляютъ внутреннюю силу партіи, такъ взаимная адвокатура составляетъ ея внѣшнюю силу.

За предѣлами несущественнаго прекращается свобода дѣйствій членовъ партіи и ея терпимость относительно лицъ, внѣ ея стоящихъ. Кто изъ ея членовъ переступилъ этотъ предѣлъ, тотъ болѣе не членъ ея, а ея врагъ. Кто изъ личностей, внѣ ея стоящихъ, расходится съ нею въ существенныхъ вопросахъ, тотъ тоже врагъ ея. Противъ этихъ враговъ партія направляетъ и должна направить всю силу своей организаціи, борясь, какъ одинъ человѣкъ, всѣми своими средствами, сосредоточивая свои удары. Какъ каждый членъ пар-

тіи есть естественный адвокатъ своихъ дѣйствительныхъ и возможныхъ союзниковъ, такъ онъ есть естественный прокурорскій надзоръ за всѣми признанными врагами. И здѣсь требуется не извращенія истины: это вовсе не въ обязанности добросовѣстнаго прокурора. Требуется вниманіе къ дѣйствительнымъ проступкамъ противниковъ и выставленіе на видъ всѣхъ обвиняющихъ обстоятельствъ. Дѣло адвокатовъ защищать обвиненнаго. Слишкомъ мелочное обвиненіе точно также въ глазахъ внимательной публики помогаетъ дѣлу обвиняемаго и вредитъ авторитету обвинителя, какъ явно-пристрастная защита адвоката оказываетъ дѣйствіе противоположное его собственному желанію. Но и упустить изъ виду ошибки противниковъ, дать имъ средство скрыть свои проступки,—совершенно несогласно съ задачею человѣка партіи. Внимательная и неуклонная борьба съ врагами есть проявленіе жизни партіи, какъ единство мысли есть основа этой, жизни, а взаимная адвокатура ея членовъ—связь партіи.

Такъ растетъ общественная сила, переходя отъ слабой личности сначала въ сочувствіе другихъ личностей, потомъ въ нестройное ихъ содѣйствіе, пока не организуется партія, придающая борьбѣ направленіе и единство. Конечно, тутъ эта партія встрѣчается съ другими партіями, и вопросъ о побѣдѣ становится вопросомъ числа и мѣры. Гдѣ болѣе силы? гдѣ умнѣйшія, лучше понимающія, болѣе энергическія, болѣе искусныя личности? которая партія лучше организована? которая успѣетъ лучше воспользоваться обстоятельствами, лучше успѣетъ отстоять своихъ и побороть враговъ? Здѣсь уже борятся организованныя силы, и интересъ

исторіи концентрируется на принципахъ, написанныхъ на ихъ знаменахъ.

— Тутъ нѣтъ ничего новаго; я это зналъ и прежде— скажетъ читатель.

И прекрасно, если ты зналъ это. Въ исторіи нечего искать побасенокъ, небывальщины, но тамъ можно узнать какъ было, бываетъ и будетъ. Борьба личности противъ общественныхъ формъ и борьба партій—въ обществѣ также древни, какъ и первая организація. Я желалъ лишь напомнить читателю старую истину объ условіяхъ борьбы слабыхъ личностей съ громадною силою общественныхъ формъ; объ условіяхъ работы мысли надъ культурными привычками и преданіями; объ условіяхъ побѣды партій прогресса; объ условіяхъ жизненнаго развитія цивилизацій. Личности, выработавшія въ себѣ критическую мысль, пріобрѣли тѣмъ самымъ *право* быть дѣятелями прогреса, бороться съ отжившими общественными формами. Эта борьба *полезна* и *разумна.* Но личности, тѣмъ не менѣе, суть лишь *возможные* дѣятели прогресса. *Дѣйствительными* дѣятелями его онѣ становятся лишь тогда, когда *съумѣютъ* вести борьбу, съумѣютъ сдѣлаться изъ ничтожныхъ единицъ коллективною *силою,* представительницею мысли. Путь для этого одинъ, и его указываетъ безспорное свидѣтельство исторіи.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Знамена общественныхъ партій.

Я изложилъ въ послѣднихъ письмахъ мое мнѣніе о томъ, что весь общественный прогрессъ неизбѣжно зависитъ отъ дѣятельности личностей; что онѣ лишь могутъ придать цивилизаціи прочность и спасти ее отъ застоя; что онѣ имѣютъ право и возможность относиться критически къ общественнымъ формамъ, въ которыхъ живутъ; что путь борьбы за новое противъ стараго, за растущее противу отживающаго неизбѣжно ведетъ къ группировкѣ партій подъ знаменами разныхъ идей и къ столкновенію ихъ во имя этихъ идей.

Но какъ узнать, при столкновеніи партій, кто борется за прошедшее, за отживающее? кто стоитъ за живое, за растущее?—Вопросъ можетъ показаться страннымъ, потому, что на практикѣ, повидимому, чрезвычайно легко различить, проповѣдуютъ-ли вамъ идеи, которыя были въ ходу тому два, три, четыре года, тому два десятилѣтія, тому вѣкъ назадъ, или идеи самоно-

вѣйшаго закала, отъ которыхъ бы отвернулись въ предшествующій періодъ съ испугомъ или съ отвращеніемъ. Послѣдняя умственная мода, послѣдняя статья вліятельнаго журнала, послѣднее слово любимаго проповѣдника вотъ живое, растущее. Партія, въ которой добровольно или невольно порѣдѣли ряды приверженцевъ — вотъ партія реакціи. Это пріемъ самый легкій, и ему слѣдуютъ всѣ бараны человѣческихъ стадъ съ самою тупоголовою послѣдовательностью; ему слѣдуютъ всѣ говоруны безъ убѣжденій съ самою изумительною гибкостью. Вѣроятность успѣха, вѣроятность добычи на общественномъ пиру для человѣка, становящагося въ ряды той или другой партіи, вотъ что они называютъ стремленіемъ впередъ, слѣдованіемъ за временемъ. Если бы они были правы, то слово прогрессъ не имѣло бы никакого смысла, исторія представляла бы нѣчто въ родѣ метеорологической таблицы, по которой можно отмѣчать дни дождливые и ясные, дни, когда вѣтеръ дулъ съ юго-запада или съ сѣверо-востока, но гдѣ далѣе таблицы статистическихъ цыфръ идти весьма трудно. Тогда бы и письма, которыя я нынче пишу, не имѣли бы въ моихъ глазахъ причины быть написанными, такъ какъ общественная метеорологія меня столь же мало интересуетъ, какъ и физическая. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ и исключительныхъ странахъ дожди и засуха представляютъ простую послѣдовательность. Мы живемъ въ зонѣ перемѣнчивой погоды; на основаніи вчерашняго и третьегодняшнаго направленія вѣтра, предсказать завтрашное его направленіе для насъ довольно трудно; мы страждемъ отъ перемѣны погоды, но не понимаемъ ея. Запасайтесь, если хотите и можете, галошами и зонтиками,

теплою одеждою и домами съ плотно-затворенными окнами, но неужели вы станете изслѣдовать зависимость сегодняшнаго дождя отъ того, который шелъ въ прошлый четвергъ? Въ теперешнемъ положеніи нашихъ знаній, это была бы работа неблагодарная въ метеорологіи физической, какъ и въ политической. Наука не идетъ далѣе размѣщенія метеорологическихъ станцій для людей, наиболѣе подверженныхъ опасности, и далѣе указанія имъ на приближающійся ураганъ за нѣсколько часовъ до его наступленія.

Къ сожалѣнію, я не могу допустить такого легкаго пріема для отличія прогрессистовъ отъ реакціонеровъ, какой указанъ мною выше. Поставивъ въ началѣ третьяго письма требованія прогресса, я обязанъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, допустить, что они опредѣляютъ и разницу въ партіяхъ. Побѣжденная партія можетъ быть партіею прогресса. Малочитаемая книга, написанная десять, пятьдесятъ, сто лѣтъ тому назадъ, можетъ заключать болѣе живыхъ историческихъ началъ, чѣмъ самоновѣйшая журнальная статья. Вчерашняя мода можетъ быть оживлена лучшимъ инстинктомъ будущаго, чѣмъ сегодняшняя. Да, вообразите себѣ, я предпочитаю наши журналы 1861 года журналамъ 1867 г.; предпочитаю Канта Шеллингу, Вольтера Кузену и нахожу, что у Лукіана гораздо болѣе жизненныхъ элементовъ прогресса, чѣмъ у г. Аскоченскаго. Это, конечно, возмутитъ иныхъ прогрессистовъ, сознающихъ себя стоящими каждый день въ уровень съ самымъ моднымъ направленіемъ. Это вызоветъ презрительную улыбку тѣхъ вѣчно-спокойныхъ дѣятелей, которымъ „игра въ направленіе“ кажется дѣтскою забавою. Это, пожалуй,

обрадуетъ тупыхъ поклонниковъ Домостроя и Византіи, которые вообразятъ, что, съ этой точки зрѣнія, и они могутъ попасть въ истинные прогрессисты. Предоставляю имъ всѣмъ возмущаться, улыбаться и радоваться.

Если допустить, что прогрессъ заключается именно въ развитіи личности и въ воплощеніи истины и справедливости въ общественныя формы, то вопросъ, поставленный выше, о признакахъ прогрессивной и реакціонной партій, рѣшить уже гораздо труднѣе, такъ какъ внѣшнихъ, отличительныхъ признаковъ для нихъ вовсе не оказывается. Увы! это такъ. Въ словахъ человѣческой цивилизаціи нѣтъ такого слова, которое бы безусловно, всегда и вездѣ стояло лишь на знамени прогрессистовъ или на знамени реакціонеровъ. Величайшія идеи, которыя, въ большей части случаевъ, были, въ глазахъ лучшей части мыслящихъ людей, самымъ живительнымъ началомъ общества, въ нѣкоторые періоды исторіи служили приманкою въ ряды партій, препятствовавшихъ развитію человѣчества. Самые реакціонные элементы въ нѣкоторыя эпохи становились орудіями прогресса.

Для уясненія этого разсмотримъ отдѣльно тѣ идеи, которыя можно назвать *общими началами* личной и общественной жизни, и другія, соотвѣтствующія *частнымъ формамъ* общественной жизни. Тѣ и другія, въ различныхъ комбинаціяхъ, обыкновенно служатъ знаменами для борющихся партій, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда партіи преслѣдуютъ въ сущности эгоистически-расчетливыя цѣли, такъ и въ тѣхъ, когда онѣ фанатически вѣруютъ, что ихъ приверженцы, и только они, суть представители безусловной истины и справедливости.

Обѣ эти группы идей могутъ сдѣлаться и источникомъ развитія, и орудіемъ застоя; обѣ и въ дѣйствительности были поочередно тѣмъ и другимъ, но причины этого явленія для этихъ двухъ группъ различны.

Что касается до общихъ началъ: развитія, свободы, разума и т. п., то онѣ подвергались этой участи именно потому, что, по обширности своего смысла, онѣ оставались крайне неясными большинству, могли повторяться одними безъ всякаго опредѣленнаго значенія, и быть для другихъ орудіями весьма мелкихъ и реакціонныхъ цѣлей. Слово *развитіе* могло быть разсматриваемо въ смыслѣ фаталистическомъ, какъ неизбѣжность, которая имѣетъ не только фактическое значеніе, но представляетъ начало правомѣрное, требующее умственнаго признанія и нравственнаго поклоненія во всякихъ своихъ проявленіяхъ. Для фетишистовъ историческаго процесса, патологическія клѣточки общественнаго рака суть элементы столь же человѣчнаго развитія, какъ и здоровыя клѣточки общественныхъ мышцъ и нервовъ. Но для кого исторія имѣетъ человѣческій смыслъ, тотъ знаетъ, что тѣ и другія суть одинако-необходимыя естественныя слѣдствія предшествующихъ процессовъ, но лишь послѣднія обусловливаютъ развитіе, первыя же — это элементы разрушенія и гибели. Первому роду развитія (если уже употреблять это слово) слѣдуетъ противудѣйствовать въ настоящемъ и въ будущемъ, на сколько можно. Второму роду развитія (который одинъ собственно и имѣетъ въ исторіи право на это названіе) слѣдуетъ содѣйствовать.—Безсмысленное употребленіе слова *свобода* до того знакомо всякому, сколько нибудь вдумывавшемуся въ исторію, что объ этомъ и гово-

рить, кажется, нечего: свобода для сильнаго мучить слабаго, свобода для бѣднаго умереть съ голоду, свобода для родителей искажать физическія, умственныя и нравственныя способности дѣтей—представляетъ весьма извѣстныя формы этого принципа.—Во имя *разума* углублялись въ созерцаніе безусловнаго, отвергая критику факта; признавали существующее разумнымъ, отвергая критику общественныхъ формъ. *Справедливость* отождествляли съ законностью, хотя бы это былъ законъ Дракона. Подъ *истиною* подразумѣвали мистическія положенія, недоступныя пониманію и требовавшія лишь тупаго повторенія. *Добродѣтелью* считали принесеніе лучшей личности въ жертву худшей, реальныхъ благъ въ жертву благамъ фантастическимъ. Исполненіе *долга* видѣли въ шпіонствѣ и въ варварствѣ; въ доносѣ семинариста іезуита на товарища; въ истребленіи цѣлыхъ народовъ мадъяниговъ, амалекитовъ, амманитовъ; въ измѣнѣ слову, данному иновѣрцу, въ ауто-да-фе инквизиціи и въ рѣзнѣ Варѳоломеевской ночи. *Святость* жизни находили въ отрицаніи развитія личности, въ отрицаніи истины и справедливости, въ тупомъ самомученіи факира, въ звѣриномъ состояніи отшельника, въ вѣрѣ въ немыслимое, въ гоненіи невѣрующихъ. Однимъ словомъ, всѣ самыя худшія, самыя животныя, противу-общественныя, унизительныя, противу-человѣчныя стороны человѣка нашли себѣ защитниковъ подъ маскою развитія, свободы, разума, добродѣтели, долга, святости. Только критика, постоянная, неумолимая критика могла предохранить личность отъ увлеченія громкимъ словомъ въ лагерь, совершенно несогласный съ ея желаніями, инстинктами, со всею ея натурою. Общія

начала были въ томъ случаѣ самою обыкновенною вывѣскою, и крайне часто двѣ борющіяся партіи, существенно противоположныя, объявляли себя защитниками одного и того же великаго принципа. Всѣ сектаторы называли себя истинно вѣрующими, а другія церкви—язычниками. Всѣ философы утверждали, что истинное, разумное пониманіе вещей находится только въ ихъ системѣ. За благо Рима стоялъ, повидимому, и Цезарь, и Катонъ. Справедливости требовали и рабовладѣльцы, и противники рабства. Мыслящимъ людямъ приходилось доискиваться: у которой партіи великое слово имѣло настоящій смыслъ? Не было ли требованіе свободы (какъ у бельгійскаго духовенства) лишь требованіемъ права притѣснять другихъ? Не былъ ли призывъ къ справедливости (какъ у крѣпостниковъ и рабовладѣльцевъ) лишь желаніемъ узаконить безнравственный фактъ исторіи даже и тогда, когда его безнравственность уже была сознана?

Казалось бы, что возможность служить знаменемъ для противуположныхъ партій, заключающаяся въ слишкомъ обширномъ смыслѣ общихъ принциповъ, не существуетъ для частныхъ общественныхъ формъ. Семья, законъ, національность, государство, церковь, ассоціація съ ученою, экономическою или художественною цѣлью представляютъ опредѣленною задачу, которую понять не особенно трудно и, слѣдовательно, не трудно сказать, есть ли та или другая изъ этихъ формъ—начало развивающее, прогрессивное или мертвящее, реакціонное. Къ сожалѣнію, оно вовсе не такъ, но уже совсѣмъ по иной причинѣ, чѣмъ та, которая обращаетъ иногда великіе общіе принципы въ громкія фразы. Общіе прин-

ципы, именно по своей общности, получаютъ опредѣленное значеніе лишь при ясномъ сознаніи реальнаго содержанія, на которое они обращены. Частныя же общественныя формы, именно по своей частности, сами по себѣ ни прогрессивны, ни ретроградны: всѣ онѣ заключаютъ возможность прогрессивнаго вліянія на личности, какъ всѣ онѣ могутъ служить личности самою тягостною задержкою на пути ея развитія. Историческое значеніе каждой изъ нихъ опредѣляется комбинаціею условій, при которыхъ существуетъ та или другая форма въ данную эпоху, и комбинаціею всѣхъ общественныхъ формъ въ эту эпоху. Условія общественнаго роста неизбѣжно выдвигаютъ въ опредѣленное время данную форму на первое мѣсто, какъ двигателя прогресса, и въ это время общество можетъ развиваться лишь при условіи, чтобы всѣ прочія общественныя формы подчинились одной руководящей. Но условія измѣняются: то, что было вчера преобладающимъ основнымъ требованіемъ, сегодня становится лишь *однимъ* изъ требованій личности и общества въ числѣ многихъ другихъ. Формы общественнаго союза, вчера подчиненныя, сегодня требуетъ равноправности, а завтра—преобладанія; и общество должно перейти къ новой комбинаціи, если оно хочетъ остаться прогрессивнымъ. Форма, которая вчера преобладала и за преобладаніе которой боролись по праву вчерашніе прогрессисты, сегодня—обязана уступить свое первенство, и тотъ, кто станетъ защищать его, будетъ реакціонеромъ.. Новыя комбинаціи, въ свою очередь, будутъ имѣть свое время, послѣ котораго должны замѣниться новѣйшими. Тотъ, кто будетъ поклоняться, какъ фетишу, временной комбинаціи обще-

ственныхъ формъ, рискуетъ неизбѣжно стать единомышленникомъ реакціи, потому что нѣтъ ни одной комбинаціи, которая бы разъ навсегда удовлетворяла требованіямъ прогресса. Общественныя формы для мыслящаго человѣка должны быть не болѣе, какъ непрочною историческою одеждою, неимѣющею самостоятельнаго смысла, но получающею свое значеніе лишь потому, на сколько эти формы, въ данной комбинаціи, соотвѣтствуютъ требованіямъ данной эпохи, именно: свободному развитію личностей, справедливѣйшему отношенію между ними, возможно-широкому участію личности въ благахъ цивилизаціи, упроченію этихъ благъ, устраненію опасности застоя.

Была для человѣчества эпоха, когда семья составляла основное развивающее начало союза, когда экономическія, политическія, религіозныя, научныя требованія человѣчества разрѣшались наилучшимъ образомъ при безусловномъ преобладаніи патріарха надъ потомствомъ, при крѣпчайшей родовой связи поколѣній. Деспотизмъ одного лица, ненависть къ иноплеменнику, мелочная генеалогическая гордость, предразсудочное сношеніе съ мертвыми предками, вражда племенъ и тогда, конечно, были слѣдствіями этого начала, приносили много страданій; но все таки, сравнительно, эта форма давала возможно-наименьшее количество страданій для общества и потому патріархальный строй былъ тогда прогрессомъ. Какъ ни рѣзались между собою племена изъза родовой мести, все таки въ этой рѣзнѣ гибло менѣе личностей, чѣмъ при недостаткѣ охраненія личности родовою связью. Какъ ни тяжело эксплуатировалъ патріархъ трудъ и жизнь членовъ своего племени, но

единство въ дѣятельности племени позволяло этому племени оградить отъ голода и опасностей бо́льшее число лицъ въ своей средѣ, чѣмъ это возможно было бы этимъ лицамъ при разрозненной дѣятельности. Какъ ни безчеловѣчно люди патріархальнаго быта относились къ иноплеменникамъ, обращая ихъ въ рабство, истребляя или съѣдая ихъ, но все таки въ родовомъ союзѣ человѣкъ пріучался къ мысли, что онъ долженъ стоять за жизнь, за благополучіе, за достоинство не только собственной личности, и не только людей лично ему дорогихъ, но еще и за жизнь, за благополучіе, за достоинство другихъ людей, связанныхъ съ нимъ идеально тѣмъ, что они имѣютъ съ нимъ равныя права, равныя обязанности, — тѣмъ, что въ ихъ благополучіи — и его достоинство, въ ихъ оскорбленіи — и ему оскорбленіе.—Лишь только законъ сталъ въ ограду личности, кровавая родовая месть сдѣлалась гибельнымъ общественнымъ предразсудкомъ и изъ элемента прогрессивнаго перешла въ реакціонный. Какъ только свободная экономическая ассоціація доставила личности болѣе обезпеченія и выгоды, чѣмъ семейный и племенной союзъ, то и защита экономическаго начала въ семьѣ получила характеръ ретроградный. Какъ только въ человѣкѣ выработалась мысль, что достоинство *всякаго* человѣка солидарно съ его собственнымъ достоинствомъ, и что оскорбленіе *всякаго* человѣка есть и ему оскорбленіе, то и мысль о преимущественной связи людей одного происхожденія обратилась въ препятствіе на пути цивилизаціи.

Въ другую эпоху жизни человѣчества законъ сдѣлался преобладающимъ началомъ и, по праву, началомъ прогрессивнымъ. Онъ обезпечилъ жизнь слабаго отъ про-

извола сильнаго. Онъ, закрѣпивъ договоры, далъ общинѣ возможность свободнаго и широкаго экономическаго развитія. Онъ былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій для воспитанія въ людяхъ понятія объ ихъ нравственной равноправности, о человѣческомъ достоинствѣ, внѣ всякихъ случайныхъ обстоятельствъ происхожденія, имущества и т. п. Но и законъ не всегда былъ и есть элементъ прогрессивный. Я еще разсмотрю въ другомъ письмѣ ту наклонность къ застою, которая неизбѣжно развивается съ усиленіемъ въ обществѣ формальнаго элемента закона; теперь довольствуюсь лишь не многими указаніями. Законъ есть всегда — буква; жизнь общественная, въ своемъ непрерывномъ органическомъ развитіи, неизбѣжно разростается въ категоріи несравненно болѣе разнообразныя, чѣмъ могъ предвидѣть законодатель, и переростаетъ быстро условія, при которыхъ законодатель, даже самый добросовѣстный, написалъ свою формулу. Тотъ, кто захочетъ, во что бы то ни стало, втискивать все разнообразіе жизни въ установленныя формулы кодекса, будетъ не прогрессивнымъ дѣятелемъ. Тотъ, кто станетъ на сторону отжившаго закона въ виду новыхъ историческихъ потребностей, тотъ реакціонеръ. Конечно, почти всѣ, сколько-нибудь благоустроенныя общества, заключаютъ въ себѣ возможность отмѣнять отжившіе законы; но иногда эгоистическій интересъ нѣсколькихъ лицъ поддерживаетъ формальное существованіе закона, антипатичнаго всѣмъ естественнымъ стремленіямъ общественнаго сознанія. Буква все стоитъ въ кодексѣ и находитъ даже энергическихъ, заинтересованыхъ защитниковъ; но правда, жизнь и прогрессъ не съ нею. Тогда, какъ ни вѣрно съ

юридической точки зрѣнія требованіе прокурора-обвинителя, но правда на сторонѣ присяжныхъ, произносящихъ противу очевидности: не виновенъ. Тогда, какъ ни законно дѣйствуетъ палачъ, кладя преступника на колесо, или полиція, ограждая орудія пытки, но прогрессъ на сторонѣ беззаконной толпы, вырывающей мученика изъ рукъ палача, разрушающей позорныя орудія. Тогда, какъ ни правильно узаконенъ декретъ сената, что Цезарь-Августъ-Домиціанъ—богъ и что предъ его статуею слѣдуетъ приносить жертву, какъ ни правильно требованіе Гесслера кланяться его шляпѣ, но едва ли исторія не на сторонѣ оборваннаго проповѣдника, который говоритъ: нѣтъ, Домиціанъ не богъ, и его статуѣ приносить жертвы не должно; едва-ли она не на сторонѣ полумиѳическаго стрѣлка, который не кланяется шляпѣ Гесслера, а посылаетъ ему смертельный ударъ.

Въ эпоху послѣднихъ цезарей и первыхъ варварскихъ королей, церковь, какъ общественная форма, получила, по праву, преобладающее значеніе—и всѣ общественныя начала подчинились ей. Когда съ одной стороны римскій фискъ, съ другой грабежъ варваровъ отнималъ у большинства всякія средства существованія, когда ни древнее право, ни новыя общественныя потребности не были довольно сильны, чтобы оградить личности,—тогда епископъ, во имя духовнаго связующаго авторитета, сталъ прогрессивнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Его забота была одностороння, но все-таки это была забота о страждущихъ населеніяхъ. Его судъ былъ неправиленъ, но все-таки, это было какое-либо приближеніе къ справедливости. Онъ могъ иногда публично осудить дикій

поступокъ даже въ императорѣ, котораго никто не судилъ. Онъ могъ, страхомъ адскихъ мученій и мести угодниковъ, остановить хотя иногда хищническіе порывы варваровъ, которыхъ ничто остановить не могло. Какъ ни дики были уставы Кассіановъ и Бенедиктовъ, но они доставляли, при данныхъ условіяхъ, единственную возможность сохранить традицію знанія, просто— грамотности и элементарной культуры. Слѣдовательно, въ эту эпоху для западной Европы это были положительные элементы прогресса. Но уже въ самомъ скоромъ времени подобное представленіе объ общественномъ значеніи епископовъ и монастырей сдѣлалось на западѣ началомъ реакціоннымъ. Самый грубый патримоніальный судъ сталъ справедливѣе суда церковнаго въ гражданскихъ дѣлахъ. Всѣ злоупотребленія феодализма, центральной государственной администраціи, буквеннаго права, были ничтожны предъ злоупотребленіями вмѣшательства католическаго іерарха въ дѣла общества. Самостоятельность церкви, какъ іерархическаго элемента, предъ лицомъ государства, стала идеей ретроградовъ. Господство теологовъ надъ прочими отраслями изученія сдѣлалось вреднѣйшею задержкою развитія. Только тамъ іерархическая организація являлась помощницею прогресса, гдѣ она становилась не руководительницею общества, но участницею борьбы за другія руководящія начала, за національность, за расширеніе культуры высшей расы среди низшихъ и т. п.

Возьмемъ еще примѣръ, на который я указалъ въ пятомъ письмѣ. Наука, конечно, въ своемъ процессѣ завоеванія, есть элементъ прогресса; но ученая ассоціація, какъ общественная форма, весьма можетъ быть, въ

извѣстномъ случаѣ, задержкою развитія общества, когда всѣ наличныя ихъ силы должны быть направлены на вопросы жизни; когда всякій членъ общества, индиферетно относящійся къ этимъ вопросамъ, есть его врагъ; когда никто не имѣетъ права считать себя прогрессивнымъ дѣятелемъ, если смотритъ съ пренебреженіемъ олимпійца на мимолетную полемику публицистовъ, на шумныя пренія митинговъ, на кровавыя столкновенія партій. Въ эти минуты, если ученая ассоціація понимаетъ свое человѣческое значеніе, то она придаетъ своимъ трудамъ направленіе, соотвѣтствующее потребностямъ общества, или ея члены, отодвигая на второй планъ свои изслѣдованія о новыхъ формахъ инфузорій, о покроѣ платья Хлодовика, о спряженіи кельтическихъ глаголовъ,—отдаютъ свои способности, свое время, свою жизнь вопросамъ жизни. Тогда создатель новой отрасли геометріи, Монжъ, проводитъ цѣлые дни въ мастерскихъ, питается сухимъ хлѣбомъ и пишетъ наставленіе для рабочихъ. Тогда участники въ созданіи научной химіи, Бэртэло, Фуркруа, посвящаютъ себя добыванію селитры и обученію людей взятыхъ отъ плуга. Тогда создатель сравнительнаго языкознанія, Вильгельмъ Гумбольдтъ, направляетъ всю силу своего ума на возрожденіе Пруссіи. Астрономъ Араго сидитъ въ совѣтѣ учредителей республики. Основатель целлюлярной патологіи, Фирховъ, громитъ Бисмарка въ парламентѣ. Но ученая ассоціація можетъ поступить и иначе. Она можетъ, гордясь неземнымъ спокойствіемъ своихъ кабинетныхъ розысканій, употреблять свое вліяніе на распространеніе около себя индиферентизма къ страданіямъ массы, уваженія къ оффиціальному *statu quo*, или, по

крайней мѣрѣ, можетъ считать ниже своего достоинства участіе въ мимолетныхъ вопросахъ дня. Въ этомъ случаѣ все ученое достоинство ея трудовъ не спасетъ ее отъ неизбѣжнаго приговора исторіи. Ученая ассоціація, проповѣдующая во имя науки — конечно, дурно понятой науки — индифферентизмъ къ жизненнымъ вопросамъ и устраняющаяся сама отъ участія въ нихъ, будетъ элементомъ реакціи, а не элементомъ прогресса.

Остановимся пока на этихъ примѣрахъ. Всѣ они доказываютъ одно. Начало развитія не принадлежало безусловно ни одной изъ упомянутыхъ общественныхъ формъ, но каждая изъ нихъ можетъ сдѣлаться, болѣе или менѣе, вліятельнымъ орудіемъ прогресса въ данную эпоху, при данной обстановкѣ. Безусловные защитники каждой изъ этихъ сторонъ, при всякихъ обстоятельствахъ, проповѣдуютъ безусловно реакціонное начало, такъ какъ при всякихъ обстоятельствахъ одна и таже форма или, даже одна и таже комбинація формъ, преобладать не можетъ съ пользою для человѣчества. Формы должны поочередно господствовать и уступать мѣсто одна другой для правильнаго хода исторіи, историческаго процесса.

Какъ же узнать въ данную минуту исторіи гдѣ прогрессъ? Которая изъ партій его представительница? На всѣхъ знаменахъ написаны великія слова. Всѣ партіи проповѣдуютъ начала, которыя, при опредѣленныхъ условіяхъ, были и будутъ его двигателями. И то хорошо, и это не дурно. Но какъ же выбрать?

Незнающему, немыслящему, готовому идти за чужимъ авторитетомъ выбрать нельзя, не ошибаясь. Никакое слово не имѣло за собою привилегіи прогресса: онъ не втиснулся ни въ одну формальную рамку. Ищите

за словомъ его содержаніе. Изучайте условія даннаго времени и данной общественной формы. Развейте въ себѣ знаніе и убѣжденіе. Безъ этого нельзя. Только собственное пониманіе, собственное убѣжденіе, собственная рѣшимость дѣлаютъ личность — личностью, а внѣ личности нѣтъ великихъ принциповъ, нѣтъ прогрессивныхъ формъ, нѣтъ прогресса вообще. Важно не знамя, важно не слово на немъ написанное, важна мысль знаменосца...

Чтобы удобнѣе разглядѣть эту мысль, надо уяснить себѣ въ чемъ состоитъ процессъ, помощью котораго люди прячутъ иногда подъ великія слова весьма скверныя вещи.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Идеализація.

Часть міра и рабъ природы, человѣкъ никогда не хотѣлъ сознаться въ своемъ рабствѣ. Подчиняясь безпрестанно неосмысленнымъ влеченіямъ и случайнымъ обстоятельствамъ, онъ никогда не желалъ назвать свои побужденія прямо неосмысленными и свои дѣйствія—результатомъ случайныхъ вліяній. Въ самыхъ интимныхъ глубинахъ его души уже находимъ стремленіе скрыть отъ себя свою зависимость отъ неизмѣнныхъ законовъ безсознательнаго вещества, шаткость и непослѣдовательность своихъ дѣйствій. Это онъ сдѣлалъ при помощи идеализаціи.

Процессъ ея совершается такъ. Я сдѣлалъ хорошее или дурное дѣло подъ вліяніемъ минуты, не подумавъ даже о томъ, хорошо оно или дурно. Когда оно сдѣлано, является оцѣнка. Если оно, по моему, хорошо, я очень радъ. Но если я сознаюсь себѣ, что сдѣлалъ хорошее дѣло не подумавъ даже о томъ, хорошо-ли оно,—то я въ своихъ глазахъ выиграю немного. Можетъ

быть я сообразилъ, но не помню, и вотъ теперь припоминаю: дѣйствительно, я быстро сообразилъ, что это хорошо, и быстрота соображенія увеличиваетъ еще мое достоинство: я и хорошій и весьма быстро соображающій человѣкъ. — Но допустимъ, что я одаренъ довольно хорошею памятью, чтобы на этотъ счетъ не ошибиться. Прекрасно. Я сдѣлалъ хорошее дѣло не обдумывая, не разсчитывая, но по внутреннему влеченію своей природы. Значитъ, моя природа на столько проникнута хорошими началами, что я дѣлаю хорошія дѣла, не имѣя даже вовсе нужды сознавать разумомъ, на сколько они хороши. Я хорошій человѣкъ не по развитію умственному, а по природѣ. Я принадлежу, значитъ, къ исключительно-хорошимъ людямъ. — А то есть еще одинъ пріемъ, годный при другихъ привычкахъ мысли. Я сдѣлалъ хорошее дѣло не отъ себя: мнѣ оно было внушено свыше, сверхъ-естественною силою, направляющею волю и дѣйствія людей безъ участія ихъ размышленія. Я былъ избранъ орудіемъ высшей силы въ ея намѣреніи осуществить хорошее дѣло. Кажущаяся скромность послѣдняго пріема скрываетъ еще большее самовозвышеніе, чѣмъ пріемы, прежде разсмотрѣнные. Во всѣхъ случаяхъ, изъ совершенно неосмысленнаго поступка, случайно оказавшагося, по своимъ слѣдствіямъ, хорошимъ дѣломъ, идеализація вывела заключенія: что я человѣкъ очень хорошій и замѣчательно быстро соображающій; что я исключительно хорошій человѣкъ по самой природѣ; что я личность, избранная свыше на хорошія дѣла.

Когда дѣло дурно, то пріемы идеализаціи нѣсколько иные, но подлежатъ подобнымъ же категоріямъ. Во

первыхъ, послѣдній пріемъ годится и здѣсь безъ всякаго измѣненія. Я это сдѣлалъ не отъ себя, но былъ орудіемъ гнѣва и суда высшихъ силъ. Они избрали меня на дѣло, которое только *кажется* дурнымъ слабому человѣческому разуму, но высшій разумъ судитъ иначе и если онъ рѣшилъ, чтобы его избранникъ совершилъ это дѣло, значитъ, въ сущности оно не дурно.— Раціоналистъ станетъ говорить не о высшихъ силахъ, но о высшемъ законѣ, управляющемъ событіями и выводящемъ хорошія слѣдствія изъ дурныхъ дѣлъ, о высшей гармоніи всего сущаго, гдѣ поступки личностей суть отдѣльныя ноты, звукъ которыхъ рѣжетъ ухо, если слышать ихъ отдѣльно, но необходимъ для стройности цѣлаго. Оказывается, что дурное дѣло, какъ необходимый элементъ всеобщей гармоніи, вовсе не дурно, и сдѣлать его слѣдовало, а я, изъ совершителя дурнаго дѣла, сталъ полезнымъ участникомъ всемірнаго концерта.—Но охотнѣе всего люди при этомъ употребляютъ пріемъ предполагаемаго высшаго расчета. Дѣло, взятое само по себѣ, положимъ дурно, но память быстро развертываетъ длинный рядъ *великихъ принциповъ*, примѣряя ихъ къ моему поступку и, если который нибудь изъ нихъ хотя издали придется по мѣркѣ, то воображеніе подсказываетъ, что я именно имѣлъ въ виду этотъ принципъ при совершеніи моего поступка. Я побранился съ пріятелемъ и убилъ его на дуэли: я защищалъ великій принципъ чести. Я увлекъ женщину и бросилъ ее съ ребенкомъ на улицу безъ средствъ существованія: я слѣдовалъ великому принципу свободы привязанностей. Я составилъ съ крестьянами невыгодный для нихъ договоръ и довелъ ихъ юридическими исками

быть я сообразилъ, но не помню, и вотъ теперь припоминаю: дѣйствительно, я быстро сообразилъ, что это хорошо, и быстрота соображенія увеличиваетъ еще мое достоинство: я и хорошій и весьма быстро соображающій человѣкъ. — Но допустимъ, что я одаренъ довольно хорошею памятью, чтобы на этотъ счетъ не ошибиться. Прекрасно. Я сдѣлалъ хорошее дѣло не обдумывая, не разсчитывая, но по внутреннему влеченію своей природы. Значитъ, моя природа на столько проникнута хорошими началами, что я дѣлаю хорошія дѣла, не имѣя даже вовсе нужды сознавать разумомъ, на сколько они хороши. Я хорошій человѣкъ не по развитію умственному, а по природѣ. Я принадлежу, значитъ, къ исключительно-хорошимъ людямъ. — А то есть еще одинъ пріемъ, годный при другихъ привычкахъ мысли. Я сдѣлалъ хорошее дѣло не отъ себя: мнѣ оно было внушено свыше, сверхъ-естественною силою, направляющею волю и дѣйствія людей безъ участія ихъ размышленія. Я былъ избранъ орудіемъ высшей силы въ ея намѣреніи осуществить хорошее дѣло. Кажущаяся скромность послѣдняго пріема скрываетъ еще большее самовозвышеніе, чѣмъ пріемы, прежде разсмотрѣнные. Во всѣхъ случаяхъ, изъ совершенно неосмысленнаго поступка, случайно оказавшагося, по своимъ слѣдствіямъ, хорошимъ дѣломъ, идеализація вывела заключенія: что я человѣкъ очень хорошій и замѣчательно быстро соображающій; что я исключительно хорошій человѣкъ по самой природѣ; что я личность, избранная свыше на хорошія дѣла.

Когда дѣло дурно, то пріемы идеализаціи нѣсколько иные, но подлежатъ подобнымъ же категоріямъ. Во

первыхъ, послѣдній пріемъ годится и здѣсь безъ всякаго измѣненія. Я это сдѣлалъ не отъ себя, но былъ орудіемъ гнѣва и суда высшихъ силъ. Они избрали меня на дѣло, которое только *кажется* дурнымъ слабому человѣческому разуму, но высшій разумъ судитъ иначе и если онъ рѣшилъ, чтобы его избранникъ совершилъ это дѣло, значитъ, въ сущности оно не дурно.— Раціоналистъ станетъ говорить не о высшихъ силахъ, но о высшемъ законѣ, управляющемъ событіями и выводящемъ хорошія слѣдствія изъ дурныхъ дѣлъ, о высшей гармоніи всего сущаго, гдѣ поступки личностей суть отдѣльныя ноты, звукъ которыхъ рѣжетъ ухо, если слышать ихъ отдѣльно, но необходимъ для стройности цѣлаго. Оказывается, что дурное дѣло, какъ необходимый элементъ всеобщей гармоніи, вовсе не дурно, и сдѣлать его слѣдовало, а я, изъ совершителя дурнаго дѣла, сталъ полезнымъ участникомъ всемірнаго концерта.—Но охотнѣе всего люди при этомъ употребляютъ пріемъ предполагаемаго высшаго расчета. Дѣло, взятое само по себѣ, положимъ дурно, но память быстро развертываетъ длинный рядъ *великихъ принциповъ*, примѣряя ихъ къ моему поступку и, если который нибудь изъ нихъ хотя издали придется по мѣркѣ, то воображеніе подсказываетъ, что я именно имѣлъ въ виду этотъ принципъ при совершеніи моего поступка. Я побранился съ пріятелемъ и убилъ его на дуэли: я защищалъ великій принципъ чести. Я увлекъ женщину и бросилъ ее съ ребенкомъ на улицу безъ средствъ существованія: я слѣдовалъ великому принципу свободы привязанностей. Я составилъ съ крестьянами невыгодный для нихъ договоръ и довелъ ихъ юридическими исками

до нищеты: я поступалъ во имя великаго принципа законности. Я донесъ на неосторожнаго говоруна: я поддержалъ великій принципъ государства. Въ трудное для литературы время я топчу въ грязь изъ личнаго озлобленія послѣдніе органы идей моей же партіи: я борецъ за великій принципъ самостоятельности мнѣній и чистоты литературныхъ нравовъ. Едва ли есть такое скверное дѣло, которое бы рѣшительно нельзя было подвести ни подъ одинъ изъ великихъ принциповъ. Выходитъ, что съ высшей точки зрѣнія дѣло мое не только не дурно, но хорошо.—Опять неосмысленный поступокъ, не смотря на то, что выказался вреднымъ по своимъ послѣдствіямъ, выставилъ меня защитникомъ великихъ принциповъ, полезнымъ участникомъ всемірной гармоніи, избраннымъ орудіемъ высшей воли.

Какъ я уже сказалъ, идеализацію мы встрѣчаемъ въ самыхъ интимныхъ глубинахъ души человѣка. Первое проявленіе ея даже такъ глубоко сплетается съ психическою жизнію человѣка, что выдѣлить эту идеализацію изъ человѣческаго мышленія невозможно. Можно только придти путемъ аналогіи и строгаго вывода къ умственному убѣжденію въ фактѣ этой идеализаціи, но тѣмъ не менѣе она останется основою всей нашей практической дѣятельности и всѣхъ нашихъ нравственныхъ теорій. Я говорю объ идеализаціи *свободной воли*, которая неизмѣнно ставитъ личность предъ собою, какъ существо, отвѣтственное за свои поступки, какъ единственный *сознаваемый* ею источникъ собственной дѣятельности. Теоретическое *познаніе* разлагаетъ этотъ источникъ на дальнѣйшія и указываетъ въ свободной волѣ лишь одно изъ необходимыхъ слѣдствій предъидущаго ряда

событій; въ то же время и одно изъ необходимыхъ орудій въ общемъ процессѣ міровыхъ событій. Антропологическая точка зрѣнія въ философіи позволяетъ сопоставить область теоретическаго *познанія* съ областью нравственнаго *сознанія,* и въ *послѣдней области,* выходитъ изъ первоначальнаго, субъективнаго *факта* свободной воли для *себя,* независимо отъ теоретическаго значеніе этого факта въ общемъ процессѣ міра. Это даетъ прочную основу практической философіи и позволило мнѣ въ этихъ письмахъ говорить съ читателемъ о нравственномъ долгѣ личности, о нравственной необходимости борьбы личностей противъ отживающихъ общественныхъ формъ, о нравственныхъ идеалахъ и объ историческомъ прогрессѣ изъ нихъ вытекающемъ. Всѣ эти предметы имѣютъ смыслъ только въ области практической философіи, какъ предметы дѣйствительные. Для философіи теоретической это предметы дѣйствительнаго психическаго наблюденія, но не предметы реальнаго міра. Но такъ какъ и реальный міръ, и дѣйствительное психическое наблюденіе, невыдѣлимое изъ человѣческой природы, имѣютъ *для человѣка* одинакое значеніе, то, съ *антропологической* точки зрѣнія, я былъ въ полномъ правѣ опираться на начало отвѣтственности предъ собою, какъ на психическій фактъ, лежащій въ основѣ практической философіи. Для лицъ, принимающихъ другую философскую точку зрѣнія, подобное разсужденіе было бы непослѣдовательно, — хотя почти всѣ къ нему приходятъ.—Пусть читатель извинитъ эту диссертацію о пунктѣ нѣсколько отвлеченномъ по самой его сущности. Но это нужно было для двухъ цѣлей: читатель, нѣсколько глубже вникающій въ предметъ, полу-

читъ здѣсь объясненіе основныхъ взглядовъ, о которыхъ не приходилось говорить въ этихъ письмахъ; кромѣ того на этомъ примѣрѣ видно, какъ глубоко коренится въ человѣкѣ стремленіе къ идеализаціи, т. е. къ выдѣленію себя изъ неизмѣнной связи явленій, и къ осмысливанію въ себѣ даже того, что представляетъ въ дѣйствительности лишь подчиненіе необходимости.

Если начало отвѣтственности предъ собою должно быть признано неизбѣжною идеализаціею въ человѣкѣ, а потому устранено быть не можетъ, то оно есть единственная идеализація, имѣющая право на подобную привиллегію. Неизбѣжное приходится поневолѣ принять. Все, чего избѣжать можно, слѣдуетъ допустить лишь на основаніи критики. Приступая съ этимъ требованіемъ къ явленіямъ идеализаціи, мы замѣчаемъ какъ широко прилагала она свой пріемъ осмысленія безсознательныхъ процессовъ. При этомъ она далеко не ограничилась человѣкомъ, но попыталась очеловѣчить, осмыслить цѣлый міръ. Наблюденіе указываетъ три группы идеализацій, выходящихъ изъ желанія человѣка внести во всѣ явленія или въ большинство ихъ сознаніе и разумъ. Во первыхъ, явленія представлялись человѣку какъ *дѣйствія* сверхъ-естественныхъ, внѣ-міровыхъ *личностей*, одаренныхъ сознаніемъ, разумомъ и волею. Во вторыхъ, явленія представлялись ему какъ *проявленія* единой сознательной и разумной *сущности* міра. Наконецъ, въ третьихъ, явленія представлялись ему какъ *дѣйствія* совокупности реальныхъ *существъ*, одаренныхъ сознаніемъ, разумомъ и волею, и составляющихъ міръ. Такъ какъ два первые способа идеализаціи получаются не при прямомъ наблюденіи, а являются какъ результатъ

сложныхъ соображеній, не допускающихъ повѣрки наблюденіемъ или опытомъ; то мы ихъ и оставимъ въ сторонѣ. Относительно же послѣдняго способа идеализаціи, замѣтимъ, что онъ въ первобытномъ человѣчествѣ имѣлъ широкое распространеніе и въ низшихъ расахъ еще не потерялъ его и теперь. Именно въ этихъ случаяхъ приписывали сознаніе, разумъ и волю большей части предметовъ міра. Затѣмъ критика мысли все болѣе съуживала кругъ сознательныхъ предметовъ. Была попытка признать психическіе процессы за однимъ человѣкомъ, но потомъ оказалось необходимымъ распространить ихъ и на многихъ животныхъ въ разной постепенности. За то и въ человѣкѣ критика открыла длинный рядъ постепенностей разумности дѣйствій. Она нашла въ немъ группу явленій чисто-механическихъ, безсознательныхъ. Затѣмъ — другую группу явленій, гдѣ самыя низшія животныя влеченія сознаются, но дѣйствуютъ съ неудержимою силою, безъ всякаго участія размышленія. Затѣмъ еще новую группу, гдѣ рутинный ходъ мысли совершается какъ бы механически, хотя нельзя сказать чтобы сознаніе или размышленіе здѣсь отсутствовало, или чтобы быстрота дѣйствія мѣшала оцѣнкѣ его, тѣмъ не менѣе оцѣнка личной отвѣтственности передъ собою является лишь въ послѣдствіи, когда дѣло сдѣлано или болѣе чѣмъ на половину, или совсѣмъ. Еще далѣе, мы встрѣчаемъ весьма сложную группу дѣйствій, совершаемыхъ подъ вліяніемъ сильныхъ аффектовъ и страстей; тутъ большею частію присутствуетъ и размышленіе и нравственная оцѣнка отвѣтственности предъ собою, но сила аффекта или страсти преобладаетъ на столько, что человѣкъ ей подчиняется на зло раз-

мышленію и нравственнымъ требованіямъ. Только за этою группою лежитъ область дѣйствій, въ которыхъ человѣкъ является размышляющимъ и вполнѣ отвѣтственнымъ предъ собою существомъ. Есть люди, большая часть жизни которыхъ проходитъ безъ того, чтобы какое либо дѣйствіе ихъ можно было считать принадлежащимъ къ послѣдней группѣ, при чемъ самое большое число дѣйствій человѣческихъ надо отнести къ группѣ третьей, т. е. къ дѣйствіямъ, совершеннымъ подъ вліяніемъ рутины, привычки и преданія, какъ совершаютъ свои дѣйствія — часто довольно сложныя — всѣ культурныя животныя. Оцѣнка отвѣтственности, какъ мы сказали, приходитъ при этомъ въ продолженіи самаго дѣйствія, или по окончаніи его, а иногда и совсѣмъ не приходитъ. Степень жизненнаго развитія человѣка опредѣляется долею, которую составляетъ послѣдняя, вполнѣ сознательная группа дѣйствій, во всѣхъ его дѣйствіяхъ.

Изъ предыдущаго видно, что подыскиваніе разумнаго мотива къ совершенному дѣйствію не можетъ быть признано пріемомъ всегда раціональнымъ; что въ человѣческихъ дѣйствіяхъ участвуютъ чаще мотивы механическіе или зоологическіе, чѣмъ человѣчные. На сколько это необходимо имѣть въ виду криминалисту для взвѣшиванія приговора и для постройки уголовнаго права, на столько же оно необходимо историку и общественному дѣятелю, для критическаго отношенія къ человѣческимъ дѣйствіямъ въ минувшемъ и въ настоящемъ, къ стремленіямъ людей идеализировать свои и чужія дѣйствія, подыскивая къ нимъ разумные мотивы, нако-

нецъ для того, чтобы не ошибиться въ разсчетѣ при преслѣдованiи практическихъ цѣлей.

Какъ ни ограниченъ въ человѣчествѣ кругъ дѣйствiй, которыя можно назвать разумными, но стремленiе къ идеализацiи, предполагающей дѣйствiя разумными, весьма широко, и потому большинство людей желаетъ представить всѣ механическiя, рутинныя, страстныя свои дѣйствiя, какъ дѣйствiя разумныя. Иные совершаютъ этотъ процессъ идеализацiи совершенно искренно, другiе же — лишь для возвышенiя своего *я* предъ чужими глазами или для достиженiя своекорыстныхъ цѣлей. Но недостатокъ знанiя и гибкости мысли не дозволяетъ значительному числу людей этого дѣлать самимъ. Тогда они очень рады, когда за нихъ сдѣлаютъ это другiе, и охотно пристаютъ къ тѣмъ людямъ, которые позволяютъ имъ выдать свою тупость за размышленiе, свои животныя влеченiя за нравственно-политическiя начала, свою рутину за консервативную теорiю, свою трусость за преданность государству, свою подлость за геройство, свое любостяжанiе за служенiе праву, свое озлобленiе за борьбу противъ лжи. Это именно доставляетъ партiямъ, пишущимъ на своихъ знаменахъ великiя слова, наибольшее число приверженцевъ. Всегда при поднятiи подобнаго знамени, есть люди, которые нуждаются въ немъ для прикрытiя громкимъ словомъ мелкаго содержанiя своей дѣятельности. Поэтому разсчетливые провозгласители великихъ принциповъ, подъ защитою которыхъ предводители имѣютъ въ виду осуществить эгоистическiя интересы своего сословiя или кружка, въ большей части случаевъ, тѣмъ скорѣе собираютъ партiи приверженцевъ или эта партiя становится тѣмъ обширнѣе, чѣмъ удоб-

нѣе прикрыть новымъ знаменемъ механическія, животныя, рутинныя и страстныя стремленія личностей. Въ этомъ случаѣ, совершить идеализацію тѣмъ удобнѣе, что, въ продолженіи человѣческой исторіи, каждое изъ громкихъ словъ не разъ бывало на самомъ дѣлѣ девизомъ передовой партіи, формулою прогресса, и потому, въ подобныя эпохи поэзія и философія, обычай и преданіе совершенно искренно и правомѣрно окружили подобное слово ореоломъ величія. Ложнымъ идеализаторамъ остается указать на этихъ хвалителей, завѣдомо искреннихъ и талантливыхъ, и черпать изъ арсенала ими устроеннаго, оружіе для своихъ цѣлей.

Въ виду подобнаго явленія, критика должна еще строже относиться къ громкимъ словамъ, написаннымъ на знаменахъ партій и еще внимательнѣе разсматривать, на сколько подъ ними скрывается идеализація унизительныхъ или правомѣрныхъ влеченій личности.

Въ предыдущемъ письмѣ я отдѣлилъ двѣ группы великихъ идей, соотвѣтствующія общимъ началамъ и частнымъ общественнымъ формамъ. Это мы сдѣлаемъ и здѣсь. Относительно общихъ началъ пріемъ критики для раскрытія ложной идеализаціи весьма простъ: надо лишь разобрать, *въ какомъ смыслѣ* партіи употребляютъ слова: разумъ, свобода, общее благо, справедливость и т. д. Надо провѣрить на сколько смыслъ, придаваемый всѣмъ этимъ словамъ соотвѣтствуетъ, въ данномъ случаѣ, ихъ дѣйствительному прогрессивному значенію. Это, конечно, возможно лишь тогда, когда критика сама предварительно уяснила себѣ дѣйствительное значеніе этихъ словъ.

Для частныхъ общественныхъ формъ задача сложнѣе.

Я уже говорилъ въ шестомъ письмѣ, что общественныя формы выработываются естественными потребностями и влеченіями. На сколько эти потребности и влеченія естественны, на столько же и формы, ими выработанныя, правомѣрны, но не далѣе. Между тѣмъ, въ исторіи, форма, выработанная одною потребностью, оказывалась часто удобною, за неимѣніемъ лучшей, и для удовлетворенія другихъ потребностей; вслѣдствіе того, эта форма обращалась въ органъ для самыхъ разнородныхъ функцій, и, *въ этомъ видѣ*,—подвергаясь искренней и ложной идеализаціи,—была провозглашаема знаменемъ партій, существеннѣйшимъ орудіемъ прогресса. Въ этомъ случаѣ дѣло критики двойное. Во первыхъ, ей приходится разобрать, какія дѣйствительныя стремленія партій скрываются подъ словомъ, написаннымъ на ихъ знамени. Во вторыхъ, ей надо доискаться той естественной и, слѣдовательно, правомѣрной потребности, которая вызвала къ существованію ту форму, которая выставлена на знамени партіи, какъ основной ея принципъ. Первымъ путемъ критика разрушаетъ ложную идеализацію тѣхъ, которые выставляютъ форму по сущности можетъ быть и почтенную, въ защиту стремленій, не имѣющихъ съ нею ничего общаго. Вторымъ путемъ, критика борется и противъ тѣхъ, которые сдѣлали изъ громкаго слова фетишъ, не понимая его смысла, и противъ ложныхъ идеализаторовъ другаго рода, именно такихъ, которые *отрицаютъ* правомѣрность потребности, вполнѣ естественной и этимъ вызываютъ, или искаженіе человѣческой природы, или, что всего чаще, лицемѣріе. Послѣдняя задача имѣетъ сторону не только отрицательную, но и положительную: открывая

въ основѣ данной общественной формы естественную потребность, естественное влеченіе, критика тѣмъ самымъ признаетъ эти основы правомѣрными и требуетъ построенія общественныхъ формъ на основаніи *искренности* чувства, т. е. на основаніи искренняго отношенія къ естественнымъ потребностямъ и влеченіямъ, лежащимъ въ природѣ человѣка. Это осуществленіе въ общественныхъ формахъ нравственныхъ идеаловъ, коренящихся въ самой природѣ человѣка, составляетъ законную и человѣческую идеализацію его естественныхъ потребностей, въ противуположность *призрачной* идеализаціи ихъ, подъ видомъ исторически-образовавшихся культурныхъ формъ, имъ вовсе не соотвѣтствующихъ. Всякая потребность допускаетъ законную и человѣчную идеализацію, собственно ей принадлежащую, точно также, какъ отрицать въ ней можно только то, что внесено въ нее культурою; этимъ и ограничивается отношеніе къ ней мысли. Отрицая законъ природы, мы его не уничтожимъ, а только дадимъ ему болѣе патологическое проявленіе при преобладаніи лицемѣрія въ общественной формѣ. Призрачная идеализація не можетъ ни на волосъ измѣнить законовъ природы и вноситъ въ общественныя формы лишь лживость, всегда дающую болѣе хитрой и менѣе нравственной личности возможность притѣснить личность менѣе хитрую и болѣе нравственную.

Но именно эта лживость и несправедливость, вносимая въ общественныя формы мелкими эгоистическими интересами подъ прикрытіемъ призрачной идеализаціи, вызываетъ постоянное раздраженіе противъ общественныхъ формъ и сообщаетъ имъ непрочность. Единственный

путь для приданія имъ большей прочности заключается именно въ приданіи имъ настоящей жизненности, т. е. въ замѣнѣ призрачной идеализаціи истинною. Въ этомъ-то преимущественно и заключается тотъ процессъ работы мысли надъ культурными формами, который составляетъ движеніе цивилизаціи. Какъ читатель видитъ, въ этомъ процессѣ нѣтъ собственно ничего отрицающаго, разрушающаго, революціоннаго. Мысль стремится постоянно доставить общественнымъ формамъ болѣе прочности, отыскавъ ихъ дѣйствительныя основы въ настоящихъ человѣческихъ потребностяхъ; изучая эти потребности, она скрѣпляетъ общественныя формы наукою и справедливостью. То, что отрицаетъ критика мысли, есть именно элементъ сообщающій общественнымъ формамъ непрочность. Разрушаетъ она именно то, что грозитъ разрушеніемъ цивилизаціи. Революцію она стремится предупредить, а не вызвать.

Обращаясь къ самой элементарной человѣческой потребности — къ потребности питанія, мы и сдѣсь уже встрѣчаемъ ложную идеализацію въ формѣ искусственной потребности къ дорогимъ лакомствамъ, развитой культурою и въ формѣ призрачнаго благодѣянія даровыхъ пировъ, развивающихъ паразитство. Въ то же время ложная идеализація аскетизма, отрицая, что каждый человѣкъ долженъ быть сытъ, привела естественнымъ путемъ, къ безсмысленному скопленію драгоцѣнныхъ металловъ въ храмахъ боговъ, гдѣ они никому не нужны и къ обращенію центровъ отшельничества въ убѣжища безнравственности и невѣжества. Наука противопоставила обоимъ этимъ призрачнымъ идеализаціямъ, признаніе потребности питанія естественною и правомѣрною,

и построеніе ея удовлетворенія на основаніи физіологіи и соціологіи. Если она идеализируетъ потребность питанія, то идеализируетъ ее правильно, указывая, сколько пищи нужно данной личности, въ размѣрахъ какой цѣнности она можетъ быть присвоена личностью безъ нарушенія справедливости въ ея распредѣленіи — и развивая технику кулинарнаго искусства для здороваго, экономическаго и вкуснаго приготовленія потребнаго количества пищи. То, что можно сказать объ этой элементарной потребности питанія, прилагается еще лучше ко всѣмъ остальнымъ, и прогрессъ всѣхъ общественныхъ формъ заключался всегда именно въ болѣе строгомъ различеніи естественныхъ потребностей, ихъ вызвавшихъ, въ болѣе искреннемъ отношеніи къ этимъ потребностямъ, въ разсѣяніи призраковъ, съ ними связанныхъ, и въ идеализаціи ихъ лишь тѣмъ путемъ, который указанъ сомою сущностью потребности. Разсмотримъ главнѣйшія формы поочередно.

Половое влеченіе вызвало первую крѣпкую общественную форму — семью. Бѣдность культурнаго развитія имѣла слѣдствіемъ, что эта общественная форма должна была удовлетворить разомъ и потребности воспитанія растущаго поколѣнія, и потребности экономическаго обезпеченія личностей, и потребности защиты ихъ отъ внѣшнихъ враговъ, и потребности огражденія одной личности семьи отъ насилія другой, и потребности накопленія знанія и потребности творчества. Глава семьи оказался разомъ и руководителемъ дѣтей, и всестороннимъ промышленникомъ, политическимъ дѣятелемъ, судьею, хранителемъ преданій теоретическаго и практическаго, лирикомъ въ молитвѣ, эпикомъ въ миѳѣ,

актеромъ въ культѣ — и все это потому лишь, что совокупился съ плодородною женщиною. Привычка и преданіе облекли семейную связь въ этой сложной формѣ поэтическою прелестью, величіемъ священнаго союза, бронею закона, путами общественнаго мнѣнія. Въ то же время аскетизмъ не только отрицалъ существующія культурныя формы семьи, но признавалъ половое влеченіе оскверненіемъ человѣческаго достоинства и проповѣдывалъ воздержаніе отъ половой связи. Результатомъ ложной идеализаціи семьи—явилось страшное злоупотребленіе власти главы семьи: обращеніе брака — въ куплю и продажу, подчиненія дѣтей родителямъ — въ рабство; явился въ семьѣ развратъ, подъ маскою приличія, превзошедшій всѣ излишества явнаго разврата; она дошла до уничтоженія въ своей средѣ всякихъ человѣческихъ отношеній, представляла разгулъ лишь лицемѣрію и униженію личности. Точно также аскеты, проповѣдывавшіе воздержаніе отъ половой связи, не могли уничтожить половаго влеченія, если не прибѣгали къ радикальнымъ мѣрамъ скопцовъ. И здѣсь было лишь два исхода: или искаженіе человѣческой природы, или лицемѣріе, прикрывающее еще болѣе изысканное влеченіе къ тому, что явно отрицалось. Большинство фанатическихъ сектаторовъ, пошедшихъ этимъ путемъ, пришло къ искаженію физическаго организма человѣка; но инымъ, наприм., шэкерамъ, повидимому удалось исказить человѣка въ этомъ отношеніи психически. Тамъ же, гдѣ фанатизмъ пересталъ дѣйствовать, воцарилось лицемѣріе и подъ *ангельскою* одеждою аскетовъ и аскетокъ, отрекшихся отъ всего плотскаго, — часто скрывалось еще болѣе животныхъ побужденій,

чѣмъ среди мірянъ. Знаменитые процессы доказали въ этомъ случаѣ, что такъ называемыя убѣжища чистоты дѣлались на самомъ дѣлѣ аренами оргій, прошедшихъ не только всѣ ступени естественныхъ потребностей, но заглянувшихъ весьма далеко и въ область влеченій, которыя новая Европа признала противуестественными. Случалось и то, что мистическое отрицаніе половыхъ влеченій мирилось въ восторженныхъ экстазахъ нѣкоторыхъ сектаторовъ съ ихъ искуственнымъ преувеличеніемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ, что аскетизмъ вызывалъ среди общества появленіе лживыхъ стремленій въ группахъ людей, имѣвшихъ спеціальное назначеніе отрицать или искажать основное влеченіе человѣческой природы и ставившихъ себѣ это въ заслугу.

Прогрессъ въ исторіи семьи шелъ тремя путями, изъ которыхъ самый существенный былъ постепенное выдѣленіе изъ дѣятельности главы семьи тѣхъ атрибутовъ, которыми онъ былъ облеченъ, по необходимости, лишь при самомъ неразвитомъ состояніи культуры. Критическая мысль выработала промышленную систему раздѣленія работъ, сначала по наслѣдству въ кастахъ, потомъ по личному влеченію; выработала политическую систему государственной обороны личностей отъ внѣшнихъ враговъ съ разнообразнымъ участіемъ подданныхъ въ управленіи; выработала юридическую систему судовъ, непричастныхъ интересамъ подсудимыхъ; выработала методическое подготовленіе къ научнымъ работамъ, независимое отъ авторитета главы семейства; выработала образцы искуства, сдѣлавшіе художественную дѣятельность достояніемъ лишь особенно одаренныхъ личностей; выработала (и выработываетъ еще) пе-

дагогическую систему воспитанія молодаго поколѣнія, лишь тѣми изъ взрослыхъ личностей, которыя подготовились къ этому надлежащимъ образомъ умственно и нравственно.

По мѣрѣ того, какъ число атрибутовъ главы семьи ограничивалось, мысль имѣла подъ собою лучшую культурную почву и для борьбы противъ ложной идеализаціи въ этой сферѣ. Панегирику семьи противополагалась ея сатира. Скептицизмъ и циническія нападки колебали ея святыню. Законъ ограждалъ членовъ семьи отъ деспотизма ихъ главы и допускалъ разводъ. Общественное мнѣніе искало другихъ идеаловъ. Параллельно съ этимъ на почвѣ науки и справедливости, критическая мысль боролась съ аскетизмомъ, отрицавшимъ половое влеченіе вообще. Физіологія доказывала неестественность аскетизма, политическая экономія доказывала его раззорительность для общества, исторія доказывала призрачность его преданій и его несостоятельность въ проведеніи собственнаго идеала.

Въ замѣнъ этихъ ложныхъ идеаловъ, блѣднѣющихъ подъ ударами критики мысли, настоящая идеализація половыхъ влеченій шла именно указаннымъ выше путемъ: требованіемъ искренности. Какъ физіологическое влеченіе, это былъ неотрицаемый, естественный фактъ. Онъ дѣлался человѣчнымъ, какъ свободный выборъ. Съ давнихъ временъ этотъ выборъ идеализированъ эстетически, какъ выборъ во имя любви къ красотѣ. Прогрессъ идеализаціи заключается лишь въ томъ, что красота или привлекательность обратились, по мѣрѣ работы мысли, лишь въ поводъ къ выбору, а его настоящею основою стало умственное и нравственное до-

стоинство. Идеализація любви, независимо отъ семейной связи и на зло аскетизму, — воспѣвалась также давно, какъ сохранились слѣды человѣческаго слова; но она постоянно звучала чѣмъ-то ложнымъ, когда рядомъ съ пѣснями Саади, трубадуровъ, миннезингеровъ, рядомъ съ мадригалами XVII и XVIII вѣковъ, съ лирическими изліяніями современниковъ Шиллера, существовали культурныя привычки гаремной жизни, браковъ по волѣ сюзерена, по волѣ родителей, по торговымъ разсчетамъ, и когда бракъ и любовь одинаково вызывали представленія вѣчной обязательности. Пока женщина стояла ниже мужчины и по культурнымъ привычкамъ, и по развитію мысли, до тѣхъ поръ нравственные идеалы оставались различны для любящихъ, и слѣдовательно идеализація взаимнаго влеченія не представляла слѣда равноправности. Женщина стремилась найти въ мужчинѣ нравственный идеалъ силы ума и энергіи характера, общественнаго вліянія и гражданской дѣятельности, но этотъ идеалъ былъ для нея не *идеаломъ*, а *идоломъ*, потому что сама она отказывалась отъ его осуществленія въ жизни. Мужчина искалъ въ женщинѣ *только* эстетическій идеалъ красоты и граціи, считая этотъ самый идеалъ унизительнымъ для себя, и допуская въ *себѣ* даже грубость формъ, какъ элементъ достоинства. Поэтому, со стороны женщины, не могло быть и рѣчи о правильной идеализаціи половаго влеченія. Осужденная на поклоненіе идолу, заключавшему, впрочемъ, *правомѣрное* влеченіе къ нравственной силѣ, она несла въ этомъ случаѣ весь гнетъ *обязательныхъ* культурныхъ формъ семьи. Вся работа мысли въ процессѣ идеализаціи путемъ *правомѣрнаго* влеченія къ

красотѣ, приходилась на выгоду мужчинѣ, которому культура присвоила право *свободнаго выбора.* Настоящая идеализація взаимной любви возможна лишь съ того времени, когда женщина вызываетъ къ себѣ уваженіе во имя того же самаго идеала нравственнаго достоинства, который поставленъ и для мужчины. Тогда союзъ любви представляется обоюднымъ свободнымъ выборомъ двухъ существъ взаимно привлеченныхъ физіологически и сближающихся потому, что каждый уважаетъ въ другомъ человѣческое достоинство въ его всестороннемъ проявленіи. Физіологическое влеченіе остается правомѣрною основою сближенія личностей, но оно подвергается законной и человѣчной идеализаціи; союзъ личностей упрочивается тѣмъ, что, стремясь къ одинаковымъ нравственнымъ идеаламъ, они своимъ союзомъ взаимно совершенствуютъ и развиваютъ другъ друга Это самое обращаетъ случайное влеченіе въ прочное нравственное сближеніе, не навязанное извнѣ, не обязательное во имя культурныхъ привычекъ и преданій, но выработанное самими личностями. Внѣшняя обязательность перестаетъ имѣть какое либо значеніе предъ болѣе крѣпкою связью. Взаимное уваженіе дѣлаетъ связь святынею, причемъ свобода отношеній устраняетъ всякое лицемѣріе, а взаимное довѣріе дѣлаетъ соединяющіяся личности наиболѣе способными къ взаимной помощи и въ экономической борьбѣ, и въ работѣ мысли, и въ общественномъ дѣлѣ, и въ педагогическихъ обязанностяхъ къ растущему поколѣнію. Такимъ образомъ, искреннее отношеніе къ естественному влеченію, устраняя призрачныя и лживыя культурныя формы, ставитъ предъ семьею новый идеалъ, выработанный мыслію,

идеалъ имѣющій всѣ достоинства прежнихъ идеаловъ семьи, но охраняющій въ высшей мѣрѣ ея прочность, такъ какъ онъ опирается на научныя данныя, на требованія справеоливости, на достоинство человѣческой личности.

Возьмемъ другую потребность, проявившуюся на первыхъ шагахъ человѣческой культуры—потребность экономическаго обезпеченія, которая создала разнообразныя формы: собственности, наслѣдственности, пользованія, экономическаго союза между капиталомъ и трудомъ, и т. д. При низкомъ развитіи обществъ, возможность заработка для личности была мало обезпечена. Сегодня охота, грабежъ, удобныя условія погоды давали возможность человѣку пріобрѣсти много, но затѣмъ эта добыча могла долго не повториться. А жить надо было не только сегодня, но и завтра, и послѣ завтра. Кромѣ того, въ семьѣ были старики и дѣти, неспособные добыть себѣ пищу. Надо было подумать объ ихъ обезпеченіи. Самое простое и раціональное рѣшеніе заключалось въ томъ, чтобы въ удачный день запасаться излишкомъ на случай возможной неудачи другихъ дней. Ловкій охотникъ, счастливый грабитель присвоивалъ себѣ все, что могъ захватить, для обезпеченія на будущее время себя и своей семьи. Вещь, имъ захваченная, становилась его исключительною монопольною собственностью даже когда, когда ни онъ, ни семья ею воспользоваться не могли. Дѣти становились тоже монопольными собственниками того, что было добыто отцомъ, и это имѣло мѣсто даже въ томъ случаѣ, когда они могли бы и сами добывать себѣ пропитаніе. Пока общество стояло на такой низкой ступени, что никто не могъ ручаться

за нѣсколько дней впередъ за огражденіе отъ голодной смерти — то подобная монополизація капиталовъ личностью, далеко за предѣлы ближайшихъ потребностей, была почти неизбѣжна. Каждому приходилось отстаивать себя и своихъ близкихъ всѣми средствами. Общество людей стояло ни сколько не выше общества животныхъ, и борьба за существованіе была для него почти единственнымъ, по крайней мѣрѣ, преобладающимъ закономъ. Но положеніе общества стало улучшаться; скотоводство и земледѣліе дошли до той степени, гдѣ вѣроятность обезпеченія на нѣкоторый періодъ будущаго превысила вѣроятность гибели отъ всевозможныхъ случайностей. Монополизація *всего* захваченнаго или унаслѣдованнаго потеряла значеніе необходимости, оправдывавшей ее въ болѣе тяжелое время. Тѣмъ не менѣе, потерявъ свой законный смыслъ, она осталась преданіемъ, восходившимъ въ незапамятныя времена, культурною привычкою, которая повела, — при помощи улучшенной техники, при помощи труда невольниковъ и наемщиковъ, при помощи усовершенствованныхъ способовъ хищничества, — къ монополизаціи громадныхъ капиталовъ въ рукахъ одного лица, одной семьи, одного сословія, одного кружка лицъ. Отсюда форма экономическаго строя общества, какъ меньшинства наслѣдственныхъ собственниковъ, окруженныхъ большинствомъ рабовъ, наемниковъ и нищихъ.—И здѣсь мы видимъ поэтическую, религіозную, метафизическую идеализацію этого строя. Богатство, роскошь, хищничество, завоеванія, наслѣдственная аристократія, жирная буржуазія имѣли своихъ пѣвцовъ, своихъ теоретиковъ-хвалителей, свои заповѣди для ихъ охраны и свои *Te Deum*, ихъ прославлявшія. Точно также

и здѣсь аскетизмъ отрицалъ всякое имущество, всякій экономическій трудъ, и развивалъ паразитизмъ нищенства. Критикѣ мысли здѣсь предшествовало и помогало естественное развитіе условій подобнаго строя. Привычка хищничества и монополизаціи, перенесенная изъ болѣе дикаго строя въ общество болѣе цивилизованное, должна была перенести и элементы образа жизни первобытныхъ дикихъ: борьбу всѣхъ противу всѣхъ и непрочность того самаго, что старались обезпечить съ такими усиліями. Аристократія собственниковъ хирѣла физически и нравственно. Личныя и семейныя привязанности раздробляли имущество, а члены семьи тратили въ безумномъ мотовствѣ богатства, накопленныя хищничествомъ, крали другъ у друга и губили другъ друга чтобы *себѣ* доставить болѣе жирный кусокъ. Государство захватывало, на сколько могло, святыню частной собственности. Голодные наемники и нищіе расхищали, что могли. Строй общества становился столь шатокъ, что энергическій толчокъ извнѣ или взрывъ внутри уносилъ блестящую цивилизацію меньшинства. Кромѣ того, взаимная борьба собственниковъ губила ихъ одного за другимъ. Въ послѣдніе періоды монополистамъ собственникамъ для упроченія общественнаго строя приходится жертвовать все бо̀льшую и бо̀льшую долю своего имущества на войско, на полицію, на тюрьмы, на бѣдныхъ, на случайности экономическихъ кризисовъ и т. п. Въ виду этихъ фактовъ исторіи, развивается экономическая критика и одинаково поражаетъ роскошествующихъ монополизаторовъ и паразитствующихъ аскетовъ. Критическая мысль организуетъ борьбу ассоціаціоннаго труда противу монопольнаго капитала и ста-

вить новый экономическій идеалъ. Она признаетъ потребность экономическаго обезпеченія, но требуетъ такого строя общества, гдѣ личность была бы обезпечена, не бывъ въ то же время поставлена въ необходимость монополизировать капиталъ, превышающій ея ближайшія потребности. Идеализація, соотвѣтственная потребности, и здѣсь не нова. Это — идеализація труда. Но прежде трудъ идеализировался, какъ смиренное орудіе капитала, какъ подчиненіе, лежащее въ законахъ міра, въ уставахъ Провидѣнія, какъ мистическое наказаніе за грѣхъ праотца. Новѣйшее время ставитъ предъ работникомъ другой идеалъ. Это — борьба производительнаго полезнаго труда противу незаработаннаго капитала; это—трудъ, обезпечивающій работника, завоевывающій ему человѣчное развитіе, политическое значеніе; это — трудъ, пользующійся всѣми удобствами и даже роскошью жизни, не имѣя нужды прибѣгать къ средству первобытныхъ дикихъ, къ монополизаціи капитала личностью, потому что удобства и роскошь жизни становятся доступны всѣмъ.

Отъ элементарныхъ потребностей, разсмотрѣнныхъ нами въ ихъ призрачной и въ ихъ истинной идеализаціи, перейдемъ къ болѣе сложнымъ началамъ, выработаннымъ исторіею человѣка.

ПИСЬМО ОДИНАДЦАТОЕ.

Національности въ исторіи.

Многоразличныя условія мѣстности, климата, историческихъ обстоятельствъ сближаютъ въ продолженіе длиннаго періода потомства семей разнаго происхожденія. Бо̀льшею частью вся группа усвоиваетъ одинъ и тотъ же языкъ, разнящійся лишь оттѣнками нарѣчій, усвоиваетъ болѣе или менѣе сходныя психическія наклонности, нѣкоторыя сходныя привычки и преданія; исторія выдѣляетъ образовавшуюся такимъ образомъ группу отъ другихъ подобныхъ же группъ при исчезаніи переходныхъ ступеней; образуется историческій продуктъ нарожденія и культуры, особая *національность*. Какъ только она обособилась, для нея начинается, какъ для всего живаго, борьба за существованіе, и ея послѣдовательныя поколѣнія передаютъ одно другому весьма простое стремленіе: защищай свое существованіе, сколько можешь; распространяй свое вліяніе и подчиняй себѣ все окружающее сколько можешь; поѣдай другія націо-

нальности физически, политически или умственно, сколько можешь. Чѣмъ энергичнѣе національность, тѣмъ лучше она проводитъ первое требованіе. Чѣмъ она человѣчнѣе, тѣмъ болѣе теряетъ значеніе для нея послѣднее. Историческая же роль ея опредѣляется вторымъ.

Какъ продуктъ природы и исторіи, національность есть начало совершенно правомѣрное, но призрачная идеализація не замедлила обработать по своему и этотъ *великій принципъ*. Такъ какъ неизбѣжно та или другая національность въ данный моментъ исторіи являлась реальнымъ представителемъ прогрессивнаго движенія человѣчества, то явилась теорія отождествленія различныхъ общественныхъ *идей*, выработанныхъ общечеловѣческою мыслію, съ различными національностями. Такъ какъ бо́льшая часть исторіи національностей прошла во взаимной рѣзнѣ и во взаимномъ поѣданіи, то явилось ученіе ложнаго патріотизма, ученіе, по которому гражданинъ ставилъ себѣ въ достоинство желаніе чтобы его національность поѣла всѣ прочія. Такъ какъ въ политической исторіи принципъ національностей игралъ немаловажную роль, то явилась политическая теорія раздѣленія земли на государственныя территоріи по національностямъ.

Присмотримся къ этимъ теоріямъ.

Не разъ случается встрѣтить въ историческихъ сочиненіяхъ и разсужденіяхъ мысль, что та или другая національность есть главный дѣятель прогресса въ данномъ отношеніи; что она проводитъ опредѣленную идею въ общемъ движеніи человѣчества впередъ; что съ ея побѣдою связано развитіе человѣчества, съ ея гибелью— его застой или долгая остановка на пути прогресса.

Есть даже историки-мыслители — и въ числѣ ихъ умы весьма замѣчательные,—которые отождествляютъ общее историческое значеніе главныхъ національностей съ различными идеями человѣческаго разума, или съ различными психическими явленіями личнаго духа. Какой раціональный смыслъ можно придать этимъ историческимъ построеніямъ?

Если понять это, какъ историческій фактъ что въ данную эпоху руководящія личности опредѣленной національности, замѣчательнѣйшія явленія въ литературѣ и въ жизни этой національности, имѣли ту общую имъ всѣмъ характеристику, что личности были проникнуты одною господствующею идеею, а литература и жизнь служили ей выраженіемъ; если, однимъ словомъ, видѣть въ идеѣ данной національности обобщающую формулу для одного фазиса ея цивилизаціи, — то можно согласиться съ предшествующими выраженіями и признать за ними немаловажное историческое значеніе. Дѣйствительно, въ каждую эпоху цивилизація нѣсколько развитаго общества имѣетъ свои характеристическія черты, свои руководящія идеи, и чѣмъ общественныя формы лучше способствуютъ всестороннему развитію личности, чѣмъ здоровѣе общество; чѣмъ болѣе цѣлости въ его цивилизаціи, тѣмъ полнѣе и опредѣлительнѣе выражаетъ эта цивилизація свою идею. Понятно, что въ подобномъ случаѣ цивилизація данной національности вліяетъ, какъ идеальный центръ, на другія современныя ей національности, и на послѣдующіе періоды человѣчества, и это вліяніе тѣмъ прогрессивнѣе, чѣмъ сама руководящая идея данной національности, въ разсматриваемую эпоху, болѣе способствуетъ развитію лич-

ностей, и внесенію справедливости въ формы общественной жизни. На сколько послѣднее условіе выполнено, на столько и можно сказать, что данная національность въ разсматриваемую эпоху, есть представитель прогресса, что съ ея историческою судьбою связанъ или успѣхъ человѣчества или его остановка на пути развитія.

Но, обыкновенно, подразумѣваютъ подъ національною идеею нѣчто большее. Полагаютъ, что эта идея не ограничивается опредѣленною эпохою, но связываетъ всѣ эпохи національной жизни, что она обобщаетъ всю исторію данной національности. Подобный фактъ можно себѣ представить слѣдующими тремя способами.

Или цивилизація опредѣленнаго строя вошла на столько въ привычки націи, что обратилась въ культуру, въ антропологическій признакъ, такъ что мысль личностей неспособна уже придумать улучшеній въ жизни общества, или немедленно подавляется общественными формами при самомъ своемъ возникновеніи; поколѣнія слѣдуютъ одно за другимъ, но формы жизни и руководящія идеи остаются однѣ и тѣ же; другими словами, господствуетъ полный застой и исторія общества обратилась въ зоологическое отправленіе.—Нѣсколько странно говорить о прогрессивности цивилизаціи, *подобнымъ* образомъ служащей воплощеніемъ идеѣ. Національности, дошедшія до такого состоянія, не имѣютъ уже вліянія на развитіе человѣчества. Побѣды имъ никто не желаетъ; о гибели ихъ никто не жалѣетъ; онѣ обречены на смерть, при столкновеніи съ чѣмъ либо живымъ, если не въ состояніи пробудить въ себѣ живыхъ элементовъ.

Или идею, руководящую всей исторіей данной національности, надо считать чѣмъ-то *прирожденнымъ* всѣмъ

личностямъ этой національности, антропологическимъ элементомъ, присущимъ строю ихъ мозга и обусловливающимъ развитіе всего ряда поколѣній, какъ бы ни были разнообразны различныя формы культуры для различныхъ поколѣній, какъ бы ни было широко развитіе мысли, или какъ бы ни были фантастичны ея уклоненія. Въ такомъ случаѣ, національность приходится разсматривать, какъ одно изъ видовыхъ различій человѣческаго рода, и нельзя не отожествить ее съ народностью, отыскивая причины общности мозговаго или психическаго строя личностей въ единствѣ ихъ происхожденія. Иначе, съ этой точки зрѣнія, національная идея существуетъ лишь въ національностяхъ, образовавшихся путемъ *нарожденія*; внѣ *единоплеменниковъ* она не мыслима.

Но гдѣ же такія историческія національности? Въ современной Европѣ одни нѣмцы могли бы претендовать на единоплеменность, такъ какъ, для всѣхъ другихъ націй, смѣшеніе племенъ есть историческій фактъ. Но и у нѣмцевъ легко видѣть разноплеменность; для этого стоитъ только заглянуть хоть въ извѣстное сочиненіе Риля: „Land und Leute.“ Въ древней исторіи Римъ представляетъ смѣшанную націю. О Греціи многіе ученые предполагаютъ тоже самое на основаніи весьма вѣроятныхъ данныхъ. Персидская цивилизація была собственно мидоперсидскою. Къ болѣе же древнимъ эпохамъ лучше не обращаться, потому что наукѣ тамъ не за что ухватиться для полученія сколько нибудь основательныхъ выводовъ. Если же ни для одной исторической національности нельзя считать вѣроятнымъ единство проис-

хожденія, то и предложенное пониманіе національной идеи мѣста не имѣетъ.

Наконецъ можно себѣ представить дѣло такъ. Личности одного племени или разныхъ племенъ, подъ вліяніемъ одинаковыхъ климатическихъ, почвенныхъ, экономическихъ и культурныхъ условій, вырабатываютъ нѣкоторыя общія психическія наклонности, при большомъ разнообразіи во всемъ остальномъ. Эти психическія наклонности, общія для всѣхъ, и составляютъ національное обособленіе, какимъ бы путемъ онѣ ни получались. Пока ихъ нѣтъ, и націи нѣтъ; какъ только онѣ получились, то ихъ можно формулировать въ особенной идеѣ, которая непрерывно проявляется во всей послѣдующей жизни національности. По мѣрѣ вліянія послѣдней на исторію человѣчества, входитъ въ эту исторію и соотвѣтственная идея. Торжество и гибель національности вызываютъ возвышеніе или ослабленіе и ея идеи. Первыя положенія этого построенія допустить, конечно, можно, и теперь нѣкоторые мыслители уже поставили себѣ задачею изслѣдовать явленія психологіи народовъ. Но дѣло въ томъ, на сколько можно признать въ обособляющихъ національныхъ наклонностяхъ нѣчто прогрессивное, принимая ихъ въ то же время за постоянный элементъ.

Если бы сравненіе между жизнью личности и жизнью національности имѣло какое нибудь значеніе, кромѣ внѣшняго уподобленія двухъ различныхъ процессовъ, то можно было бы признать, что единству въ жизни мыслящаго человѣка соотвѣтствуетъ единство въ жизни исторической національности. Есть минуты, когда личность осмысливаетъ свое существованіе, взвѣшиваетъ

свои силы, проникается опредѣленнымъ убѣжденіемъ, ставитъ себѣ общую цѣль жизни и живетъ сообразно этой цѣли, отклоняясь иногда отъ нея вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній или внутреннихъ увлеченій, но находя въ этой цѣли единство и смыслъ всего процесса своего развитія. Если бы для общества могла существовать аналогія этому явленію, то можно было бы себѣ представить, что въ извѣстную эпоху пробуждается національное сознаніе, что оно составляетъ сознанную цѣль національнаго развитія, что къ этой цѣли стремятся личности, передавая свои стремленія и традицію сознанной національной цѣли потомкамъ, которые, такимъ образомъ, преслѣдуютъ ту же цѣль въ новомъ фазисѣ, проникнутые тою же идеею, и такъ дѣло идетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, пока не истощится сила развитія въ національности, какъ она истощается въ личности при старѣніи, или пока историческая катастрофа не разобьетъ національность, какъ болѣзнь или насиліе убиваютъ личность. Но подобное сравненіе — фантазія. Общаго между жизнью личности и націи лишь то, что для каждой изъ разрушенныхъ національностей была въ исторіи минута появленія на историческую сцену, періодъ историческаго существованія, эпоха жизни и эпоха агоніи. Далѣе—все различно. Для личности физіологъ укажетъ, какимъ образомъ тѣ же самые процессы, которые развиваютъ зародышъ въ младенцѣ, развиваютъ и младенца въ зрѣлое существо, а потомъ приводятъ старика къ неизбѣжной смерти. Для общества всѣ попытки, до сихъ поръ сдѣланныя, дать что либо похожее на подобное объясненіе—должны быть признаны не научными. Кромѣ того, въ исторической жизни обще-

ства повторяются иногда по нѣскольку разъ явленія, которыя, при строгой аналогіи, надо бы признать эпохами молодости и старѣнія, Что касается до смерти историческихъ обществъ, то естественной смерти ихъ исторія не знаетъ, а знаетъ лишь рядъ убійствъ однѣхъ національностей другими, такъ что даже вопросъ о томъ: можетъ ли историческая національность умереть естественнымъ путемъ?—нельзя считать рѣшеннымъ. Слѣдовательно, національности справедливѣе было бы сравнить съ личностью, которая рождается, нѣсколько разъ молодѣетъ и старѣетъ, и большею частью, подвергается случайности быть убитою при удобномъ случаѣ. Подобная личность принадлежитъ области фантазіи.

Еще болѣе фантастично допущеніе передачи національной идеи отъ одного поколѣнія другому, какъ сознанной традиціи. Никто, никогда, ни для какой исторической національности не указалъ даже тѣни сознанной традиціи какой-либо идеи, подтвердивъ свое указаніе чѣмъ либо похожимъ на научный фактъ. Поколѣнія данной національности, какъ мы видѣли въ началѣ этого письма, передаютъ другъ другу лишь одно, весьма неидеальное стремленіе. Его требованія общи всѣмъ національностямъ, и никакой *идеи* въ себѣ не заключаютъ Это ничто иное, какъ естественная борьба за существованіе; начала эти руководили звѣрей, руководили людей въ ихъ столкновеніи со звѣрями, руководили первобытныхъ людей въ ихъ столкновеніи между собою, и руководятъ теперь національности въ ихъ столкновеніяхъ. Прогрессивнаго въ этихъ началахъ нѣтъ ничего. Конечно, безъ борьбы между личностями не было бы слѣдующаго прогресса; безъ борьбы между националь-

ностями обобщался бы и распространялся успѣхъ цивилизаціи; но необходимыя условія для начала прогресса не суть еще прогрессъ, и традиція борьбы между національностями только *предшествуетъ* пониманію ихъ справедливыхъ отношеній между собою, пониманію, съ которымъ борьба прекращается, и начинается общій прогрессъ націй.

Внѣ *сознанной* традиціи національной идеи остается допустить *безсознательную* передачу отъ одного поколѣнія къ другому нѣкотораго постояннаго идеальнаго стремленія. Но есть ли возможность доказать фактически подобное стремленіе? Возьмемъ для примѣра двѣ безспорно-историческія національности, изъ которыхъ относительно первой даже есть возможность допустить единоплеменность, хотя древность появленія этой національности не позволяетъ совершенно-научнаго рѣшенія вопроса.

Евреи, не смотря на свою малочисленность, играли историческую роль въ древности: они играли также историческую роль въ средневѣковой Европѣ; они и въ наше время не лишены историческаго значенія, такъ что нѣкоторые писатели связывали революціонныя потрясенія Германіи въ концѣ сороковыхъ годовъ съ вліяніемъ на германское общество многочисленныхъ евреевъ, живущихъ въ его средѣ. Неужели на минуту можно допустить, что одну и ту же идею представляли въ исторіи пророки временъ перваго паденія Іерусалима, средневѣковые каббалисты, талмудисты и переводчики Авероэса, и современники Гейне, Ротшильда и Мейербера? Между тѣмъ, едва-ли есть національность, гдѣ обособленіе и сила традиціи были значительнѣе, чѣмъ у евреевъ.

Для другаго примѣра, возьмемъ Францію, и здѣсь, для

удобства, будемъ искать хотя бы нѣкоторыя черты, выступающія на видъ въ ея исторіи. Конечно, за послѣднее время подобною чертою можно было бы по видимому признать наклонность къ административной централизаціи. Въ этомъ сходились конвентъ, доктринеры и Наполеонъ III; политическіе дѣятели централизировали управленіе; профессора университета централизировали преподаваніе; Огюстъ Контъ, помощью своей позитивной религіи, хотѣлъ централизировать всѣ проявленія мысли и жизни. Если черта, общая столь различнымъ партіямъ новѣйшаго періода, не есть элементъ „національной идеи", то едва-ли мы найдемъ что-либо болѣе характеристичное! Но кто же искалъ когда-либо этой черты въ феодальной Франціи? А нельзя же не отнести обособленіе французской національности къ эпохѣ феодализма. Возьмемъ нѣсколько моментовъ безспорнаго вліянія французской литературы на Европу. Въ XII-мъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ средневѣковую французскую эпоху, которой подражали повсюду; схоласты парижскаго университета въ XIII-мъ и XIV-мъ вѣкахъ были учителями Европы; придворные стихотворцы XVII-го вѣка опять нашли подражателей; энциклопедія XVIII-го вѣка въ свою очередь господствовала надъ европейскою мыслію. Сравнимъ эти четыре эпохи; прибавимъ, пожалуй, менѣе вліятельную эпоху новаго французскаго романтизма и эклектизма. Какую общую идею мы найдемъ во всѣхъ этихъ фазисахъ французской мысли, вліявшихъ болѣе или менѣе на развитіе человѣчества? Если отказаться отъ совершенно искуственныхъ натяжекъ, то придется отказаться и отъ всякой идеи, общей всему историческому ходу французской мысли. Тоже самое можно ска-

зать и о какихъ бы то ни было другихъ замѣтныхъ чертахъ какъ для Франціи, такъ и для другихъ національностей. Общей идеи, проникающей всю исторію какой либо-націи, вовсе не оказывается.

Такимъ образомъ, кажется, можно признать за національною идеею лишь значеніе *временной* обобщающей формулы для цивилизаціи нѣкоторой народности или нѣкотораго государства. На основаніи общихъ психическихъ наклонностей и событій исторіи — данная національность,—въ нѣкоторую эпоху своего существованія,— *можетъ* сдѣлаться, по характеру своей цивилизаціи, замѣтнымъ представителемъ той или другой идеи, и, слѣдовательнс, во имя этой идеи, можетъ занять опредѣленное мѣсто въ ряду прогрессивныхъ или реакціонныхъ дѣятелей въ нѣкоторый періодъ исторіи человѣчества.

Разрушивъ ложную идеализацію отожествленія идей съ національностями, критика должна перейти къ истинной идеализаціи этого начала. Именно мы видѣли, что національность не есть, *по самой сущности* своей, представитель прогрессивной идеи, органъ прогресса, но можетъ лишь имъ сдѣлаться. Въ такомъ случаѣ истинная идеализація принципа національности должна заключаться въ указаніи, какимъ путемъ эта *возможность* осуществима.

На основаніи сказаннаго въ девятомъ письмѣ, мы легко заключимъ, что какова бы ни была идея, проникающая цивилизацію данной національности въ данную эпоху, но, если національность останется слишкомъ долго представительницею одной и той же идеи, то неизбѣжно перейдетъ изъ прогрессивныхъ дѣятелей въ реакціонные или наоборотъ, потому что ни за одной идеей

нельзя признать монополіи быть вѣчно прогрессивной. Съ другой стороны, мы теперь замѣтили, что одна и та же національность, въ теченіи своей исторіи, можетъ дѣлаться поочередно представительницею разныхъ идей. Иногда она станетъ во главѣ движенія за идею прогрессивную; въ другой періодъ на ея знамени будетъ написана другая идея, самымъ реакціоннымъ образомъ вліяющая на человѣчество.

Отсюда выходитъ, что и упорно держась однажды усвоенной идеи, и мѣняя свои руководящія начала, данная національность можетъ не остаться прогрессивнымъ дѣятелемъ. Консерватизмъ и революція въ сферѣ мысли одинаково не представляютъ еще сами по себѣ ручательства въ прогрессѣ. Чтобы остаться въ исторіи съ ролью прогрессивнаго дѣятеля, національность, однажды получившая подобное значеніе, должна держаться своей руководящей идеи до поры до времени, постоянно подвергая повѣркѣ новыхъ обстоятельствъ, новыхъ требованій, новой мысли, вопросъ, на сколько ея идея остается прогрессивною. Мѣняя руководящую идею, съ тою же цѣлью, національность должна опять-таки лишь изъ критики современныхъ требованій, современной мысли, черпать начала, которыя должна во имя прогресса написать на своемъ знамени, какъ обѣщающія наилучшее развитіе для личностей, наиполнѣйшее расширеніе справедливости въ общественныхъ формахъ.

Отсюда же слѣдуетъ, что всякая національность можетъ, при счастливыхъ обстоятельствахъ, сдѣлаться историческимъ прогрессивнымъ двигателемъ. Чѣмъ лучше она пойметъ современныя требованія человѣчества, чѣмъ полнѣе воплотитъ ихъ въ формахъ своей культуры и въ

заявленіяхъ своей мысли, тѣмъ вѣроятнѣе будетъ для нея достиженіе этого историческаго положенія. Конечно, при этомъ необходимо существованіе въ общественномъ строѣ нѣкоторыхъ условій, о которыхъ я говорилъ въ третьемъ письмѣ: надо, чтобы общественная среда дозволяла и поощряла развитіе самостоятельнаго убѣжденія въ личностяхъ; надо, чтобы для ученаго и мыслителя существовала возможность высказать положенія, считаемыя имъ за выраженіе истины и справедливости; надо, чтобы общественныя формы допускали измѣненіе, лишь только окажется, что онѣ перестали служить выраженіемъ науки и справедливости. Внѣ этихъ условій, прогрессивное историческое значеніе національности есть совершенная случайность, такъ какъ національность сама по себѣ есть абстрактъ, и о ней можно говорить лишь метафорически, что она *понимаетъ* или *воплощаетъ* что-либо. Въ сущности, понимать и воплощать могутъ только личности, которыя, какъ и было сказано въ предыдущихъ письмахъ, суть единственные дѣятели прогресса. Онѣ лишь могутъ сдѣлать національность, къ которой принадлежатъ, прогрессивнымъ элементомъ человѣчества, или придать ей реакціонный характеръ.

Поэтому, настоящій патріотизмъ для личности заключается въ осмысленіи естественныхъ требованій своей націи критическимъ пониманіемъ требованій обще-человѣческаго прогресса. Выше я указалъ три естественныя стремленія національности, но значеніе ихъ предъ раціональною критикою различно.

Требованіе поддержать свою національность, какъ самостоятельную и обособленную единицу, вполнѣ законно, такъ какъ оно соотвѣтствуетъ стремленію, чтобы идеи,

въ которыя человѣкъ вѣруетъ, языкъ, которымъ онъ говоритъ, жизненныя цѣли, которыя онъ себѣ ставитъ, вошли живымъ элементомъ въ будущее и переродились бы, но не вымерли. Отказаться отъ поддержанія своей національности имѣетъ право лишь тотъ, кто убѣдился, что національность его заключила въ себѣ нераздѣльнымъ элементомъ начало застоя или реакціи и отъ него отдѣлаться не можетъ. Но какая же національность не можетъ этого сдѣлать?

Стремленіе поѣдать чужія національности, уничтожая ихъ особенности, есть фактъ антипрогрессивный. Человѣкъ, ставящій подобный идеалъ, имѣетъ столь же мало правъ на названіе патріота, какъ человѣкъ, проповѣдующій пользу уподобленія общественной человѣческой культуры нравамъ стаи волковъ или стада барановъ, не имѣетъ права на названіе человѣчнаго мыслителя. Подобные патріоты оскверняютъ собою знамя національности и стремятся, сознательно или безсознательно, унизить свой родной народъ, налагая на него пятно звѣрства, мѣшая ему войти въ число прогрессивныхъ дѣятелей. Такимъ патріотомъ былъ Катонъ цензоръ со своимъ знаменитымъ припѣвомъ: „Карѳагенъ надо разрушить!“ и послѣдующая исторія Рима доказала, какъ мало выиграли нравственно и политически римскіе граждане въ своемъ большинствѣ отъ разрушенія Карѳагена; какъ скоро послѣ этого продажность римлянъ удивила даже Югурту, а гражданское ихъ сознаніе выразилось въ рядѣ уличныхъ междоусобій, кровавыхъ проскрипцій и въ цезаризмѣ. Органомъ подобнаго же патріотизма въ Россіи стали въ наше время «Московскія Вѣдомости». Какъ

отрицаніе прогресса, стремленіе однѣхъ національностей поѣдать другія есть отрицаніе и настоящаго патріотизма.

Внесите въ мысль вашей національности наиболѣе истины; внесите въ строй ея общественныхъ формъ наиболѣе справедливости; тогда она можетъ безбоязненно стать рядомъ съ другими національностями, мысль которыхъ заключаетъ менѣе истиннаго содержанія, формы общественности которыхъ менѣе проникнуты справедливостью. Она будетъ вліять на нихъ, она подчинитъ ихъ себѣ нравственно, не имѣя нужды поѣдать ихъ, т. е. лишать исторической жизни. Подобнаго вліянія, подобнаго подчиненія въ правѣ желать всякій настоящій патріотъ; къ подобному значенію своего отечества онъ имѣетъ раціональное право стремиться; этому историческому господству своей національности надъ другими онъ имѣетъ право содѣйствовать всѣми силами, потому что онъ содѣйствуетъ этимъ и прогрессу. Прогрессъ есть не безличный процессъ. Кто-нибудь долженъ быть его органомъ. Какая-нибудь національность должна прежде другихъ и можетъ лучше, полнѣе другихъ стать представителемъ прогресса въ данную эпоху. Настоящій патріотъ можетъ и долженъ желать, чтобы эта была *его* національность; чтобы, такимъ образомъ, онъ содѣйствовалъ этому историческому ея значенію. Раціональный патріотизмъ заключается въ стремленіи сдѣлать свою національность самымъ вліятельнымъ дѣятелемъ человѣческаго прогресса.

Для этого настоящій патріотъ стремится сперва къ доставленію своему отечеству тѣхъ условій общественнаго строя, безъ которыхъ невѣроятно прогрессивное развитіе общества и о которыхъ сказано выше; затѣмъ

онъ стремится наилучше понять современныя задачи науки и справедливости; наконецъ онъ стремится сдѣлать свое отечество высшимъ представителемъ науки и справедливости между современными націями. Внѣ этихъ стремленій патріотизма нѣтъ, а есть только маска его, надѣваемая тупыми болтунами, себялюбивыми публицистами, или разсчетливыми эксплуататорами животныхъ страстей человѣчества.

Если бы при этомъ не происходило столкновенія національностей—во имя случайныхъ интересовъ ихъ правителей, или во имя животнаго начала взаимнаго поѣданія,—то на этомъ и остановился бы вопросъ о значеніи національнаго элемента въ прогрессѣ. Но сейчасъ указанныя обстоятельства придаютъ историческое значеніе прочности и матеріальной силѣ національной организаціи. Національный вопросъ на практикѣ вызываетъ вопросъ государственный.

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

Договоръ и законъ.

Много спорили о томъ, служитъ ли договоръ основаніемъ государству или государство ему предшествуетъ. Много смѣялась историческая школа надъ теоретиками, которые представляли себѣ, какимъ образомъ полузвѣри, не имѣвшіе никакого сношенія между собою, вдругъ придумали: намъ лучше будетъ составить договоръ и жить въ государствѣ; давайте сдѣлаемъ такъ. Сошлись: вступили въ пренія, какъ лучше быть; рѣшили; и стали государствомъ. Ясно какъ день, доказывала историческая школа, что подобный сознательный договоръ предполагаетъ уже все то, что изъ него должно было получиться, какъ слѣдствіе. Какъ это ни очевидно, но столь же ясно бросалась въ глаза характеристическая особенность государства: законное обязательство его членовъ — поддерживать его строй и понуждать къ тому же тѣхъ, которые не хотятъ исполнять этого обязательства добровольно. Слѣдовательно здѣсь предполагается дѣйстви-

тельный или фиктивный *договоръ*, связывающій всѣхъ членовъ государства. Выраженіемъ этому договору служитъ *законъ*. Эти два начала сами по себѣ имѣютъ столько важности и такъ часто подвергаются призрачной идеализаціи, что я нахожу лучшимъ разсмотрѣть ихъ сначала особо и потомъ уже перейти къ вопросу о государствѣ.

Одно изъ первыхъ и простѣйшихъ проявленій мысли есть забота о будущемъ. Ребяческій возрастъ кончается для личности, когда она начинаетъ обдумывать средства для обезпеченія себѣ лучшаго будущаго. Если дозволительно прилагать къ обществу весьма употребительное, но весьма неточное сравненіе развитій общественнаго съ личнымъ, то можно сказать, что ребяческій возрастъ общества кончается, когда между людьми устанавливается начало договора. Этимъ средствомъ люди стараются обезпечить себя заранѣе отъ случайностей. За измѣнчивой волей личности, за непредвидимымъ разсчетомъ лучшаго, удобнѣйшаго, полезнѣйшаго, который будетъ сдѣланъ *завтра*, за необходимостью прибѣгать къ силѣ или къ убѣжденію въ самую минуту нужды — встаетъ обязательство, болѣе или менѣе добровольно на себя принятое. Человѣкъ самъ связываетъ свое будущее. Договоръ охраняютъ грозные, невидимые боги карою въ этой жизни и въ грядущей. Его охраняетъ болѣе ощутительная кара закона. Его охраняетъ внутреннее самоуваженіе, честь человѣка, давшаго свое слово. Надо полагать, что это средство оказалось весьма дѣйствительнымъ, потому что для большинства общественныхъ формъ мыслители постарались реально или фиктивно примѣнить начало договора. Физіологическое

влеченіе двухъ влюбленныхъ подвели подъ это начало, точно также какъ отношеніе гражданъ къ государству; даже религіозную жизнь, почитаніе Іеговы, евреи нашли удобнымъ представить въ формѣ договора между богомъ евреевъ и народомъ, имъ избраннымъ.

Въ сущности договоръ есть принципъ *только* экономическій, такъ какъ чисто количественное сравненіе услугъ возможно лишь въ сферѣ, гдѣ есть математическія величины, а изъ общественныхъ явленій лишь экономическія нашли для себя мѣру въ цѣнностяхъ. Лишь то, что оцѣнимо и можетъ быть равноцѣнно; а гдѣ невозможно опредѣлить равенства, тамъ договоръ весьма фиктивенъ, потому что несправедливъ. Договоръ предполагаетъ въ себѣ услугу за другую равную услугу. Поэтому во всемъ, что оцѣнимо, онъ совершенно приложимъ. Обмѣнъ товара на товаръ, работы на цѣнность суть самые простые случаи, но и въ нихъ уже проявляется рядомъ съ прогрессивнымъ явленіемъ, явленіе регрессивное. И эти случаи допускаютъ эксплуатацію человѣка человѣкомъ, истощеніе силъ и средствъ одной личности въ пользу монополизаціи силъ и средствъ другою. Договоръ справедливъ при этомъ лишь тогда, когда обѣ личности—по своему пониманію относительной цѣнности товаровъ, труда и капитала — одинаково поставлены; когда обѣимъ одинаково нужно произвести обмѣнъ; когда обѣ одинаково честно къ нему относятся. Но подобный случай исключителенъ и когда онъ встрѣчается, едва ли есть надобность въ формальномъ договорѣ. На договоръ приходится смотрѣть, какъ на оружіе противъ обмана, притѣсненій. Но оружіе подобнаго рода нужно въ прогрессивномъ смыслѣ лишь для

обезпеченія слабаго противъ сильнаго, потому что сильный уже своею силою обезпеченъ отъ обмана и притѣсненія. Когда юристъ заключаетъ контрактъ съ человѣкомъ неопытнымъ въ законахъ, то не со стороны послѣдняго должно ждать внесеніе въ контрактъ выраженій, стѣсняющихъ впослѣдствіи контрагента непредвидѣннымъ пунктомъ закона. Когда капиталистъ-фабрикантъ вступаетъ въ условія съ пролетаріемъ работникомъ, то притѣсненіе можетъ имѣть мѣсто лишь со стороны капитала. Поэтому, договоръ является прогрессивнымъ началомъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ ограждаетъ слабѣйшаго отъ произвольнаго измѣненія цѣнности со стороны сильнѣйшаго. Когда болѣе умный, болѣе развитой, болѣе богатый человѣкъ заключаетъ договоръ съ менѣе умными, менѣе развитыми, менѣе богатыми, то нравственная обязательность договора должна лечь всею своею тяжестью на перваго. Второй могъ не понять, не оцѣнить условій имъ на себя принятыхъ, могъ не имѣть возможности отъ нихъ уклониться, и каждое подобное обстоятельство, уничтожая справедливость договора, подрываетъ и его нравственную силу. Исполненіе его можетъ быть важно въ глазахъ общества для поддержанія общественнаго порядка, государственнаго закона, священнаго обычая, но ни какъ не справедливости.

Еще болѣе договоръ выходитъ изъ предѣловъ условій прогрессивнаго развитія; именно требованія справедливости, когда съ одной стороны требуетъ услуги, не подлежащей вовсе оцѣнкѣ, или невознаградимой никакою цѣнностью. Первый случай представляется всюду, гдѣ экономическій элементъ не охватываетъ всей сферы

дѣятельности, входящей въ договоръ, или даже вовсе не касается этой дѣятельности. Второй случай имѣетъ мѣсто, когда договоръ распространяется на всю жизнь договаривающагося или на такую значительную часть ея, относительно которой никакой разсчетъ разсудка не можетъ предсказать всѣ возможныя комбинаціи обстоятельствъ. Здѣсь тотъ, кто обязывается оказать невознаградимую услугу, столь же не правъ, какъ и тотъ, кто принимаетъ подобное обязательство. Оно совершается подъ вліяніемъ фантастическихъ представленій: то, что я желаю сегодня, я буду желать и завтра; таковъ, каковъ я сегодня, такимъ я останусь и въ продолженіи всей моей жизни. Для экономическихъ обязательствъ подобный разсчетъ на далекое будущее не представляетъ непреодолимыхъ затрудненій. Мѣняется цѣнность услуги, но мѣняется и цѣнность денежныхъ единицъ, а для личности, входящей въ многочисленныя подобныя обязательства, потеря на одномъ уравновѣшивается выгодою на другомъ, что, вмѣстѣ съ огромнымъ экономическимъ значеніемъ услуги, оказанной въ надлежащее время, вознаграждаетъ часто за всякій рискъ. Но для услугъ, не подлежащихъ оцѣнкѣ, оно не такъ. Не имѣя единицъ объективныхъ, слѣдовательно не имѣя возможности быть замѣненными другими равноцѣнными, эти неоцѣнимыя услуги опираются, въ своемъ нравственномъ значеніи, только на внутреннее убѣжденіе личности. Нравственно лишь дѣйствіе, согласное съ убѣжденіемъ: развивающимъ элементомъ въ личности можно считать лишь дѣйствія, совершаемыя согласно убѣжденію; но договоръ можетъ требовать отъ меня дѣйствій, которыя были согласны съ моимъ

убѣжденіемъ, когда я подписывалъ договоръ, и стали не согласны, когда приходится его исполнить. Честность требуетъ исполненія договора; я его и исполню, но мое дѣйствіе дѣлается продажнымъ и лицемѣрнымъ. Оно продажно, потому что я имъ лишь покупаю себѣ право избавиться отъ чужаго и собственнаго укора въ нарушеніи обязательства; оно лицемѣрно, потому что при всѣхъ подобныхъ договорахъ предполагается невысказанное условіе, что я исполню обязательство *такъ же*, какъ его заключалъ, т. е. добровольно, а я его исполняю противъ воли. Скажутъ, что я могу избѣгнуть этого лицемѣрія, заявляя, что я принужденъ поневолѣ исполнить договоръ, но охотно исполнить его не могу, а въ такомъ случаѣ отвѣтственность за безнравственное дѣйствіе падаетъ на того, кто требуетъ исполненія договора, а не на меня. Это слѣдуетъ признать лишь фикціей. Конечно, можно и должно считать преступникомъ того, кто требуетъ исполненія не экономическаго обязательства, когда заявлено ему объ отсутствіи желанія исполнить это обязательство. Онъ требуетъ безнравственнаго и унизительнаго поступка, слѣдовательно, онъ самъ безнравственъ и низокъ. Но преступное дѣйствіе, совершаемое другимъ, нисколько не уменьшаетъ моей преступности, когда я знаю, что совершаю преступленіе, и все таки совершаю его; когда я знаю, что продаю вещь непродажную. Человѣкъ, возлагающій нравственную отвѣтственность, за собственныя дѣйствія на другаго, ставитъ самого себя на степень машины: лишь машина сама не отвѣчаетъ за свои дѣйствія. Но ставить себя на степень машины не менѣе унизительно, какъ и совершать продажу своего *я* по-

мощью дѣйствія, которое я совершаю на перекоръ убѣжденію. Здѣсь преступленіе уже заключено въ самомъ договорѣ. Всякій договоръ, требующій въ будущемъ услуги, въ самой сущности которой лежитъ условіе искренности и незамѣнимости, самъ по себѣ нравственно преступенъ. Лишь подъ вліяніемъ самообольщенія люди обязываются къ дружбѣ или любви въ нѣсколько отдаленномъ будущемъ, и къ поступкамъ, тому отвѣтствующимъ, когда предметъ ихъ сегодняшней дружбы или любви можетъ уже не заслуживать ни того, ни другаго, да и сами они могутъ измѣниться; поступки же, вызываемые дружбою и любовью, глубоко безнравственны, если совершаются безъ искренняго чувства, лишь вслѣдствіе обязательства. Точно также преступно принять на себя обязательство подчиняться чьимъ-либо распоряженіямъ, когда не знаешь вовсе, каковы будутъ эти распоряженія, когда не контролируешь ихъ и не имѣешь возможности вліять на нихъ.

Само собою разумѣется, что случай договора, заключаемаго на всю жизнь, или на неопредѣленно-далекое будущее, представляетъ эту же самую безнравственность, увеличенную еще во столько разъ, во сколько продолжительное повтореніе дурнаго дѣла хуже его одновременнаго совершенія. Послѣднее еще можетъ служить толчкомъ развитія человѣка, который пожелаетъ загладить полезною дѣятельностью безнравственный поступокъ, однажды совершенный. Но первое обращаетъ зло въ привычку, притупляетъ нравственную чувствительность человѣка и не только низводитъ его на степень машины, но ставитъ ему машинную дѣятельность, какъ идеалъ цѣлой жизни или части ея. Это примѣ-

нимо въ особенности къ обѣимъ областямъ, изъ которыхъ взяты предыдущіе примѣры. Рабство реальное и рабство нравственное суть естественныя формы подобнаго униженія человѣческаго достоинства. Общество, которое охватываетъ обязательнымъ договоромъ бо́льшую часть жизни личностей, тѣмъ болѣе вноситъ въ себя элементы реакціи и собственной гибели, чѣмъ тщательнѣе оно проникается регламентаціею.

Такимъ образомъ, договоръ, одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ общественной жизни, одинъ изъ самыхъ простыхъ, и повидимому, самыхъ благодѣтельныхъ, становится страшнымъ разъѣдающимъ зломъ, если онъ распространяется внѣ своей правомѣрной сферы. Есть періоды въ жизни общества, когда онъ составляетъ единственное спасеніе. Есть другіе, когда онъ становится самымъ тягостнымъ зломъ.

Молодой человѣкъ долженъ пережить эпоху; когда онъ пріучается разсчитывать свое настоящее въ виду будущаго, пріучается остерегаться въ словахъ и въ дѣйствіяхъ. Но эта пріобрѣтенная привычка не должна стать основою дѣятельности взрослаго человѣка; она входитъ въ эту дѣятельность лишь какъ элементъ. Тотъ, кто *только* остороженъ, становится трусомъ, и отъ отсутствія рѣшимости теряетъ удобные случаи, вредитъ себѣ трусостью иногда болѣе, чѣмъ рискомъ и, наконецъ, теряетъ совершенно способность къ рѣшительной дѣятельности въ какомъ бы то ни было случаѣ, даже самомъ необходимомъ для него. Осторожность и обдуманность становятся могучими орудіями жизненнаго успѣха, лишь какъ пособія рѣшительности, какъ результаты сильной и смѣлой мысли.

Точно такъ общество доходитъ до договора въ своей молодости. Непосредственная общность интересовъ соединила временно людей. Ихъ союзъ выгоденъ имъ всѣмъ, они это знаютъ; но сознаніе измѣнчивости желаній, способности увлекаться, заставляетъ ихъ опасаться за исполненіе въ будущемъ того, что они сознаютъ выгоднымъ для себя. Они заключаютъ договоръ обязывающій ихъ сдѣлать то, что въ сущности для нихъ всего полезнѣе. Въ обществѣ находятся люди болѣе сильные и болѣе слабые, эксплуататоры и эксплуатируемые; послѣдніе терпятъ отъ первыхъ и не довѣряютъ имъ. Но бываютъ минуты, когда первые, при своей силѣ, не могутъ достигнуть своихъ цѣлей безъ содѣйствія послѣднихъ. Эту помощь они покупаютъ обезпеченіемъ въ будущемъ эксплуатируемыхъ болѣе или менѣе отъ своей силы. Между сильными и слабыми заключается договоръ въ ту минуту, когда сильные случайно слабѣе, а слабые случайно сильнѣе, слѣдовательно, договоръ этотъ даетъ общественному строю болѣе справедливости чѣмъ въ немъ было до того.

Мало по малу выгода подобныхъ договоровъ дѣлается столь очевидною, что люди не могутъ не замѣтить улучшенія общественнаго быта, являющагося, какъ прямое слѣдствіе договора. Договоръ идеализируютъ. Подземные боги и небесные боги являются хранителями клятвъ, и эти всесильные и вездѣсущіе свидѣтели, карающіе на землѣ и за могилою, придаютъ договору объективную святость. Въ идеалъ нравственнаго человѣка, въ самомъ обширномъ и въ самомъ простомъ значеніи этого слова, входитъ честность, и этотъ внутренній судья требуетъ отъ личности исполненія договоровъ болѣе настоятельно,

чѣмъ всѣ олимпійцы. Договоръ получаетъ святость субъективную. Идеалъ честнаго человѣка обобщается въ образахъ поэтовъ, въ міросозерцаніяхъ мыслителей. Онъ входитъ въ привычку общества. Нарушитель договора видитъ въ улыбкѣ знакомаго, въ холодномъ поклонѣ пріятеля, въ намекѣ свѣтскаго разсказчика свое осужденіе. Изъ фантастическаго міра миѳовъ и субъективнаго міра убѣжденій честность переходитъ въ реальный міръ священнѣйшей общественной связи.

Но грозные олимпійцы, хранители клятвъ, умилостивляются жертвоприношеніями, и духовникъ разрѣшаетъ клятвопреступника отъ грѣха, грозящаго наказаніемъ въ будущемъ мірѣ. Внутренній міръ человѣка скрытъ отъ глазъ, и тотъ, кто всего болѣе честенъ, повидимому можетъ внутренно лишь ждать своего часа для крупнаго безчестнаго поступка. Что касается до общественнаго суда, то приличія общежитія составляютъ настолько противовѣсъ отвращенію отъ безчестныхъ поступковъ, что нарушителямъ договоровъ жить вовсе не очень худо; къ тому же значительный успѣхъ въ глазахъ большинства сообщаетъ какъ бы грандіозность и безчестному поступку, а между *dupes* и *coquins* презрѣніе дѣлится довольно равномѣрно; его даже, пожалуй, болѣе приходится на долю первыхъ. Слѣдовательно, для охраненія договора находятъ нужнымъ прибѣгнуть къ добавочной силѣ, независимой отъ олимпійцевъ, отъ совѣсти договаривающаго и отъ общественнаго обращенія съ клятвопреступниками. Договоръ ставятъ подъ охрану *закона*, а самый законъ становится основнымъ общественнымъ договоромъ, охраняемымъ всѣми силами государства.

Здѣсь уже сразу приплетаются къ договору два эле-

мента, совершенно чуждые нравственному его началу. Самый законъ, какъ мы увидимъ въ слѣдующемъ письмѣ, есть договоръ фиктивный, потому что никогда всѣ подданные государства, обязанные исполнять этотъ договоръ, не призываются къ выраженію добровольнаго согласія на него; да если бы и предположить подобное призваніе, то большинство подданныхъ не въ состояніи было бы оцѣнить выгоду или невыгоду принятія договора. Слѣдовательно, терминъ: *честность* — совершенно непримѣнимъ здѣсь, и мы находимся въ совершенно другой сферѣ дѣйствія. Съ другой стороны, договоръ законный имѣетъ всегда склонность дѣлаться болѣе и болѣе формальнымъ. Его обязательность всего менѣе зависитъ отъ внутренняго убѣжденія договаривающихся, а болѣе отъ разныхъ пунктовъ закона, въ отношеніи, напр. сроковъ подачи бумагъ, числа и свойства свидѣтелей, слова, написаннаго такъ или иначе и т. под. Самый законный договоръ можетъ быть въ сущности самымъ безчестнымъ дѣломъ, какъ самое честное условіе можетъ быть незаконно. Законъ становится прогрессивнымъ элементомъ и нравственною силою лишь тогда, когда законодательство имѣетъ въ виду два основные пункта, указанные выше. Первое, что всякій договоръ— требующій услуги, которая предполагаетъ искренность точно также, какъ всякій договоръ, связывающій волю человѣка на жизнь или на значительный періодъ времени,—самъ по себѣ преступенъ. Второе, что договоръ— даже заключаемый относительно услугъ допускающихъ оцѣнку,—справедливъ лишь тогда, когда договаривающіяся стороны одинаково поставлены въ отношеніи пониманія договора. Слѣдовательно законодательство, чтобы

быть нравственнымъ, должно запрещать всѣ безусловные договоры перваго рода, а, при условныхъ, обезпечивать договаривающимися возможность заявить свою искренность предъ самымъ исполненіемъ договора или уклониться отъ его исполненія. Точно также законодательство должно не только охранять договоры, уже заключенные, но и, при ихъ заключеніи, ограждать слабаго отъ сильнаго, менѣе умнаго и знающаго отъ болѣе умнаго и знающаго, давая первому возможность хорошо уяснить себѣ условія, которыя могутъ впослѣдствіи обратиться ему во вредъ. Только тогда законъ есть орудіе нравственности, орудіе прогресса, когда онъ охраняетъ святость честнаго договора и становится препятствіемъ безчестному.

Если же законодательство не имѣло этого въ виду, а собственно опирается на фикцію, что большинство дѣйствій можетъ быть предметомъ договора, и что договаривающіеся равно понимаютъ смыслъ и силу договора, тогда онъ становится капканомъ для слабыхъ въ рукахъ сильныхъ и развиваетъ лишь одну сторону въ обществѣ, обдуманность и осторожность, какъ послѣдствія всеобщаго взаимнаго недовѣрія. Тогда боги, хранители клятвы, обращаются въ метафизическаго бога — государство, у котораго мѣсто нравственности занимаютъ томы кодекса. Честность блѣднѣетъ предъ законностью и находятся такіе нравственные уроды, которые воображаютъ, что, исполнивъ букву постановленія, они честны. Общественный же судъ теряетъ всякій смыслъ, какъ потому, что предъ оправданіемъ или осужденіемъ по закону оказываются ничтожными заявленія общественнаго мнѣнія, такъ и потому, что формальная исправ-

ность, входя въ привычки общества, постепенно замѣняетъ собою привычки честнаго пониманія и честнаго исполненія.

Естественно, что, при подобномъ положеніи дѣлъ, особенно возвышаются двѣ общественныя формы. Такъ какъ, по самой сущности, договоръ есть перенесеніе на всѣ жизненныя отношенія отношеній коммерческихъ, то вся выгода законности, освящающей полную свободу договора, достается элементу промышленности. Промышленная конкуренція становится типомъ общественныхъ отношеній. Семейная связь, общежительность, государственная служба получаютъ колоритъ коммерческой сдѣлки; литература, наука, искусство — характеръ ремесленнаго производства. Личности, удобнѣе другихъ поставленныя, имѣющія возможность лучше другихъ оцѣнить силу договора и во-время заключить его, получаютъ широкую способность развиваться; богатство и блескъ общественности возрастаютъ; фабричная техника дѣлаетъ громадные успѣхи; она стремится обратить науку и искусство въ простыя орудія для своего усовершенствованія. Напротивъ, менѣе удобно поставленныя личности, получаютъ все менѣе и менѣе способности развиваться, даже устоять. Ихъ давятъ не только сильныя личности, ихъ давитъ еще неодолимая сила пунктовъ закона. Биржа и фабрики охватываютъ все болѣе и болѣе общественныхъ элементовъ.

Съ другой стороны, такъ какъ законъ держится лишь силою государства, то государство получаетъ болѣе и болѣе значеніе въ сферѣ жизни и въ сферѣ мысли. Въ иныхъ случаяхъ, подъ маскою лучшаго наблюденія за законностью теченія дѣлъ, усиливается ад-

министративная централизація и развѣтвляется административная сѣть. Въ другихъ случаяхъ, идолъ славы и чести отвлеченнаго государства требуетъ безпрестанныхъ жертвъ капитала бездушнаго и одушевленнаго. Въ сферѣ же мысли развивается теорія богопочитанія государства, отожествленіе съ нимъ всѣхъ высшихъ человѣческихъ идеаловъ, и прогрессъ общества ищутъ въ усиленіи именно того элемента, который, въ прогрессивномъ развитіи общества, долженъ подвергаться, какъ мы увидимъ, совсѣмъ иному процессу.

Но усиленіе промышленнаго и государственнаго начала въ обществѣ вызываетъ еще одно явленіе при подобномъ положеніи дѣлъ. Такъ какъ сильнѣйшія личности, при нѣсколько удобной обстановкѣ, легко пробиваются въ ряды счастливѣйшаго меньшинства, то самые сильные умы не испытываютъ въ значительной мѣрѣ неудобствъ общественнаго строя, относятся къ нему критически лишь въ сферѣ мысли и не только скоро примиряются съ этими неудобствами, но, большею частію, по самой силѣ вещей, становятся въ ряды защитниковъ *statu quo*. Все же недовольное такъ крѣпко охватывается сѣтью администраціи и кодекса, что критика существующаго высказаться не можетъ или высказывается слишкомъ слабо. Вслѣдствіе этого государство приближается къ знаменитому идеалу наипрочнѣйшаго общественнаго строя, что, — выражаясь правильнѣе и нагляднѣе, — должно бы назвать: идеаломъ застоя. Прочнѣе и прочнѣе устанавливается въ обществѣ культурный элементъ привычки и преданія. Мысль работаетъ все труднѣе подъ условіями коммерческой выгоды и законныхъ стѣсненій. И она входитъ все болѣе

и болѣе въ колею обычныхъ взглядовъ, традиціонныхъ формъ. Жизнь въ обществѣ начинаетъ убывать, человѣчность его уменьшается, вѣроятность прогресса становится меньше.

Конечно, и при этомъ въ обществѣ встрѣчаются обыкновенно элементы, на которые можетъ опереться мысль въ своей критической работѣ. Государственное начало входитъ иногда въ столкновеніе съ коммерческимъ; или въ средѣ самаго коммерческаго элемента болѣе дальновидные люди начинаютъ замѣчать опасность угрожающую обществу, какъ отъ подавленія интересовъ большинства, такъ и отъ возможности застоя; или наука,— въ которой нуждаются какъ промышленность, такъ и государство, — становится орудіемъ общественной критики и прогресса; или, наконецъ, мысль работаетъ въ подавленномъ большинствѣ и вызываетъ взрывъ, который, въ свою очередь, вызываетъ общество къ новой жизни. Послѣдній случай представился въ концѣ XVIII вѣка во Франціи въ сферѣ политической, и въ настоящее время вся западная Европа употребляетъ громадныя усилія, чтобы предотвратить опасность подобнаго-же взрыва въ сферѣ соціально-экономической. Эпоха же тридцатыхъ годовъ представила намъ примѣръ перваго случая, когда промышленный классъ буржуазіи, во имя своихъ интересовъ, остановилъ растущій административный произволъ государственной власти. Возможность непрерывнаго прогресса человѣчества и предотвращенія соціальныхъ взрывовъ, которые грозятъ современной Европѣ, заключается именно въ современной наукѣ: ея критика теоретическихъ основъ и практическихъ формъ современной культуры можетъ спасти человѣчество отъ

многочисленныхъ бѣдствій и экономическихъ потерь если выводы этой критики будутъ своевременно воплощены въ жизнь легальнымъ путемъ.

Но это уже пути, лежащіе въ областяхъ не юридическихъ. Здѣсь же слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, что переходъ нравственнаго начала договора въ формальное начало закона не есть прогрессивное явленіе, точно также какъ замѣна честности законностью есть явленіе анти-прогрессивное. Я уже говорилъ въ девятомъ письмѣ о томъ, что законъ самъ по себѣ, какъ всѣ *великіе принципы*, можетъ быть и орудіемъ прогресса, и орудіемъ реакціи. Изъ всего предыдущаго можно заключить, что истинная идеализація закона должна лежать для него, какъ и для договора, — мало по малу переходящаго въ законъ, — въ *другихъ* началахъ. Лишь эти вспомогательныя начала, дополняя и регулируя принципы договора и закона могутъ устранить стремленіе къ застою, лежащее въ сущности легальнаго формализма.

Договоръ освящается убѣжденіемъ личности въ минуту заключенія — точно также, какъ искренностью ея въ минуту исполненія. Законъ освящается убѣжденіемъ личности, что онъ есть благо, въ томъ ли смыслѣ, что онъ ограждаетъ честный договоръ и преслѣдуетъ безчестный, или въ томъ, что большее зло произойдетъ отъ сопротивленія закону, чѣмъ отъ его исполненія. Въ присутствіи договора, требующаго дѣйствій искреннихъ въ далекомъ будущемъ, личность находится въ присутствіи возможности нравственнаго преступленія. Кто принялъ подобное обязательство, о томъ можно лишь жалѣть, потому что дилемма нарушенія обяза-

тельства или продажи непродажнаго почти неизбѣжна. Въ присутствіи закона, противнаго личному убѣжденію, положеніе личности нравственно легче. Во многихъ государствахъ самъ законъ указываетъ личности пути для критики закона и для вліянія на устраненіе отживающихъ юридическихъ формъ: это исходъ легальный. Если это не имѣетъ мѣста, то личность можетъ всегда сказать себѣ: я поступаю по убѣжденію, пусть законъ караетъ меня: это исходъ нравственный. Есть еще исходъ, такъ называемый, утилитарный, когда личность, въ виду наибольшей пользы подчиняетъ свое убѣжденіе закону, хотя тутъ всегда останется трудно-разрѣшимымъ вопросъ: есть-ли зло, нравственно худшее, чѣмъ поступокъ противный убѣжденію? Прогрессъ общества зависитъ несравненно болѣе отъ силы и ясности убѣжденій личностей, составляющихъ общество, чѣмъ отъ нарушенія, какихъ бы то ни было, культурныхъ формъ.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ.

Государство.

Хотя ни объ одномъ изъ великихъ общественныхъ принциповъ нельзя сказать, что имъ не злоупотребляли, идеализируя его, но едва ли, въ послѣдній періодъ, который-либо принципъ подвергался въ такой мѣрѣ подобной операціи, какъ принципъ *государства*. Это, конечно, имѣло свою логическую причину. Противу феодальнаго самовольства, противу теократическихъ стремленій католицизма и противу деспотическихъ стремленій личностей правителей этотъ принципъ служилъ отличнымъ оружіемъ. Прогрессивная партія новой Европы, боровшаяся поочередно противу этихъ стремленій, незамедлила его выставить на своемъ знамени. Въ періодъ перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени люди государственнаго принципа, юристы, дѣйствовали въ союзѣ съ государями Европы, помогая имъ побѣдить феодаловъ и клерикаловъ. Борьба шла между хищническими силами, но принципъ государства идеали-

зировалъ дѣятельность Людовика XI, Фердинанда католическаго и т. п., облекалъ ее ореоломъ разумности и стремленія къ общему благу. Къ концу XVII-го вѣка, когда Людовикъ XIV и Стюарты были уже преобладающею силою надъ прочими, прогрессивная партія противупоставила фразѣ: — „государство, это—я", — другую фразу: „государство, это общее благо",—и повела борьбу противу произвола, во имя законности. Но тутъ произошло явленіе, о которомъ я упоминалъ. Слово государство оказалось достаточно гибкимъ, чтобы допускать весьма различные смыслы. Одни понимали его въ смыслѣ усиленія правительства, другіе въ смыслѣ его ограниченія возможно-широкимъ участіемъ общества въ политическихъ дѣлахъ. Одни напирали на увеличеніе объема государства, на его внѣшнее вліяніе, другіе ставили выше всего механическую связь его частей путемъ искусной администраціи, однообразныхъ законовъ, однообразныхъ формъ жизни на всей его территоріи; третьи доказывали, что лишь органическая связь живыхъ и достаточно-самостоятельныхъ центровъ, соединенныхъ общностью ясно-сознанныхъ интересовъ, составляетъ государство. Оказалось необходимымъ не вести полемику *за* государство или *противъ* него, а уяснить себѣ, *въ чемъ* именно состоитъ настоящее, идеальное государство. Относительно того, что именно государство есть главный общественный принципъ, казалось, и спорить было нечего. Кромѣ закоченѣлыхъ феодаловъ и клерикаловъ, всѣ въ этомъ были согласны, а побѣды, одержанныя государственнымъ принципомъ надъ средневѣковыми началами и надъ произволомъ личностей были у всѣхъ въ свѣжей памяти. Такимъ образомъ консерваторы и

прогрессисты, монархисты и республиканцы, люди порядка и люди революціи, практики и философы сходились въ одномъ, въ поставленіи государства высшимъ принципомъ, право котораго не можетъ быть сопоставлено рядомъ съ другими правами, а есть право высшее, хотя и допускающее нѣкоторыя ограниченія болѣе изъ гуманности, чѣмъ изъ признанія иныхъ правъ. Около тридцатыхъ годовъ нашего вѣка обоготвореніе государства достигло своего апогея, и послѣдній великій представитель нѣмецкаго идеализма, Гегель, былъ въ то же время и мыслителемъ, который наиболѣе открыто высказалъ это обоготвореніе.

Но исторія шла впередъ и критика, уяснявшая истинный смыслъ государства, дѣлала свое дѣло. Политическая экономія открыла въ общественной жизни начала, чуждыя политикѣ, но несравненно прочнѣе ея обусловливающія общее благо или страданіе, а вліяніе биржи на политическія дѣла перевело теоретическія соображенія политико-экономовъ въ область практики. Принципъ національности, просмотрѣнный идеалистами, заявилъ свои права на контроль распоряженій дипломатовъ относительно границъ территорій, и его заявленія оказались во многихъ случаяхъ такъ эффектны, что принципъ государства долженъ былъ *подчиниться* новому началу. Наконецъ оказалось, что современному общественному строю грозятъ не столько политическіе перевороты, сколько перевороты соціальные; что политическія партіи смѣшиваются и значеніе ихъ блѣднѣетъ предъ антогонизмомъ партій соціальныхъ. Къ тому же, въ числѣ теоретиковъ государства, одна консервативная партія оказала ему медвѣжью услугу, доказавъ, что

государство есть собственно вовсе не продуктъ разума и обдуманности, а естественное культурное явленіе въ общественной жизни. Этимъ думали, конечно, придать ему добавочную прочность, но, въ сущности подрывали его идеалистическое значеніе: все необходимое и чисто-естественное человѣкъ стремится осмыслить и переработать. Слѣдовательно, являлся вопросъ: и естественное явленіе государства не должно ли тоже переработать въ высшій продуктъ, такъ, чтобы доля человѣческаго разума превзошла въ немъ долю естественнаго матерьяла?

Все это заставляетъ въ наше время гораздо болѣе критически отнестись къ началу, недавно еще боготворимому, вскрыть его ложную идеализацію и замѣнить ее идеализаціею истинною, т. е. дойдя до естественной основы государства въ ея простѣйшей формѣ, указать, какимъ путемъ этотъ принципъ доступенъ прогрессивному процессу; какимъ образомъ онъ удовлетворяетъ условіямъ развитія личности и воплощенія истины и справедливости въ общественныя формы.

Пока люди живутъ вмѣстѣ, преслѣдуя экономическія, нравственныя, умственныя цѣли, которыя каждый можетъ измѣнять свободно, или даже отступаться отъ нихъ, не опасаясь никакого принужденія, до тѣхъ поръ люди состоятъ въ *общественной* связи, чуждой всего юридическаго и политическаго. Какъ только они вступаютъ въ договоръ, обязательный для договаривающихся, то ихъ общество вступаетъ въ новый фазисъ жизни. Оно связано только *юридически*, если принудительная сила, наблюдающая за исполненіемъ договора, принадлежитъ лицамъ, въ договорѣ не участвующимъ.

Оно становится *политическимъ*, когда въ средѣ самаго общества образуется власть, обязывающая членовъ общества къ исполненію договора. Политическое общество становится *государствомъ*, когда договоръ, обязательный для членовъ, въ него вступившихъ оно обращаетъ въ обязательный и для лицъ, никогда не спрошенныхъ о ихъ согласіи, или соглашающихся на него лишь изъ опасенія личнаго вреда въ случаѣ сопротивленія ему. Ученое общество, легальное коммерческое товарищество, тайная политическая организація представляютъ примѣры первыхъ трехъ формъ.

Изъ предыдущаго понятно, что государство столь же древне, какъ насильственное подчиненіе личностей условіямъ, ими не выбраннымъ. Такъ какъ всегда было въ обществѣ огромное число личностей, которыя, по недостатку умственнаго развитія, знанія, энергіи, нуждались въ томъ, чтобы другія личности, болѣе умныя, знающія и энергическія, выбирали для нихъ условія жизни, то государственный строй коренился въ первыхъ семьяхъ, въ первыхъ бродячихъ племенахъ, и до сихъ поръ вовсе не ограничивается тѣмъ, что называется *политическими органами* общества. Всюду, гдѣ человѣкъ, не обсуждая, подчиняется условіямъ жизни, имъ не выбраннымъ, онъ подчиняется государственному началу.

Предыдущее уясняетъ и тѣ два противуположные взгляда на государство, о которыхъ я говорилъ въ началѣ предыдущаго письма. Принципъ государственной обязательности, конечно, есть продуктъ совершенно естественный, восходящій въ глубокую древность, и даже тѣмъ болѣе обширный въ своемъ при-

ложенія, чѣмъ далѣе мы будемъ уходить въ древность. Сначала онъ является просто, какъ сила физическая однихъ лицъ надъ другими, затѣмъ переходитъ въ зависимость экономическую, наконецъ, уже путемъ идеализаціи, становится силою нравственною.

Но на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія государства проявляется въ немъ и элементъ договора, отличающій его отъ простаго подчиненія личностей личности. Взрослый и сильный глава семьи властвуетъ надъ малолѣтками и слабыми женщинами не на основаніи государственнаго принципа принудительности, а на основаніи личнаго преобладанія; точно также пророкъ повелѣваетъ вѣрующими вслѣдствіе личнаго вліянія. Государственный элементъ является въ семьѣ, когда есть взрослые члены, которые могли бы не повиноваться главѣ, но *помогаютъ* ему повелѣвать другими; въ религіозной сектѣ, когда пророка окружаютъ не только исполнители, но *помощники.* И вообще государство возникаетъ тогда, когда группа личностей, во имя своихъ хорошо или дурно понятыхъ интересовъ, *поддерживаетъ* добровольно обязательность нѣкоторыхъ постановленій, исходящихъ отъ лица, отъ учрежденія, отъ выборнаго совѣта; обязательность, распространяющуюся на другія лица, *не приступившія* добровольно къ этому союзу. Слѣдовательно, къ принципу *принудительности* присоединяется здѣсь начало *договора* съ тою особенностью, что договоръ заключаетъ меньшее число лицъ, а принудительность его распространяется на большее число ихъ.

Конечно это распространеніе начала договора измѣняетъ его существенно. Весь нравственный и юриди-

ческій смыслъ договора лежитъ, какъ мы видѣли, въ обязательности *честнаго* человѣка исполнить условіе, обдуманно на себя *принятое*. Но здѣсь договоръ заключаютъ дѣйствительно *одни* лица, а фикція его распространяется и на *другихъ*. Заключеніе договора однимъ лицомъ отъ имени другихъ, вовсе не имѣющихъ понятія о заключенномъ договорѣ, но тѣмъ не менѣе обязанныхъ исполнять его, нарушаетъ самыя элементарныя требованія справедливости, — слѣдовательно противорѣчитъ и понятію о прогрессѣ. Какъ бы юристъ посмотрѣлъ на контрактъ, обязательный для сотенъ тысячъ и милліоновъ, но о которомъ достовѣрно извѣстно, что его составили, утвердили и сдѣлали обязательнымъ нѣсколько человѣкъ, никѣмъ не уполномоченныхъ подписывать подобный контрактъ? На сколько можно признать справедливымъ контрактъ, заключенный однимъ поколѣніемъ и связывающій рядъ послѣдующихъ поколѣній до тѣхъ поръ, пока имъ не вздумается разорвать этотъ контрактъ насильственно и залить его кровью? Справедливости въ подобныхъ договорахъ, конечно, нѣтъ, и они предполагаютъ лишь одно: существованіе сильной организаціи или значительнаго большинства лицъ, для которыхъ договоръ выгоденъ, и которыя, вслѣдствіе своей организаціи или своего большинства, заставляютъ насильно подчиниться государственному договору всѣхъ тѣхъ, которые имъ не довольны. Выйди изъ государства или исполняй государственный договоръ—такова дилема, которая стоитъ предъ каждымъ подданнымъ государства.

Если число недовольныхъ этимъ договоромъ незначительно, то эта дилема чувствительна лишь для нихъ:

имъ приходится страдать подъ ярмомъ ненавистныхъ имъ законовъ, или испытывать удовольствіе самопожертвованія, заключенія, ссылки, казни за неисполненіе этихъ законовъ, или, наконецъ, эмигрировать. Пока партія недовольныхъ законами состоитъ изъ разрозненныхъ личностей, онѣ всегда будутъ подавлены. Но, по мѣрѣ того, какъ онѣ собираются въ растущую общественную силу, ими пренебрегать уже нельзя, и самому государственному строю грозятъ опасности. Эти опасности двоякаго рода. Если недовольные разсѣяны по всему государству или скучены въ его главныхъ центрахъ, то государству грозитъ измѣненіе основныхъ законовъ путемъ реформы или путемъ революціи. Если же недовольные скучены въ одной части государства, то ему грозитъ раздѣленіе. Въ обоихъ случаяхъ государственная связь непрочна, и непрочна потому, что его законы составляютъ договоръ фиктивный, а не дѣйствительный; въ немъ находится значительное число личностей, которыя обязаны подчиниться государственному договору, но никогда не были спрошены относительно его, никогда на него не соглашались, и подчиняются ему лишь по безсилію, по недостатку энергіи, или по неумѣнію сознать свои права и свои силы.

По мѣрѣ того, какъ увеличивается участіе личностей въ государственномъ договорѣ, онъ становится прочнѣе; во-первыхъ потому, что его неудобства скорѣе узнаются, правильнѣе обсуждаются, легко могутъ быть устранены путемъ реформъ, а не путемъ революціи; во вторыхъ, потому, что все большее число личностей признаетъ государственный законъ для себя обязательнымъ договоромъ, противники же его чувствуютъ себя все без-

сильнѣе и скорѣе ему подчиняются. Очевидно, что идеалъ государственнаго строя есть такое общество, въ которомъ всѣ члены смотрятъ на законъ, какъ на взаимный договоръ, сознательно принятый всѣми, допускающій измѣненіе по общему согласію договаривающихся, и принудительный лишь для тѣхъ, которые на него согласились, именно потому, что они на него согласились и за нарушеніе его подлежатъ неустойкѣ.

Но читатель сейчасъ замѣтитъ, что идеалъ, такимъ образомъ полученный изъ самой сущности государственнаго принципа, стремится къ отрицанію этого же принципа. Государство тѣмъ и отличается отъ другихъ общественныхъ формъ, что въ немъ договоръ принятъ *меньшимъ* числомъ лицъ и ими поддерживается, какъ обязательный для *большаго* числа. Два источника государственной связи — естественное начало принудительности и обдуманное начало договора, — вступаютъ въ столкновеніе, потому что послѣднее, во имя справедливости, стремится уменьшить принудительность. Отсюда неизбѣжное слѣдствіе, что политическій прогрессъ долженъ былъ заключаться въ уменьшеніи значенія государственнаго принципа въ общественной жизни. Оно такъ дѣйствительно и есть.

Политическій прогрессъ выражался въ двухъ стремленіяхъ. Во первыхъ, государственный элементъ выдѣлялся изъ всѣхъ общественныхъ формъ, вызванныхъ наличными общественными потребностями, чтобы создать себѣ спеціальные органы. Во вторыхъ, насильственное подчиненіе большинства личностей государственному договору — ограничивалось все меньшимъ числомъ личностей, причемъ фиктивный договоръ го-

сударства получалъ болѣе дѣйствительности, государственная связь скрѣплялась, но въ то же время сближалась со связью просто общественною. Оба эти стремленія можно назвать прогрессивными, потому что первое имѣло въ виду теоретическую истину государства, второе — внесеніе справедливости въ государственныя формы. Тѣмъ не менѣе оба стремленія въ своемъ осуществленіи должны привести государственный элементъ въ жизни человѣчества, къ его минимуму.

Когда власть мужа, отца и патріарха въ семьѣ потеряла (въ болѣе цивилизованныхъ обществахъ) почти всю свою принудительную силу; когда экономическія обязательства, въ случаѣ неисполненія, стали подлежать суду лицъ, въ нихъ не заинтересованныхъ; когда судебный элементъ отдѣлился отъ церковнаго и административнаго, — тогда принудительность закона легла на незначительную долю человѣческой дѣятельности. Весьма многія лица могли прожить всю жизнь, почти не чувствуя на себѣ давленія государственнаго элемента; теоретическія роли разныхъ общественныхъ формъ измѣнились для мыслителей: идеалъ семьи—обратился въ свободный союзъ любящихъ и въ разумное педагогическое дѣйствіе старшаго поколѣнія на младшее; идеалъ церкви—обратился въ свободу личной совѣсти и въ свободный союзъ вѣрующихъ для практическихъ задачъ ихъ вѣрованія; идеалъ экономическаго союза—обратился въ свободное и разумное распредѣленіе труда и выгодъ сообразно свободной и разумной оцѣнкѣ способностей и потребностей лицъ, вступающихъ въ союзъ.

Такимъ образомъ элементъ принудительности, распро-

страненный сперва на семью, на экономическую связь рабовладѣльца съ рабомъ, помѣщика съ крѣпостнымъ, собственника съ пролетаріемъ, на судъ, въ формѣ патримоніальной, церковной, чиновничьей, — теряетъ мало по малу свою силу во всѣхъ этихъ областяхъ. Правда, культурныя привычки еще поддерживаютъ деспотизмъ въ семьѣ; капиталъ все властвуетъ надъ пролетаріемъ; несмѣняемый выборный судья и независимый присяжный, вслѣдствіе личнаго интереса, еще подчиняется иногда административнымъ указаніямъ, но злоупотребленія всегда долго еще остаются слѣдами прежняго законнаго порядка, новые же идеалы усвоиваются лишь постепенно. Тѣмъ не менѣе новые идеалы уже поставлены, въ значительной долѣ своей признаны и стремятся осуществиться вполнѣ. Едва ли можно сомнѣваться, что это имъ удастся и что государственный, принудительный элементъ въ нихъ будетъ входить все менѣе, пока совсѣмъ не исчезнетъ.

Но чѣмъ менѣе идеалъ этихъ формъ допускаетъ элементъ принудительности, чѣмъ болѣе онъ требуетъ свободы, тѣмъ болѣе онъ долженъ быть охраненъ отъ случайныхъ злоупотребленій личности. Принимая даже, что личность, дѣйствующая нравственно-разумно, во всѣхъ этихъ сферахъ не допуститъ сама себя до принудительности, должны помнить сказанное въ письмѣ десятомъ, именно: что нравственно-разумная дѣятельность есть лишь *одинъ* изъ видовъ человѣческой дѣятельности, что кромѣ того, человѣкъ можетъ дѣйствовать механически, подъ вліяніемъ животныхъ влеченій, рутины и страстей. Правда, можно надѣяться, что прогрессъ въ человѣчествѣ уменьшитъ долю дѣйствій, приходящуюся

сударства получалъ болѣе дѣйствительности, государственная связь скрѣплялась, но въ то же время сближалась со связью просто общественною. Оба эти стремленія можно назвать прогрессивными, потому что первое имѣло въ виду теоретическую истину государства, второе — внесеніе справедливости въ государственныя формы. Тѣмъ не менѣе оба стремленія въ своемъ осуществленіи должны привести государственный элементъ въ жизни человѣчества, къ его минимуму.

Когда власть мужа, отца и патріарха въ семьѣ потеряла (въ болѣе цивилизованныхъ обществахъ) почти всю свою принудительную силу; когда экономическія обязательства, въ случаѣ неисполненія, стали подлежать суду лицъ, въ нихъ не заинтересованныхъ; когда судебный элементъ отдѣлился отъ церковнаго и административнаго, — тогда принудительность закона легла на незначительную долю человѣческой дѣятельности. Весьма многія лица могли прожить всю жизнь, почти не чувствуя на себѣ давленія государственнаго элемента; теоретическія роли разныхъ общественныхъ формъ измѣнились для мыслителей: идеалъ семьи—обратился въ свободный союзъ любящихъ и въ разумное педагогическое дѣйствіе старшаго поколѣнія на младшее; идеалъ церкви—обратился въ свободу личной совѣсти и въ свободный союзъ вѣрующихъ для практическихъ задачъ ихъ вѣрованія; идеалъ экономическаго союза—обратился въ свободное и разумное распредѣленіе труда и выгодъ сообразно свободной и разумной оцѣнкѣ способностей и потребностей лицъ, вступающихъ въ союзъ.

Такимъ образомъ элементъ принудительности, распро-

страненный сперва на семью, на экономическую связь рабовладѣльца съ рабомъ, помѣщика съ крѣпостнымъ, собственника съ пролетаріемъ, на судъ, въ формѣ патримоніальной, церковной, чиновничьей, — теряетъ мало по малу свою силу во всѣхъ этихъ областяхъ. Правда, культурныя привычки еще поддерживаютъ деспотизмъ въ семьѣ; капиталъ все властвуетъ надъ пролетаріемъ; несмѣняемый выборный судья и независимый присяжный, вслѣдствіе личнаго интереса, еще подчиняется иногда административнымъ указаніямъ, но злоупотребленія всегда долго еще остаются слѣдами прежняго законнаго порядка, новые же идеалы усвоиваются лишь постепенно. Тѣмъ не менѣе новые идеалы уже поставлены, въ значительной долѣ своей признаны и стремятся осуществиться вполнѣ. Едва ли можно сомнѣваться, что это имъ удастся и что государственный, принудительный элементъ въ нихъ будетъ входить все менѣе, пока совсѣмъ не исчезнетъ.

Но чѣмъ менѣе идеалъ этихъ формъ допускаетъ элементъ принудительности, чѣмъ болѣе онъ требуетъ свободы, тѣмъ болѣе онъ долженъ быть охраненъ отъ случайныхъ злоупотребленій личности. Принимая даже, что личность, дѣйствующая нравственно-разумно, во всѣхъ этихъ сферахъ не допуститъ сама себя до принудительности, должны помнить сказанное въ письмѣ десятомъ, именно: что нравственно-разумная дѣятельность есть лишь *одинъ* изъ видовъ человѣческой дѣятельности, что кромѣ того, человѣкъ можетъ дѣйствовать механически, подъ вліяніемъ животныхъ влеченій, рутины и страстей. Правда, можно надѣяться, что прогрессъ въ человѣчествѣ уменьшитъ долю дѣйствій, приходящуюся

на эти виды дѣятельности, но пока они на лицо, пока умственное и нравственное развитіе личностей еще весьма недостаточно, приходится охранять слабѣйшихъ отъ дѣйствія сильнѣйшихъ. Эта охрана неизбѣжно принимаетъ характеръ принужденія, слѣдовательно заключаетъ въ себѣ элементъ государственный. Конечно и здѣсь этотъ элементъ долженъ быть доведенъ до минимума, но тѣмъ не менѣе онъ существуетъ, пока прогрессъ не измѣнитъ значительно наклонностей и привычекъ человѣка. Устраняя произволъ личности и администраціи общество обращаетъ при этомъ свои государственные органы лишь въ исполнителей безличнаго закона и ограничиваетъ роль государства наблюденіемъ за отсутствіемъ принудительности, охраненіемъ слабѣйшихъ отъ принужденія со стороны сильнѣйшихъ. Какъ семьянинъ, какъ вѣрующій, какъ участникъ экономическаго предпріятія, — человѣкъ подчинился государственному строю лишь въ безличной формѣ закона, истолкованнаго и приложеннаго судьею, чуждымъ всякаго государственнаго интереса.

Тутъ кончается прогрессивный процессъ политическихъ началъ въ обществѣ, въ своемъ первомъ стремленіи, именно какъ выдѣленіе государственнаго отправленія изъ прочихъ. Ложная идеализація подчиненія власти во всѣхъ общественныхъ сферахъ разрушается началомъ свободнаго союза. Истинная идеализація государства требуетъ отъ него справедливости: охраненія слабыхъ, охраненія честнаго договора, и препятствованія безчестному, доводитъ государственную функцію въ этомъ отношеніи до минимума и представляетъ въ будущности, ея естественное дальнѣйшее уменьшеніе вслѣдствіе совершенствованія самихъ личностей. Пре-

пятствія прогрессу въ этомъ отношеніи лежатъ болѣе въ старыхъ привычкахъ общества, чѣмъ въ самой сущности дѣла. Преимущественно же они заключаются въ малыхъ успѣхахъ другой отрасли политическаго прогресса.

Это второе прогрессивное политическое стремленіе встрѣчаетъ несравненно значительнѣйшія препятствія; тѣмъ не менѣе оно тѣсно связано съ первымъ. Все предыдущее развитіе идеаловъ семьи, союза и т. д. — точно также, какъ охранительная рѣчь государства опирается на предположеніе, что законъ соотвѣтствуетъ жизненнымъ потребностямъ общества. Но это есть одна изъ формъ ложной идеализаціи этого *великаго принципа*. Законъ самъ по себѣ, какъ мы видѣли, не только не заключаетъ въ себѣ причины развиваться съ развитіемъ общества, но скорѣе склоненъ заковать общество въ формы культуры и привести его къ застою. Лишь въ другихъ, дополнительныхъ началахъ, заключается возможность развитія для законодательства. Законъ можно развивать, а самъ онъ развиваться не можетъ. Справедливость требуетъ, чтобы онъ, въ своемъ происхожденіи, существованіи и отмѣнѣ, все болѣе и болѣе терялъ начало принудительности. Это совершается увеличеніемъ участія общества въ законодательствѣ. По мѣрѣ того, какъ законодательство переходитъ къ обществу и къ его свободно выбраннымъ представителямъ, самый законъ даетъ средства исправлять законы; государство принимаетъ характеръ союза лицъ, заключившихъ свободный договоръ и свободно его измѣняющихъ. Принудительность государственнаго договора уменьшается и стремится еще уменьшаться. Идеалъ государства, какъ

я уже говорилъ, обращается въ такой союзъ, гдѣ лишь тотъ подчиненъ договору, кто имѣлъ средства и возможность обсудить договоръ, обсудилъ и призналъ его свободно, можетъ отказаться столь же свободно отъ его исполненія, отказываясь и отъ всѣхъ его послѣдствій.

Но возможно ли осуществленіе подобнаго идеала? Возможно ли вообще значительное прогрессивное движеніе въ обществѣ въ подобномъ направленіи? Не существуетъ ли непреодолимыхъ естественныхъ или историческихъ препятствій на этомъ пути? Эти вопросы невольно возникаютъ, когда сравнимъ настоящее положеніе цивилизованныхъ народовъ съ тѣми идеалами, которые предъ этимъ поставлены, и когда замѣтимъ, какъ далеки послѣдніе отъ осуществленія.

Знаніе и энергія характера суть необходимыя условія для того, чтобы личность могла отстоять свою свободу и ею пользоваться, не нарушая чужой свободы; но распространеніе знаній и развитіе характера такъ незначительны въ средѣ человѣчества, что нельзя ожидать ничего иного отъ современнаго строя, кромѣ обязательнаго подчиненія большинства условіямъ установленнымъ меньшинствомъ. Всюду государство еще представляется намъ массою лицъ, при самомъ рожденіи подчиненныхъ данному кодексу, и объявляемыхъ преступниками или измѣнниками, если они впослѣдствіи заявляютъ свое несогласіе съ политическими формами, о которыхъ спрошены не были. Небольшое меньшинство изъ этой массы достигаетъ такого развитія, что можетъ толково указать, что именно въ формахъ, стѣснительныхъ для массы, особенно тяжело, и чѣмъ именно желательно его замѣнить, чтобы путемъ реформы улучшить состояніе обще-

ства, не ослабляя государственной связи. Изъ этой политической интеллигенціи лишь небольшое число достигаетъ положенія, гдѣ можетъ провести свои взгляды въ дѣло путемъ законодательства. Въ наиболѣе передовыхъ странахъ правительство, такимъ образомъ господствующее надъ государственнымъ договоромъ, составляется путемъ избранія довѣренныхъ представителей отъ массы, подчиненной закону; и число избирателей увеличивается по возможности: право участія въ договорѣ расширяется; патриціи допускаютъ политическую равноправность плебеевъ; третье сословіе смѣшивается съ дворянствомъ и духовенствомъ; билли парламентской реформы понижаютъ цензы; вообще право выбора взрослыхъ мужчинъ дѣлается закономъ; выступаютъ защитники политическихъ правъ женщинъ. Но какъ ни широко право избранія и какъ ни огромна разница между политическимъ строемъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и строемъ азіятскаго ханства, тѣмъ не менѣе въ обѣихъ этихъ формахъ, какъ и во всѣхъ промежуточныхъ, остается общая черта: подчиненіе значительнаго числа личностей договору, который они не обсуждали, или съ которымъ заявили свое несогласіе. Государство всюду остается насильственнымъ обязательствомъ для болѣе или менѣе значительной части населенія данной территоріи.

Въ этомъ послѣднемъ словѣ лежитъ именно стѣснительность государственнаго договора для личности. Человѣкъ родился на данной мѣстности. Эта мѣстность входитъ въ данную территорію, такъ какъ рядъ событій болѣе или менѣе отдаленнаго періода разграничилъ всю обитаемую землю на территоріи. Родясь здѣсь, онъ подчиненъ и здѣшнимъ законамъ, которыхъ онъ не обсуж-

далъ, не принималъ, а, въ большей части случаевъ. и не будетъ никогда въ возможности обсудить. Между тѣмъ они давятъ его, мѣшаютъ его развитію, противорѣчатъ его истинному убѣжденію и бросаютъ его въ ряды недовольныхъ. Оставить отечество—это горькое рѣшеніе, которое иногда даже и невозможно принять, а, во всякомъ случаѣ, трудно. Подчиниться противъ убѣжденія, это—униженіе достоинства личности. Остается исходъ борьбы со всѣми ея шансами и печальными послѣдствіями для личности. Я уже говорилъ о пути, которому неизбѣжно слѣдуетъ при этомъ образующіяся партіи. Но теперь намъ важенъ другой пунктъ. Присутствіе недовольныхъ на государственной территоріи заставляетъ государство тратить несоразмѣрное количество силъ на охраненіе законовъ отъ ихъ нарушенія, на поддержаніе господства своихъ органовъ въ обществѣ. Это отвлекаетъ силы общества отъ производительной и развивающей дѣятельности въ сферѣ другихъ формъ, къ дѣятельности, которая, какъ мы видѣли, по требованіямъ прогресса, должна быть доведена до минимума. Это развиваетъ въ обществѣ раздраженіе, взаимное недовѣріе членовъ и, слѣдовательно, постоянное препятствіе къ согласной дѣятельности. Здѣсь консервативное собраніе забаллотировываетъ весьма хорошаго и полезнаго юриста, предлагаемаго въ судебную должность, потому что онъ иначе думаетъ о лучшей формѣ правленія: тамъ либеральная редакція не можетъ купить романъ человѣка, заявившаго себя консерваторомъ; тутъ смѣняютъ профессора ботаники, потому что его взгляды на экономическій вопросъ кажутся опасны для министра; а здѣсь пріятели готовы стрѣляться изъ

за смертнаго приговора надъ полоумнымъ. Чѣмъ обширнѣе государственная территорія, тѣмъ вѣроятнѣе при данной причинѣ неудовольствія, что въ ней будетъ болѣе недовольныхъ; тѣмъ труднѣе слѣдить за ними; тѣмъ значительнѣе трата силъ на непроизводительный для общества процессъ охраненія того элемента, который долженъ самъ ограничиться ролью охранителя. Но усиленіе подобныхъ мѣръ еще увеличиваетъ, обыкновенно, недовольство, и прочность общественнаго строя становится все болѣе и болѣе сомнительною. Онъ пораженъ болѣзнью хроническаго недовѣрія и безпокойства, припадки котораго вызываются самыми пустыми случаями. Если даже дѣло не доходитъ до кризиса, то всѣ физіологическія, правильныя дѣйствія общественнаго организма извращаются.

Но несравненно бо̀льшія опасности грозятъ государствамъ съ обширною территоріею, если законы вызываютъ недовольство не личное, а мѣстное; если они составляютъ болѣе или менѣе добровольно-признаваемый договоръ въ одной части территоріи, но вызываютъ вражду населенія другой части. Разграниченіе территоріи произошло лишь изрѣдка подъ вліяніемъ ясно понятыхъ потребностей населенія, большею же частью оно опредѣлялось хищничествомъ высоко - поставленныхъ личностей, историческими случайностями, неразумными страстями части населенія. Но и тѣ случаи, гдѣ предѣлы территоріи были установлены ясно-понятыми потребностями данной эпохи, не представляютъ еще ручательства, что разумная связь частей территоріи останется на долго прочною и разумною. Потребности населенія въ данную эпоху не суть еще потребности его

во всѣ эпохи, и, развиваясь общество можетъ точно также скрѣплять связь между своими членами, какъ и давать начало разнороднымъ интересамъ, обособляющимъ мѣстности, прежде не имѣвшія повода къ обособленію. Сепаратизмъ можетъ имѣть источникомъ весьма безтолковыя побужденія точно также, какъ и весьма разумныя основанія. Но онъ всегда есть начало, ослабляющее общество. Ослабленіе здѣсь надо понимать вовсе не въ томъ смыслѣ, что государственному центру, повелѣвавшему территоріею въ 100.000 кв. миль, грозитъ уменьшеніе на какія нибудь тысячъ 20, съ уменьшеніемъ доходовъ на нѣсколько милліоновъ франковъ. Отдѣленіе Американскихъ колоній не ослабило Англіи, какъ не ослабила бы ея, вѣроятно, самостоятельность Остъ-Индіи и Австраліи. Сепаратизмъ ослабляетъ общество тѣмъ, что онъ есть начало раздора и недовѣрія внутри общества, вызываетъ охлажденіе одной части гражданъ къ общему дѣлу, заставляетъ другую часть тратить на охраненіе государственнаго единства огромные капиталы въ деньгахъ и въ людяхъ, когда эти капиталы нужны на развитіе общества. Если сепаратизмъ не даетъ результата, все еще долго въ памяти побѣдителей и побѣжденныхъ живетъ подозрительность и вражда. Даже если раздѣленіе совершилось, нужно время, чтобы остыло преданіе вражды и недавніе *невольные* союзники, вчерашніе враги, пришли въ спокойныя отношенія сосѣдей, товарищей по общечеловѣчному дѣлу *добровольныхъ* союзниковъ для опредѣленной цѣли. Лишь потрясенія первой французской революціи сгладили отдѣльность Бретани и южной Франціи отъ преобладающаго Парижа. Память борьбы XVIII вѣка еще не исчезла

между Джонъ Булемъ и братцемъ Джонатаномъ, несмотря на ихъ нынѣшія взаимныя любезности. Еще много разъ зазеленѣютъ и пожелтѣютъ деревья на могилахъ, окружающихъ Ричмондъ, прежде чѣмъ потомки янки мѣдноголовыхъ почувствуютъ себя снова гражданами одного государства. Поэтому государствамъ несравненно опаснѣе возникновеніе въ ихъ средѣ сепаратистскихъ стремленій, чѣмъ самое раздѣленіе. Предупредить эти стремленія составляетъ цѣль прогресса въ государствѣ, гдѣ различіе экономическихъ условій, различіе политическаго значенія центровъ власти и остальной страны, различіе круга политической дѣятельности личностей и партій всегда можетъ возбудить недовольство? Насиліе скрываетъ и отдаляетъ опасность, но она еще увеличивается для государства по мѣрѣ увеличенія въ немъ употребленія насильственныхъ мѣръ. Во первыхъ, растетъ взаимное раздраженіе гражданъ, т. е. растетъ именно то, что составляетъ худшее зло сепаратизма: во вторыхъ насильственныя мѣры понижаютъ человѣческое достоинство и останавливаютъ всякое развитіе въ обществѣ, которое къ нимъ привыкаетъ. Но усиленіе раздраженія въ обществѣ и пониженіе человѣческаго достоинства гражданъ суть явленія, весьма ослабляющія государство, и ставящія его въ невыгодное отношеніе относительно сосѣдей, а борьба государства съ сепаратизмомъ можетъ имѣть въ виду именно только его крѣпость извнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы прослѣдимъ фазисы исторіи, то замѣтимъ, что величина государствъ и крѣпкая связь ихъ частей особеннно важны были только съ точки зрѣнія ихъ внѣшнихъ отношеній. Экономическое про-

цвѣтаніе, научное и художественное развитіе общества, расширеніе правъ личностей и болѣе справедливыя отношенія между ними—могли имѣть мѣсто также хорошо въ маленькихъ государствахъ, какъ въ большихъ; даже представляя себѣ міръ собраніемъ отдѣльныхъ самодержавныхъ общинъ мы не имѣли бы повода думать, что во всѣхъ упомянутыхъ отношеніяхъ встрѣтилось бы тутъ пониженіе прогресса, такъ какъ обширныя экономическія, ученыя и т. п. предпріятія могли бы осуществляться путемъ союзовъ между общинами, заключенныхъ исключительно для опредѣленной цѣли.

Но совсѣмъ иное дѣло—внѣшнія отношенія. Государство съ крѣпко-организованною властью имѣетъ огромное преимущество въ войнѣ и въ дипломатіи при столкновеніи съ союзомъ государствъ, даже превосходящимъ матеріально силы перваго, если только разница цивилизаціи не слишкомъ огромна (какъ было въ борьбѣ персовъ съ греками). Тайна подготовки къ борьбѣ и энергическое преслѣдованіе дипломатической цѣли несравненно удобнѣе для одного государства, чѣмъ для союза державъ. Не говорю уже о томъ, что союзъ государствъ можетъ быть не проченъ и фиктивенъ, а въ такомъ случаѣ маленькое государство можетъ быть легко раздавлено большимъ, можетъ сдѣлаться жервою его хищничества или можетъ быть поставлено въ необходимость слѣдовать политикѣ большаго государства, оставаясь такимъ образомъ самодержавнымъ лишь по имени. Во всякомъ случаѣ внѣшнія сношенія государствъ ставятъ вопросъ о малыхъ и большихъ государствахъ совсѣмъ на иную почву. Чѣмъ государство меньше, тѣмъ части его слабѣе связаны, и чѣмъ географическія условія

его положенія дѣлаютъ возможнѣе хищническое отношеніе къ нему сосѣдей, тѣмъ самостоятельность его подвержена большимъ опасностямъ, слѣдовательно тѣмъ и внутренее развитіе общества въ немъ менѣе прочно, тѣмъ болѣе силъ приходится ему тратить непроизводительно на приготовленія къ возможной внѣшней опасности, и тѣмъ тяжелѣе эти несоразмѣрныя траты ложатся на его населеніе. При такомъ положеніи дѣлъ, весьма понятно, что ложная идеализація видитъ во всякомъ увеличеніи государства его усиленіе, во всякомъ уменьшеніи—упадокъ. Конечно, иногда, отдѣленіе части государства ослабляетъ его; но это тогда, когда часть эта составляла дѣйствительно-органическій элементъ государственнаго тѣла, но отнята хищничествомъ сосѣда. Тѣ же части, которыя заражены глубòко-вкоренившимися сепаратистскими стремленіями, отпаденіемъ своимъ чаще усиливаютъ государство, чѣмъ способствуютъ его упадку. Тѣмъ не менѣе такъ какъ весьма трудно опредѣлить съ точностью, на сколько сепаратистскія стремленія данной части территоріи глубоко вкоренились въ этой мѣстности; такъ какъ весьма естественно ошибаться на этотъ счетъ; и такъ какъ часто случается, что сепаратистскія стремленія лежатъ въ интересахъ одного класса населенія и противны интересамъ другаго класса,—то совершенно понятно, что, въ сомнительныхъ случаяхъ, всякое государство борется съ сепаратизмомъ своихъ частей и что обществу приходится тратить на эту борьбу громадное количество силъ, иногда совершенно безполезно. Въ присутствіи другихъ сильныхъ государствъ, склонныхъ къ хищничеству, ни одно общество не желаетъ быть слабымъ. Но отношенія го-

сударствъ между собою сохранили еще въ значительной степени первобытный характеръ хищничества. Все это ведетъ за собою неизбѣжныя слѣдствія. Такъ какъ существованіе большихъ государствъ есть историческій фактъ, то онъ долженъ быть взятъ въ соображеніе, и, пока карта міра будетъ представлять нѣсколько большихъ государствъ, до тѣхъ поръ совершенно естественно будетъ стремленіе всѣхъ обществъ сплотиться въ большія и сильныя государственныя тѣла для того, чтобы обезпечить свое *самостоятельное* развитіе, и, когда уже государство сплотилось, въ немъ совершенно естественно стремленіе отстаивать всѣми силами свою цѣлость.

Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собою дилемму: чѣмъ государство меньше, слѣдовательно слабѣе для внѣшней борьбы, тѣмъ болѣе ему грозитъ внѣшняя опасность потери самостоятельности; оно можетъ оградить свою самостоятельность лишь дѣлаясь сильнѣе въ этомъ отношеніи и увеличиваясь; но съ тѣмъ вмѣстѣ растетъ различіе въ интересахъ его частей, различіе политическаго вліянія центровъ и остальной страны; растетъ недовольство, и, слѣдовательно, государство, ослабляемое сепаратизмомъ, подвергается большимъ внутреннимъ опасностямъ.

Прогрессъ въ государственномъ строѣ заключается, конечно, въ стремленіи къ разрѣшенію этой дилеммы, т. е. къ постепенному устраненію обоихъ неудобствъ ею высказанныхъ. Это достижимо теоретически лишь такимъ образомъ, чтобы государство сохраняло свое внѣшнее значеніе при возможно-меньшемъ стѣсненіи личностей внутри его и при допущеніи возможно-широкой

политической жизни въ мелкихъ центрахъ населенія. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки сдѣлана попытка,—до сихъ поръ самая широкая въ исторіи,—соединить довольно сильное государственное единство, способное росшириться до какихъ угодно предѣловъ, съ возможно полною самостоятельностью главныхъ центровъ. Но Штаты Сѣверной Америки представляютъ въ этомъ отношеніи еще слишкомъ крупныя единицы, не допускающія всеобщаго участія населенія въ важнѣйшихъ функціяхъ политической жизни, а потому не представляющія ручательства въ томъ, что все населеніе штата считаетъ себя дѣйствительно солидарнымъ съ государственнымъ договоромъ. т. е. конституціею штата. Точно также теоретически и практически очевидно, что центральная конституція союза заключаетъ въ себѣ еще слишкомъ много элементовъ, которые, впослѣдствіи, могутъ быть переданы мѣстнымъ центрамъ безъ потери возможности для всего союза дѣйствовать, какъ одна государственная единица въ отношеніи другихъ государствъ. Такимъ образомъ предъидущая дилемма еще не разрѣшена нигдѣ, но можетъ быть разрѣшена болѣе строгимъ раздѣленіемъ двухъ сторонъ государственной жизни: внутренней и внѣшней. Внѣшняя сторона государственной жизни, — т. е. государство, какъ единичная сила въ системѣ государствъ міра, оставаясь принадлежностью центральной власти, объединяющей территорію, можетъ имѣть естественное стремленіе къ расширенію этой территоріи, но функція эта должна становиться менѣе и менѣе важною по мѣрѣ того, какъ исторія сдѣлаетъ отношенія между государствами менѣе хищническими и столкновеніе между ними

менѣе вѣроятнымъ. Внутренняя же сторона государственной жизни, т. е. именно та, которая можетъ оказаться болѣе или менѣе стѣснительною для отдѣльныхъ мѣстностей и личностей и вызываетъ недовольство, должна переходить все полнѣе и полнѣе къ мельчайшимъ центрамъ, допускающимъ дѣйствительное участіе въ политической дѣятельности почти всѣхъ взрослыхъ личностей. Въ различіи мѣстнаго строя должно отразиться все разнообразіе мѣстныхъ потребностей и мѣстной культуры, при чемъ гражданинъ, стѣсненный условіями политическаго строя одной мѣстности, можетъ перейти въ другой мѣстный центръ, столь же полноправный политически, но болѣе подходящій къ его жизненному идеалу. Обширность территоріи въ этомъ случаѣ не только не можетъ быть стѣснительна, но скорѣе облегчаетъ гражданина, такъ какъ по мѣрѣ этой обширности, растетъ и вѣроятность для него найти мѣстный центръ, соотвѣтствующій его желаніямъ; и въ то же время онъ сохраняетъ сознаніе, что, замѣняя одни политическія условія жизни другими, онъ остается вѣренъ своему общему государственному отечеству. Центральная же власть должна при этомъ удержать за собою охраненіе лишь тѣхъ законовъ, общихъ для всей территоріи, которые составляютъ не исторически-выработанныя условія культуры, не результатъ мѣстныхъ требованій или временныхъ увлеченій, а неизмѣнные выводы науки относительно общечеловѣческой истины и общеловѣческой справедливости,—именно того, что составляетъ указанныя въ предъидущихъ письмахъ условія прогресса и ихъ прямыя, общія слѣдствія. Научность и общечеловѣчность этихъ законовъ должны сами собою имѣть слѣдствіемъ приложи-

мость ихъ ко всѣмъ мѣстностямъ, независимо отъ культурнаго разнообразія общества. Обязательность и принудительность этихъ законовъ можетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что условія прогресса для всего общества—обязательно охранить отъ частныхъ увлеченій личностей; но, по мѣрѣ развитія общества, эта обязательность переходитъ все болѣе изъ государственнаго закона въ личное убѣжденіе, слѣдовательно, все болѣе теряетъ свою принудительность, т. е. особенность государственнаго строя отъ другихъ политическихъ связей... При подобномъ положеніи дѣлъ, отношеніе личностей къ принудительности закона было бы совершенно отлично отъ того, что представляютъ намъ всѣ эпохи исторіи. Всегда личности менѣе развитыя легче приноравливались къ культурѣ, и, при менѣе сильной работѣ мысли, менѣе страдали отъ недостатковъ даннаго строя. Личности же наиболѣе развитыя и всего сильнѣе работавшія мыслію, всего болѣе чувствовали принудительность закона. Въ разсматриваемомъ выше строѣ общества личности мыслящія встрѣтятъ наименѣе препятствія въ государственномъ порядкѣ, потому что возможность дальняго перемѣщенія, безъ оставленія политическаго отечества, дозволитъ имъ жить въ средѣ избранной ими культуры, а научность общегосударственныхъ законовъ дозволитъ имъ направить свои силы не на измѣненіе политическихъ условій, а на болѣе жизненные интересы личнаго и общественнаго развитія. Этимъ путемъ государственный элементъ въ жизни человѣчества доходитъ, какъ уже было сказано, до своего минимума, по мѣрѣ прогрессивнаго развитія общества. Уменьшеніе столкновеній государствъ уменьшаетъ значеніе государственнаго элемента во внѣш-

нихъ отношеніяхъ, а возрастаніе сознанія и осуществленія истины и справедливости, уменьшаетъ его внутреннюю принудительность — какъ исходящую изъ общаго государственнаго центра; та же часть государственной функціи, которая перешла къ мелкимъ частнымъ центрамъ, теряетъ свою принудительность, вслѣдствіе разнообразія мѣстнаго политическаго строя, его соотвѣтствія съ мѣстною культурою и вслѣдствіе полной возможности для личности выбрать удобнѣйшій политическій строй, не выходя изъ предѣловъ отечества. Этимъ путемъ мѣстные центры стремятся обратиться въ свободный общественный союзъ, государство же стремится основать свое существованіе и единство на обязательности разума, а не на историческомъ принужденіи. Государственный договоръ дѣлается, съ одной стороны, свободнымъ договоромъ личностей, съ другой—результатомъ науки.

«Но всего этого нѣтъ нигдѣ» — скажетъ читатель. Государства стоятъ на-сторожѣ другъ противъ друга, все усиливая свои вооруженія и строго охраняя свою цѣлость законами и наказаніями. Государственный договоръ обязателенъ для подданнаго, никогда не спрошеннаго, согласенъ ли онъ на договоръ или нѣтъ; и тутъ также повиновеніе обезпечено страхомъ наказаній. Наука остается на каѳедрахъ и въ книгахъ, не переходя въ кодексы. — Конечно, нынѣшнія государства, въ томъ видѣ какъ они теперь существуютъ, заключаютъ въ себѣ несравненно болѣе слѣдовъ минувшей исторіи, чѣмъ замѣтныхъ стремленій къ прогрессу. Ложная идеализація государственнаго механизма имѣетъ еще много приверженцевъ. Истинная идеализація государства, какъ

охранительнаго элемента общества, заключающаго въ самомъ себѣ стремленіе постоянно спускаться къ минимуму, не только не осуществлена нигдѣ, но и сознана еще очень немногими. Не будемъ порицать настоящаго, потому что оно есть неизбѣжный результатъ прошедшаго. Но въ настоящемъ есть возможность прогресса, и прогрессъ для государства возможенъ лишь на одномъ пути. Если этотъ путь невозможенъ, то прогрессъ для политическаго строя немыслимъ — и политическая исторія останется лѣтописью общественной патологіи.

Будемъ вѣрить въ прогрессъ для политическаго строя.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Естественныя границы государства.

Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ о политическомъ прогрессѣ общества и пришелъ къ тому результату, что этотъ прогрессъ заключается въ уменьшеніи государственнаго элемента въ общественной жизни. Мнѣ пришлось указать, что современный строй общества еще очень недалеко ушелъ на пути этого прогресса и что государственное начало насильственнаго подчиненія одной части населенія территоріи условіямъ жизни, необсужденнымъ этою частью населенія, — есть общее правило для современныхъ обществъ. Такое положеніе дѣлъ тяготѣетъ на личностяхъ тѣмъ болѣе, что государственныя единицы стремятся расшириться для бо̀льшаго ручательства за успѣхъ, въ случаѣ борьбы между государствами, а по мѣрѣ расширенія государственныхъ единицъ, онѣ захватываютъ мѣстности, все болѣе различающіяся между собою по экономическимъ и нравственнымъ потребностямъ населенія. Конечно,

отдѣльныя личности не въ состоянiи бороться противу государства, захватывающаго ихъ жилища въ свою территорiю и налагающаго на нихъ обязанность подданства. Но для обезпеченiя личностей отъ безпрестанныхъ случайностей подобнаго рода, мыслители выставляли различные принципы, которые должны бы указать естественные предѣлы распространенiя государствъ. Еслибы подобные принципы были установлены, то можно было бы научно опредѣлить для каждаго государства законность или незаконность его существованiя, справедливость или несправедливость его завоевательныхъ войнъ, словомъ — идеальную систему раздѣленiя земнаго шара на государственныя территорiи. Тогда всякое государство имѣло бы совершенно опредѣленную цѣль для своего территорiальнаго развитiя и, при всякомъ отклоненiи отъ этой цѣли, оно знало бы, что завѣщаетъ слѣдующимъ поколѣнiямъ тяжелую борьбу, которая все-таки кончится тѣмъ, что государство будетъ когда-нибудь приведено къ своимъ естественнымъ границамъ. Можетъ быть подобное соображенiе устранило бы изъ исторiи человѣчества многiя кровавыя столкновенiя, много страданiй и горя для личностей, такъ какъ надо предполагать, что многiе руководители судебъ народовъ сообразили бы, на сколько нелѣпо проливать кровь и тратить капиталы на предпрiятiя, по самой сущности своей противурѣчащiя естественному теченiю событiй.

Но до сихъ поръ ни одного сколько-нибудь рацiональнаго принципа въ этомъ отношенiи не было выставлено; естественные предѣлы государства оказались въ большинствѣ случаевъ не болѣе, какъ маскою для хищни-

ческихъ поползновеній на захваты того или другаго кусочка землицы. Если внимательно разсмотрѣть дѣятельность разныхъ пріобрѣтателей, возвеличенныхъ исторіею, то предѣлы, къ которымъ они стремились для своихъ государствъ, окажутся въ самомъ дѣлѣ естественными, но совсѣмъ въ иномъ смыслѣ. Они руководствовались весьма простымъ принципомъ, сближающимъ человѣка съ его меньшими зоологическими братьями: бери, что можешь; а при этомъ естественные предѣлы силы опредѣляли и естественные предѣлы государства. Идеаломъ для такихъ пріобрѣтателей всегда было всемірное государство. Ни форма правительства, ни раса завоевателей, ни степень ихъ цивилизаціи въ этомъ случаѣ не представляютъ ни малѣйшей разницы. Тамерланъ, Людовикъ XIV, Александръ Македонскій, Наполеонъ I, римская республика, венеціанская аристократія, сѣверо-американская демократія—имѣли въ виду одно и то же.

Если наши заатлантическіе друзья ограничиваются въ своей политической программѣ материкомъ Новаго свѣта, то это ничто иное, какъ временная стыдливость: во-первыхъ, и программа овладѣнія материкомъ Америки уже довольна обширна, чтобы доставить не мало дѣла нѣсколькимъ послѣдовательнымъ поколѣніямъ; во вторыхъ, государство, охватывающее весь материкъ Америки, будетъ неизбѣжно господствовать надъ всѣми государствами міра; слѣдовательно, ихъ самостоятельность будетъ лишь кажущеюся; наконецъ, въ-третьихъ, что же мѣшаетъ начертать вторую, болѣе широкую программу, когда первая будетъ выполнена?

Изъ разныхъ принциповъ, выставленныхъ до сихъ

поръ для опредѣленія естественныхъ предѣловъ государствъ, лишь два заслуживаютъ особеннаго вниманія, это — стратегическія границы и границы національностей.

Если существенное отношеніе между государствами есть борьба, то совершенно понятно принять за естественные предѣлы для каждаго государства такія линіи, за которыми оно наиболѣе обезпечено отъ нападеній, т. е. можетъ съ наименьшими издержками оградить свою территорію отъ захватовъ. Но подобныя линіи оказываются цѣлесообразными лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда государство готово къ оборонѣ и проникнуто достаточною энергіею для обороны, да еще если силы обороняющагося не чрезъ мѣру уступаютъ силамъ наступающаго; иначе говоря, стратегическія линіи хороши лишь тогда, когда и безъ нихъ оборона страны можетъ быть весьма значительна, если же указанныя условія для нея не существуютъ, то стратегическія границы не помогали никогда. Широкія рѣки и моря столь же мало останавливали искусныхъ и энергическихъ полководцевъ, какъ хребты горъ, китайскія стѣны и пресловутые четырехугольники крѣпостей. Для государства сильнаго матеріально и нравственно всюду оказывается достаточная стратегическая граница; въ минуты политическаго ослабленія такія границы существуютъ лишь на картахъ.

Въ послѣднее время получаетъ болѣе и болѣе вліянія на ходъ историческихъ событій принципъ національностей. Я говорилъ въ одиннадцатомъ письмѣ объ отношеніи личности къ этому принципу и о томъ, какимъ путемъ національность можетъ быть началомъ

прогрессивнымъ. Но тамъ пришлось остановиться на обстоятельствѣ, усложняющемъ вопросъ, именно на случаѣ столкновенія національностей. Разсмотрѣть этотъ случай нельзя было, не взявъ въ соображеніе принципъ государства, такъ какъ столкновеніе національностей происходитъ или въ формѣ столкновенія государствъ, или въ формѣ борьбы внутри государства за его цѣлость и за сепаратизмъ. Хотя исторія не разъ доказывала, что войны происходятъ столь же часто между различными націями, какъ и между обществами, принадлежащими къ одной національности, но въ послѣднее время многіе считаютъ вѣроятнѣйшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ будущихъ войнъ и междоусобій принципъ національности въ его приложеніи къ опредѣленію естественныхъ границъ государства. Въ этомъ отношеніи онъ выражаетъ двойственное стремленіе: первое, *положительное* — объединеніе личностей одной и той же національности въ одно государство; второе, *отрицательное* — освобожденіе личностей изъ государственнаго единства, образуемаго національностію, имъ чуждою. Посмотримъ, на сколько можно считать прогрессивными эти два элемента національнаго принципа.

Первый изъ нихъ можетъ быть сведенъ на слѣдующее положеніе: естественно и справедливо, чтобы одинъ и тотъ же государственный договоръ былъ обязателенъ для всѣхъ личностей, которыхъ культура связала языкомъ, преданіями, образомъ жизни. Весьма понятно, что культурная связь можетъ существовать и для личностей, экономическія, политическія и научныя требованія которыхъ весьма различны. Двѣ группы людей,

говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ, могутъ имѣть совершенно различную обстановку. Промышленные и торговые центры могутъ быть общи для людей, имѣющихъ различный образъ жизни, и различны для людей, сходныхъ по образу жизни. Для одной части національности, интересъ обороны своего существованія отъ хищничества сосѣдей можетъ требовать большей централизаціи управленія и высшихъ прерогативъ для власти, тогда какъ другая часть той же національности, обезпеченная отъ внѣшнихъ нападеній свойствомъ мѣстности, на, которой она обитаетъ, не имѣетъ нужды въ подобной централизаціи и можетъ стремиться свести принудительность государственнаго договора, до минимума. Что же можно признать прогрессивнымъ въ объединеніи этихъ разнообразныхъ группъ однимъ государственнымъ договоромъ?

Неужели можно видѣть прогрессъ въ томъ, что политическія условія, составленныя частію населенія, вслѣдствіе особенныхъ интересовъ и потребностей этой части, будутъ обязательны для населенія другой части территоріи, связанной съ первою лишь единствомъ языка и нѣкоторыми другими особенностями культуры? Ни пониманіе истинныхъ потребностей отдѣльныхъ личностей, ни пониманіе справедливѣйшихъ отношеній между ними не можетъ выиграть отъ этого искусственнаго соединенія однимъ принудительнымъ договоромъ людей, имѣющихъ весьма мало общаго, и въ подобномъ соединеніи всего мѣнѣе можно видѣть внесеніе справедливости въ общественныя формы. Это соединеніе вноситъ въ населеніе государственной территоріи лишь взаимное раздраженіе, т. е. источникъ сепаратистическихъ стремле-

ній, который, какъ уже было сказано, опаснѣе самаго распаденія государства. Оно обращаетъ государство все болѣе и болѣе въ отвлеченное цѣлое, а не въ живую единицу, выдвигаетъ все болѣе и болѣе на видъ, при его объединеніи, не общность интересовъ, культурныхъ привычекъ и вопросовъ въ области мысли, а принудительность договора, поддержаннаго административною организаціею и силою оружія. Поэтому, слитіе обществъ одной національности въ одно государство не представляетъ никакого ручательства въ содѣйствіи прогрессу обществъ, и чѣмъ значительнѣе распространеніе данной національности, слѣдовательно, чѣмъ значительнѣе территорія государства, ею образуемаго, тѣмъ вѣроятнѣе, что стѣсненіе населенія государственнымъ договоромъ усилится и явится большою помѣхою общественному прогрессу.

Но есть еще поводъ предполагать, что государственное объединеніе національности скорѣе можетъ противодѣйствовать прогрессу общества, чѣмъ способствовать ему. Я говорилъ въ прежнихъ письмахъ о томъ, что цивилизація выдвигала постоянно впередъ меньшинство, пользующееся ея выгодами, и на которомъ лежала обязанность распространить эти выгоды на большинство. Хотя это было и нравственною обязанностью и заключало въ себѣ требованіе пользы самаго меньшинства, но подобная задача, какъ извѣстно изъ исторіи, выполнялась въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Напротивъ, меньшинство, пользовавшееся благами данной цивилизаціи, — вслѣдствіе дурно продуманнаго эгоизма, — хотѣло большею частію присвоить себѣ монополію выгодъ цивилизаціи, оставляя на долю большинства

лишь ея тягости. Лучшимъ орудіемъ для подобныхъ стремленій обыкновенно служила и могла служить государственная организація. Помощью ея, меньшинство монополистовъ цивилизаціи пыталось упрочить себѣ ея выгоды и подавлять всякую попытку къ измѣненію порядка вещей въ обществѣ,—измѣненію, которое бы имѣло цѣлью внести въ общество болѣе справедливыя отношенія между личностями. Подобныя попытки, вызываемыя общественными страданіями, тѣмъ не менѣе дѣлались личностями, и это, какъ мы уже видѣли, былъ единственный путь прогрессивнаго развитія для общества. Слѣдовательно, прогрессъ общества требовалъ, чтобы для отдѣльныхъ личностей были *возможны* попытки критически относиться къ существующему общественному строю, распространять свои идеи, собрать около себя единомышленниковъ и образовать партію, которая бы вступила въ борьбу за болѣе истинное пониманіе и болѣе справедливое осуществленіе общественныхъ задачъ. Конечно, подобная борьба личностей за общественный прогрессъ имѣла главнымъ орудіемъ своимъ проповѣдь словесную или письменную, на языкѣ того общества, строй котораго имѣла въ виду критика личностей и на которое имъ необходимо было подѣйствовать для своихъ реформаціонныхъ цѣлей. Но столь же неизбѣжно было и то, что именно на эти личности направлялись въ особенности удары гусударственной организаціи, имѣвшей въ виду охранить монополію меньшинства въ пользованіи выгодами цивилизаціи. Поэтому, если всѣ личности, говорившія даннымъ языкомъ, жили въ предѣлахъ *одной* государственной территоріи, то дѣйствіе личностей на населеніе территоріи было очень за-

труднено; критическая мысль слабѣла; образованіе реформаторскихъ партій встрѣчало значительныя препятствія; личности, пытавшіяся вывести общество на болѣе прогрессивную дорогу, большею частію гибли въ борьбѣ — и прогрессъ общества замедлялся. Напротивъ, когда нѣсколько независимыхъ государствъ употребляли одинъ и тотъ же языкъ, то между ними весьма скоро возникало соперничество не только въ сферѣ политическаго вліянія, но и вообще въ области мысли. Личности, критическія стремленія которыхъ подвергали и могли подвергнуть ихъ преслѣдованію въ одномъ государствѣ, находили убѣжище въ другомъ. Ихъ мысль крѣпла на свободѣ. Общность культурныхъ условій въ обоихъ государствахъ дозволяла легко распространяться слову и мысли изъ одного государства въ другое, несмотря ни на какія препятствія. Партія прогресса усиливалась и вѣроятность прогрессивныхъ реформъ въ обществѣ становилась значительнѣе.

Исторія представляетъ множество примѣровъ въ подтвержденіе этого положенія. Раздѣленіе греческаго міра на независимые центры способствовало развитію греческой мысли не только въ эпоху свободныхъ республикъ, но даже въ эпоху деспотическихъ діадоховъ. Единство римскаго государства раздавило развитіе критической мысли. Феодальный міръ Европы, не смотря на дикость его цивилизаціи, на крайнюю бѣдность его культуры, далъ начало сатирической и полемической литературѣ, смѣлость которой едва вообразима во время ужасовъ инквизиціи и полнѣйшаго самоуправства властителей, не ставившихъ жизнь и свободу личности ни во что. Критика старой Франціи въ періодъ Бурбоновъ

сдѣлалась возможна и вліятельна лишь потому, что ни Людовикъ XIV, ни Людовикъ XV не могли помѣшать существованію французской литературы за предѣлами ихъ государства, среди населенія, говорившаго пофранцузски. Едва ли германская философская мысль могла бы получить такое блестящее развитіе и такое независимое отношеніе къ своему предмему, еслибы германскіе университеты не были разсѣяны въ независимыхъ государствахъ, соперничествовавшихъ въ области мысли, какъ древніе діадохи, не смотря на свою склонность къ абсолютизму. Даже для древней Руси можно замѣтить, что преобладаніе сѣверной Руси надъ южною и потомъ Москва надъ Русью, при паденіи самостоятельныхъ народоправствъ, шло впередъ рядомъ съ ослабленіемъ работы мысли. Въ Московской Руси критика могла уже проявляться лишь въ формѣ Стеньки Разина и раскола. Все это приводитъ къ заключенію, что раздробленіе національностей на независимыя государства гораздо болѣе способствуютъ прогрессу обществъ, входящихъ въ составъ данной національности, чѣмъ соединеніе всей націи, говорящей какимъ-либо языкомъ, подъ законы одного государства. Имѣя это въ виду, прогрессивныя партіи должны болѣе заботиться о независимости территорій, лежащихъ за предѣлами ихъ политическаго отечества, но имѣющихъ съ нимъ общій языкъ, чѣмъ о включеніи ихъ въ одно государство. Конечно, здравомыслящіе французскіе прогрессисты должны видѣть, что для нихъ выгоднѣе, чтобы Бельгія и Женева остались независимы, чѣмъ входили въ державу наполеонидовъ. Тамъ же, гдѣ подобныхъ независимыхъ территорій не оказывается, прогрессивная партія должна

всѣми силами бороться объ ихъ образованіи, такъ какъ онѣ представляютъ важное пособіе свободной критикѣ личностей, распространенію независимой мысли и усиленію прогрессивной партіи. Вообще можно сказать, что *положительная* сторона національнаго принципа въ раздѣленіи территоріи не должна считаться прогрессивною, и нація, стремящаяся къ достиженію естественныхъ государственныхъ границъ въ томъ смыслѣ, чтобы въ нихъ включить всѣ личности, говорящія ея языкомъ, весьма ошибается, если видитъ въ этомъ стремленіи прогрессъ.

Отрицательная сторона принципа національностей имѣетъ большое значеніе. Различіе языка и культурныхъ привычекъ большею частію обусловливаетъ достаточную разницу въ экономическихъ, политическихъ и научныхъ потребностяхъ, чтобы государственное единство при этихъ условіяхъ сдѣлалось крайне затруднительнымъ. Большею частью при соединеніи различныхъ національностей въ одно государство, договоръ, ихъ связующій, выгоденъ для одной національности, стѣснителенъ для другой и возбуждаетъ ихъ взаимную вражду. Исходъ столкновеній можетъ заключаться или въ томъ, что сильнѣйшая національность поѣдаетъ слабѣйшую, подавляя мало-по-малу ея особенности, или въ томъ, что государственное единство все болѣе стремится перейти въ федеративный союзъ отдѣльныхъ государствъ. При этомъ совершенно естественно, что слабѣйшая національность, всѣми силами отстаивая свое существованіе, стремится составить особое государство, такъ какъ въ противномъ случаѣ ей грозитъ гибель. Борьба за свое существованіе есть борьба вполнѣ

законная, слѣдовательно и стремленіе къ государственному обособленію въ этомъ случаѣ совершенно естественно. Столь же естественно, въ виду борьбы между большими государствами, какъ я говорилъ въ послѣднемъ письмѣ, стремленіе государственной власти сохранить единство государственнаго цѣлаго. При этомъ сталкиваются два естественныя стремленія; но вопросъ о справедливости и прогрессѣ нисколько не связанъ нераздѣльно съ тѣмъ или другимъ. Какъ всякое другое знамя общественныхъ партій, и сепаратизмъ во имя національности, и стремленіе поддержать государственное единство, могутъ быть явленіями прогрессивными въ одномъ случаѣ, ретроградными въ другомъ. Рѣшеніе вопроса зависитъ отъ совокупности обстоятельствъ, а не отъ котораго-либо изъ нихъ, взятаго въ отдѣльности.

Каждая національность, въ данную эпоху своей исторіи, лишь настолько имѣетъ право на сочувствіе мыслителя, насколько она, въ формахъ своей цивилизаціи, осуществила стремленія къ истинѣ и справедливости. При столкновеніи національностей по вопросу о государственномъ единствѣ или сепаратизмѣ, побѣда во имя прогресса желательна для той національности, которая воспитала въ себѣ болѣе критическое отношеніе къ вопросамъ въ области мысли, болѣе живое стремленіе къ практическому осуществленію того, что справедливѣе. Національность, опирающаяся въ своихъ требованіяхъ на грубую силу численнаго преобладанія, на преданія, чуждыя научной критики, на пережитые давно періоды исторіи, на трактаты, когда-то оградившіе права хищниковъ формою договора,—сама себѣ под-

писываетъ приговоръ въ процессѣ историческаго столкновенія народовъ. Исторія тѣмъ именно отличается отъ остальныхъ процессовъ природы, что въ ней явленія не повторяются, и прошедшее остается для нея лишь воспоминаніемъ. Еслибы во имя минувшаго можно было передѣлывать настоящее, то подобная передѣлка не имѣла бы конца, такъ какъ за полувѣковымъ минувшимъ возстало бы минувшее вѣковое, за нимъ двухвѣковое и т. д., и т. д. Каждое со *своими* легендарными столкновеніями и желаніями, со *своими* героями и злодѣями. Минувшее минуло и не можетъ быть судьею настоящаго. Судьею настоящаго является еще неосуществленное будущее въ его идеалахъ истины и справедливости, такъ какъ они живутъ въ умахъ мыслителей настоящаго.

Предъ мыслителемъ въ основѣ всего лежитъ неизмѣнный законъ природы, который нарушить нельзя ни для какихъ стремленій къ лучшему, истиннѣйшему и справедливѣйшему. Предъ мыслителемъ фактическое распредѣленіе матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ въ настоящемъ, распредѣленіе, сдѣланное минувшею исторіею, котораго не признать тоже нельзя изъ-за новыхъ идеаловъ, потому что оно совершилось. Предъ мыслителемъ идеалы истины и справедливости, выработанные вокругъ него и въ немъ самомъ исторіею. Въ нихъ заключаются движущія силы будущаго, дѣйствіе которыхъ обусловлено неизмѣнными законами природы и данною почвою историческихъ фактовъ. Во имя этихъ идеаловъ, и только во имя ихъ, можно объявить настоящее распредѣленіе силъ неправильнымъ. Никакое другое право не можетъ быть признано предъ судомъ совер-

ности,—тамъ идетъ борьба не за прогрессъ, не за человѣчныя стремленія; тамъ мыслитель отворачивается, сожалѣя о тратѣ силъ и крови. Тамъ лишь любитель историческихъ мелодрамъ съ жадностью слѣдитъ за кровавою борьбою гладіаторовъ, за фанатическимъ самоотверженіемъ рыцарей минувшаго, съ ихъ разнообразными девизами. Гомериды будутъ всегда воспѣвать поединки Ахилловъ и Гекторовъ, но какой смыслъ для Аристотеля имѣетъ борьба за прекрасную Елену?

Когда національность проникласъ требованіями истины и справедливости, когда она рѣшилась разорвать связи съ минувшимъ, и служить прогрессу, то она имѣетъ право отстаивать свое обособленіе отъ государственнаго единства, стѣсняющаго ея стремленія; или, если она достигла уже государственнаго преобладанія, она имѣетъ полное право употреблять самыя энергическія мѣры, чтобы отстоять свою прочность и матеріальную силу своей политической организаціи, рядомъ съ сосѣдями, стоящими на низшей ступени цивилизаціи. Прогрессивная національность имѣетъ право на выдѣленіе изъ менѣе прогрессивнаго государства. Прогрессивная национальсть имѣетъ право на подавленіе сепаративныхъ стремленій національностей, менѣе прогрессивныхъ, и связанныхъ съ нею исторически государственнымъ договоромъ. Но это послѣднее, *абстрактное* право, *никогда* не приходится прилагать на практикѣ, такъ какъ прогрессивной національности не приходится бороться съ сепаратизмомъ всего населенія части территоріи, а развѣ съ однимъ классомъ жителей послѣдней. Такъ, сѣверные штаты боролись не противъ всего населенія южныхъ, а противъ меньшинства насе-

содержанія, то оно становится идоломъ, предъ которымъ приносить кровавыя жертвы безсмысленно. Реальное содержаніе понятію даетъ лишь личность въ своемъ развитіи. Внеся въ понятіе о государствѣ требованіе истины и справедливости, личность обращаетъ предразсудочнаго идола въ нераздѣльный элементъ высшаго общественнаго идеала и для этого идеала всякія жертвы разумны и справедливы. Обособленіе національности устраняется, какъ несущественный вопросъ тамъ, гдѣ государство, хотя издалека, подходитъ къ идеальнымъ требованіямъ, и это доказываетъ примѣръ сѣверо-американскихъ штатовъ, гдѣ эмигранты цѣлаго міра уже во второмъ поколѣніи, а иногда и въ первомъ, становятся просто американцами. Сепаратизмъ южныхъ штатовъ не имѣлъ права заявлять себя предъ конституціею, лучше которой еще ничего не представила исторія, и предъ установленіемъ равноправности расъ, которой пришлось противупоставить лишь апологію невольничества. Съ другой стороны, многочисленныя сепаратистскія стремленія въ Европѣ и южной Америкѣ имѣли весьма часто право за себя, потому что государства, противъ единства которыхъ вооружались сепаратисты, были весьма далеко отъ допущенія свободной критики въ мысли и отъ воплощенія справедливости въ общественныхъ формахъ. Здѣсь право склонялось тѣмъ болѣе на сторону сепаратистовъ, чѣмъ прогрессивнѣе былъ государственный идеалъ, къ которому они стремились при обособленіи. Тамъ же, гдѣ и защитники единства государства и сепаратисты спорятъ изъ-за мнѣній и изъза призраковъ минувшаго, въ весьма незначительной степени внося въ свои требованія идеалы современ-

ности,—тамъ идетъ борьба не за прогрессъ, не за человѣчныя стремленія; тамъ мыслитель отворачивается, сожалѣя о тратѣ силъ и крови. Тамъ лишь любитель историческихъ мелодрамъ съ жадностью слѣдитъ за кровавою борьбою гладіаторовъ, за фанатическимъ самоотверженіемъ рыцарей минувшаго, съ ихъ разнообразными девизами. Гомериды будутъ всегда воспѣвать поединки Ахилловъ и Гекторовъ, но какой смыслъ для Аристотеля имѣетъ борьба за прекрасную Елену?

Когда національность проникласъ требованіями истины и справедливости, когда она рѣшилась разорвать связи съ минувшимъ, и служить прогрессу, то она имѣетъ право отстаивать свое обособленіе отъ государственнаго единства, стѣсняющаго ея стремленія; или, если она достигла уже государственнаго преобладанія, она имѣетъ полное право употреблять самыя энергическія мѣры, чтобы отстоять свою прочность и матеріальную силу своей политической организаціи, рядомъ съ сосѣдями, стоящими на низшей ступени цивилизаціи. Прогрессивная національность имѣетъ право на выдѣленіе изъ менѣе прогрессивнаго государства. Прогрессивная національсть имѣетъ право на подавленіе сепаративныхъ стремленій національностей, менѣе прогрессивныхъ, и связанныхъ съ нею исторически государственнымъ договоромъ. Но это послѣднее, *абстрактное* право, *никогда* не приходится прилагать на практикѣ, такъ какъ прогрессивной національности не приходится бороться съ сепаратизмомъ всего населенія части территоріи, а развѣ съ однимъ классомъ жителей послѣдней. Такъ, сѣверные штаты боролись не противъ всего населенія южныхъ, а противъ меньшинства насе-

ленія, стремившагося удержать за собою власть надъ большинствомъ. При подобныхъ обстоятельствахъ борьба правомѣрна лишь въ томъ случаѣ, когда національность, отстаивающая цѣлость государства, *дѣйствительно* имѣетъ въ виду улучшить состояніе подавленнаго большинства, и можетъ ему принести *дѣйствительно* высшія общественныя начала, чѣмъ національность, стремящаяся къ сепаратизму. Такъ было въ Америкѣ.

Можетъ представиться вопросъ: если государственное начало, въ своемъ прогрессивномъ развитіи, должно придти къ минимуму, то не слѣдуетъ ли прогрессивнымъ партіямъ устраниться вовсе отъ политическихъ вопросовъ и обратиться исключительно къ другимъ сторонамъ общественной дѣятельности? Такъ какъ уже было сказано, что историческія условія составляютъ почву *возможнаго* для всякой дѣятельности, то въ нихъ надо искать и рѣшенія вопроса. Такъ какъ самыя прогрессивныя партіи составляютъ еще меньшинство человѣчества и самыя прогрессивныя національности подвергаются опасности хищническаго насилія со стороны сосѣдей, то онѣ должны готовиться къ борьбѣ, должны отстаивать прогрессъ и въ томъ, чтобы доставить ему болѣе матеріальной силы. Отсюда временная обязанность для прогрессивныхъ партій не только отстаивать свои идеи путемъ критики и воплощать ихъ путемъ убѣжденія, но и пользоваться существующими государственными организаціями для того, чтобы бороться съ враждебными партіями, стоящими во главѣ другихъ государствъ.

Конечно, это обязанность лишь временная, вызываемая хищничествомъ, которое господствуетъ въ сноше-

ніяхъ между государствами, и опасностью политическихъ войнъ. Мы видѣли, что политическій прогрессъ заключается въ доведеніи государственнаго элемента въ обществѣ до минимума, т. е. въ устраненіи всякой принудительности политическаго договора для личностей съ нимъ несогласныхъ. Такъ какъ этотъ прогрессъ уничтожаетъ сепаратистскія стремленія въ самомъ ихъ зародышѣ, то съ тѣмъ вмѣстѣ исчезнутъ и поводы борьбы между національностями, поводы къ стѣсненію однѣхъ національностей другими, во имя государственнаго единства. Вмѣстѣ съ тѣмъ потеряетъ свое значеніе и вопросъ о естественныхъ границахъ государствъ. Временные экономическіе, культурные или научные интересы должны сблизить общества и опредѣлить временную территорію федераціи, имѣющей опредѣленную цѣль. Эта цѣль измѣняетъ, расширяетъ и съуживаетъ границы федераціи, которыя остаются всегда естественными. Что касается до высшаго единства, то, какъ мы видѣли въ прошломъ письмѣ, оно должно быть скрѣплено общечеловѣческою наукою, для которой естественныхъ границъ ни на какой картѣ начертить нельзя.

Согласится ли или не согласится со мною читатель, что таково вѣроятное, — или, по крайней мѣрѣ возможное—будущее, но относительно прошедшаго онъ, конечно, очень хорошо знаетъ, что дѣло было не такъ. Принудительное начало внутри государствъ и хищническія отношенія между государствами преобладали. Совершенно естественно, что подобное положеніе дѣлъ было всего тяжелѣе тому меньшинству, которое выдѣлилось изъ массы по силѣ ума и по энергіи характера. По этому понятно, что умъ и характеръ передовыхъ

личностей въ прошедшемъ были всего чаще и всего замѣтнѣе обращены на вопросы политическіе. Когда принудительная сила была въ рукахъ лицъ, заинтересованныхъ въ тѣхъ самыхъ вопросахъ, которые вызывали принужденіе, то всего естественнѣе было ожидать злоупотребленій силы. Эти злоупотребленія, въ свою очередь, вызывали всего скорѣе оппозицію, образованіе партій, борбу силъ, и потому именно самая замѣтная сторона исторіи—была исторія государственной борьбы. Кому будетъ принадлежать фактически право устанавливать государственный договоръ? Насколько могутъ отдѣльныя личности и общества вліять на его составленіе, протестовать противъ его неудобствъ и требовать его измѣненія? Кому придется подчиняться государственному договору, не обсуждая его? Споръ изъ-за этихъ вопросовъ составляетъ всю сущность борьбы личностей за короны, за санъ визирей или портфели отвѣтственныхъ министровъ,—борьбы политическихъ партій въ прессѣ, въ парламентахъ, на площадяхъ и на поляхъ сраженій, — борьбы народовъ за самостоятельность или подчиненіе другихъ,—борьбы государствъ за преобладаніе,—борьбы лучшихъ людей за политическій прогрессъ.

Но это—наиболѣе *видимая* сторона исторіи, ея драматическая внѣшность, ея пестрая одежда. Интересъ мыслящаго историка ищетъ подъ этою внѣшностью болѣе существенныхъ началъ. Самыя драматическія эпохи иногда указываютъ лишь трату силъ на вопросы маловажные. Самыя даровитыя личности иногда употребляли свой умъ и свою энергію на цѣли весьма ничтожныя. Успѣхъ и блескъ дѣятельности не доказываетъ еще вы-

сокаго человѣчнаго значенія личности. Перспектива фактовъ въ исторіи должна соотвѣтствовать значенію этихъ фактовъ для прогресса человѣчества. Тотъ элементъ, расширеніе котораго наиболѣе важно для прогресса, можетъ имѣть значеніе и въ своихъ едва замѣтныхъ проявленіяхъ. Тотъ же, который долженъ терять значеніе по мѣрѣ прогресса общества, имѣетъ наименѣе правъ на вниманіе историка.

По мѣрѣ прогрессивнаго развитія общества, государственный элементъ доходитъ въ немъ до минимума; слѣдовательно, политическая исторія представляетъ наименьшій интересъ для того, кто хочетъ найдти какой либо смыслъ въ исторіи человѣчества. При каждомъ внѣшнемъ столкновеніи государствъ, какъ при каждомъ внутреннемъ ихъ потрясеніи, историкъ долженъ спросить себя прежде всего: какіе внѣ-государственные элементы играли роль въ этомъ столкновеніи, въ этомъ потрясеніи? Отъ каждаго вліятельнаго дѣятеля слѣдуетъ требовать отчетъ: что онъ сдѣлалъ, чтобы уменьшить дѣйствіе принудительнаго, государственнаго элемента на общество? насколько онъ содѣйствовалъ или противодѣйствовалъ прогрессу внѣ-государственныхъ элементовъ? Расширенія и распаденія государствъ, обширныя завоевательныя предпріятія, кровавыя битвы, дипломатическія хитрости, административныя распоряженія — получаютъ съ этой точки зрѣнія новый интересъ, но уже совершенно иной, чѣмъ тотъ, который они имѣли въ глазахъ прежнихъ историковъ. Сами по себѣ, эти явленія никакой важности не имѣютъ: это метеорологическіе процессы исторіи. Сильные ураганы, землетрясенія, эпидеміи, особенно-красивыя сѣверныя сіянія, не-

обычное рожденіе близнецовъ или уродовъ суть факты совершенно-одинаковаго значенія съ процессами, указанными выше. Въ обоихъ случаяхъ фактъ для ученаго важенъ не самъ по себѣ, а по его слѣдствіямъ или по его причинамъ. Онъ возбуждаетъ вниманіе и тщательно изучается или для отысканія новаго общаго закона основныхъ явленій физическихъ и психическихъ, или для того, чтобы вызвать въ будущемъ выгодныя распредѣленія фактовъ и устранить вредныя. Какія потребности и мысли вызвали то или другое политическое явленіе? Насколько оно способствовало появленію новыхъ потребностей и измѣненію прежнихъ? На сколько оно расшатало прежнюю культуру или укрѣпило ее? На сколько оно дало толчокъ новому развитію мысли? — Вотъ существенные вопросы исторіи относительно каждаго политическаго явленія.—За ними являются другіе: на сколько въ этомъ явленіи можно изучить психическіе процессы личности, гибкость ея мысли, ея стремленіе къ личному развитію и къ справедливости? На сколько въ немъ можно изучить вліяніе общественной культуры на психическую жизнь личности? — Рѣшеніе первыхъ вопросовъ указываетъ собственно-историческое значеніе политическихъ событій; рѣшеніе вторыхъ уясняетъ важность этихъ событій, какъ матеріала для личной психологіи и для соціологіи. Въ обоихъ случаяхъ политической исторіи придаютъ значеніе задачи высшихъ частей естествознанія или задачи исторіи цивилизаціи.

Эти задачи я указалъ уже въ первомъ письмѣ, но теперь ихъ можно формулировать нѣсколько иначе. Исторія цивилизаціи должна показать: какъ изъ естественныхъ по-

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ.

Критика и вѣра.

Въ рядѣ предъидущихъ писемъ я разобралъ главнѣйшіе девизы, обыкновенно стоящіе на знаменахъ общественныхъ партій и для всѣхъ ихъ оказалось вѣрно высказанное еще прежде вообще положеніе: ни одинъ изъ нихъ самъ по себѣ не есть выраженіе прогресса; смотря по обстоятельствамъ, онъ представляетъ реакцію или движеніе впередъ, получаетъ жизненное значеніе или дѣлается пустымъ словомъ. Постоянно надъ этими девизами работаетъ ложная идеализація, прикрывая ими совершенно постороннія для нихъ, вовсе неидеальныя влеченія, забывая тѣ естественныя потребности, которыя дозволяютъ идеализацію истинную, человѣчную. Такимъ образомъ, великія идеи, двигатели исторіи, лишь въ ихъ конкретномъ смыслѣ, какъ знамя опредѣленныхъ личностей, при опредѣленныхъ обстоятельствахъ, суть дѣйствительно идеи *великія*. Лишь постоянная критика ихъ историческаго конкретнаго со-

держанія, можетъ придать личности увѣренность, что, становясь подъ знамя, на которомъ написано громкое слово, личность не преслѣдуетъ призрака или не дѣлается орудіемъ въ рукахъ разсчетливыхъ и своекорыстныхъ интригановъ.

Но читатель имѣетъ право спросить меня, встрѣчая постоянно возвращающееся слово *критика* на этихъ страницахъ: если личность будетъ всегда имѣть въ виду критику и только критику, то не отнимаетъ ли она сама у себя энергію дѣйствія? Критика предполагаетъ неувѣренность, колебаніе, достаточное время для взвѣшиванія аргументовъ за и противъ. Но жизнь всегда ли даетъ досугъ? Когда человѣкъ гибнетъ предъ нашими глазами, есть ли время разсуждать, на сколько полезно или вредно спасти его? Когда политическая буря, по какому-нибудь случайному поводу, взволновала общество и масса, лишенная предводителей, можетъ ринуться на ложную дорогу, принять друзей за враговъ и враговъ за друзей, или потерять всю выгоду своей силы и своего одушевленія вслѣдствіе нерѣшительности; неужели тогда истинный гражданинъ, понимающій положеніе дѣлъ, имѣетъ право колебаться, упускать минуту? То, что прекрасно въ кабинетѣ, можетъ не годиться на площади; то, что необходимо ученому, можетъ быть вредно для общественнаго дѣятеля.

Это справедливо; но дѣло въ томъ, что критика есть дѣло всей жизни, привычка, которую человѣкъ долженъ пріобрѣсти и усвоить, чтобы имѣть право на названіе развитой личности. Плохъ тотъ, который до той минуты, когда видитъ гибнущаго человѣка, не подумалъ и не усвоилъ себѣ убѣжденія: должно ли спасать чело-

вѣка, который гибнетъ при данныхъ условіяхъ? Не имѣетъ права считать себя общественнымъ дѣятелемъ тотъ гражданинъ, который оставался на столько чуждъ историческому движенію, что народный взрывъ застаетъ его врасплохъ и ему еще приходится колебаться и обдумывать: что сказать? что сдѣлать? куда идти? гдѣ правда? какое знамя есть знамя минуты? Эпохи, вызывающія человѣка къ рѣшительной, дѣятельности, рѣдки, и вся жизнь служитъ къ нимъ подготовленіемъ. Никто не можетъ сказать, когда личныя или общественныя обстоятельства станутъ передъ нимъ съ грозными словами: иди и дѣлай свое дѣло. Поэтому, каждый долженъ постоянно готовиться. Выработывая въ себѣ личность, человѣкъ рѣшаетъ всевозможные вопросы жизни. Приглядываясь къ пестрой волнѣ исторіи, человѣкъ, воспитывается для борьбы въ ту минуту, когда онъ понадобится. Критика ему нужна не *при наступленіи* дѣла, а *для* этого дѣла.

Минута настала. Голосъ брата зоветъ его на помощь. Общество проснулось въ негодованіи отъ долгой спячки. Знамена враждебныхъ партій развернулись тамъ и здѣсь. Критика сдѣлала свое дѣло. Подводя итогъ капиталу своихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, человѣкъ бросаетъ этотъ капиталъ въ предпріятіе. Чѣмъ строже, осмотрительнѣе, холоднѣе, обширнѣе была его критика, тѣмъ могущественнѣе и жарче теперь его *вѣра*.

Да, вѣра двигаетъ горы,—и только она. Въ минуту дѣйствія она должна овладѣть человѣкомъ, или онъ окажется безсильнымъ въ то самое мгновеніе, когда надо развить всѣ свои силы. Не враги опасны борющимся партіямъ; имъ всего опаснѣе невѣрующіе, индиферен-

тисты, находящіеся въ ихъ рядахъ; люди, становящіеся подъ знаменемъ партій, провозглашающіе ихъ девизы иногда громче, чѣмъ самые преданные предводители: люди, отвергающіе критику этихъ девизовъ, пока есть еще время для критики, но именно тогда, когда минута наступила, когда надо дѣйствовать, принимающіеся за критику, колеблющіеся и готовые оставить битву, когда она началась.

Самыя вѣскія слова обыкновенно представляли возможность придавать имъ самый разнообразный смыслъ, но едва ли слово *вѣра* не принадлежитъ къ тѣмъ, которыя вызывали наибольшіе споры, именно вслѣдствіе недоразумѣній, такъ такъ спорящіе, употребляя одно и то же слово, говорили о совершенно различныхъ предметахъ.

Нѣтъ никакой необходимости связывать со словомъ вѣра представленіе о разнообразныхъ религіозныхъ культахъ, миѳахъ, догматахъ, философскихъ міросозерцаніяхъ. Люди *вслѣдствіе* своей вѣры защищали и проповѣдывали миѳы и догматы, совершали обряды разныхъ культовъ, но это было лишь *одно* изъ приложеній вѣры. Точно также нѣтъ никакой необходимости связывать терминъ вѣра лишь съ представленіемъ сверхъестественнаго. Обиходная жизнь, природа и исторія въ ихъ разнообразіи представляютъ весьма обширный матеріалъ для процесса вѣры, и тотъ, кто пріобрѣлъ привычку относиться скептически ко всему, что не имѣетъ аналогій въ мірѣ наблюденія, можетъ быть очень склоненъ въ вѣрѣ.

Вѣра есть психическая или внѣшняя дѣятельность, гдѣ присутствуетъ сознаніе, но отсутствуетъ критика.

Когда человѣкомъ овладѣло представленіе, которое онъ уже не разбираетъ, но которое ложится въ основу разбора другихъ представленій и понятій, онъ вѣритъ въ это представленіе. Когда по слову другаго человѣка, онъ дѣйствуетъ, обдумывая, *какъ бы* осуществить это слово, а не обдумывая уже, нужно ли осуществить это его,—онъ вѣритъ этому человѣку. Когда онъ поставилъ себѣ цѣль и подвергаетъ критикѣ лишь *способы* ея достиженія, а не самую *цѣль*, онъ вѣритъ своей цѣли.

Поэтому сказать, что вѣра противуположна критикѣ можно, но въ ограниченномъ смыслѣ. То, во что человѣкъ вѣрилъ, онъ уже не подвергаетъ критикѣ. Но это нисколько не исключаетъ случая, что предметъ сегодняшней вѣры *былъ* вчера подвергнутъ критикѣ. Напротивъ, такова самая твердая вѣра и единственно раціональная, единственно прочная. Повѣркою вѣры представляется дѣйствіе въ ту минуту, когда есть поводы дѣйствовать такъ и иначе. Но если вѣра моя не есть слѣдствіе критики, т. е. не имѣла случая подвергаться возраженіямъ, то кто мнѣ ручается, что въ минуту дѣйствія поводы, побуждающіе меня дѣйствовать несогласно съ этою вѣрою, не пошатнутъ ее?

Лишь критика созидаетъ прочныя убѣжденія. Лишь человѣкъ выработавшій въ себѣ прочныя убѣжденія, находитъ въ этихъ убѣжденіяхъ достаточную силу вѣры для энергическаго дѣйствія. Въ этомъ отношеніи вѣра не противуположна критикѣ по существу, а по времени; это два разные момента развитія мысли. Критика подготовляетъ дѣятельность; вѣра вызываетъ дѣйствіе.

Въ фантазіи художника объединился идеалъ. Художникъ подвергъ его строгой, научной и эстетической кри-

тикѣ въ его частностяхъ. Эта критика выяснила ему все болѣе и болѣе художественныя формы въ ихъ отдѣлкѣ. И вотъ цѣльный, живой идеалъ сталъ передъ мыслью художника. Онъ беретъ кисть или рѣзецъ и воплощаетъ этотъ идеалъ, потому что *вѣритъ* въ его жизнь, въ его красоту. Иначе дѣятельность его нерѣшительна и не вдохновенна. Когда картина или статуя стали объективны, надъ ними можетъ начаться новый процессъ критики и художникъ недовольный своимъ произведеніемъ, можетъ быть, разрушитъ его. Но въ процессѣ художественнаго творчества критика не участвуетъ, а участвуетъ вѣра въ идеалъ.

Ученый тщательно опредѣлилъ и взвѣсилъ факты. Невольно они группируются въ его мысли въ законъ, болѣе или менѣе гипотетическій. Другіе факты, ему извѣстные, сами собою возникаютъ въ его памяти, какъ подтверждающіе, дополняющіе, расширяющіе найденную научную аналогію. Онъ провѣряетъ себя еще и еще. Критика сдѣлала свое дѣло. Онъ убѣжденъ въ полученной истинѣ. И вотъ онъ всходитъ на каѳедру объявить ученикамъ новое пріобрѣтаніе науки. Онъ резюмируетъ опытъ, предупреждаетъ возраженія, выставляетъ на видъ аналогіи и указываетъ новыя вѣроятныя открытія. Въ это время онъ уже не критикуетъ, не колеблется; онъ *вѣритъ* въ силу и полноту своей критики, онъ проповѣдуетъ новую истину. Пока онъ не *повѣрилъ*, онъ не объявитъ ее, именно потому, что цѣнитъ критику выше всего.

Человѣкъ сближается съ другимъ человѣкомъ, видитъ его достоинства и недостатки; знаетъ, на сколько его пріятель можетъ увлекаться и можетъ относиться

раціонально къ различнымъ предметамъ. Въ данную минуту, на основаніи словъ пріятеля, надо дѣйствовать такъ или иначе. Совершившійся заранѣе процессъ критики даетъ результатъ. Человѣкъ вѣритъ или не вѣритъ своему пріятелю. Онъ рѣшается и дѣйствуетъ на основаніи своей вѣры.

Жизнь и общественная исторія ставятъ предъ человѣкомъ подобный же вопросъ. Человѣкъ вырабатывалъ идеалы истины и справедливости, развивался подъ вліяніемъ этихъ идеаловъ и развивалъ ихъ подъ вліяніемъ накопляющагося опыта жизни и критическаго процесса мысли. Человѣкъ изучалъ культуру общества его окружающаго, работу мысли въ немъ совершающуюся и конкретный смыслъ различныхъ девизовъ современныхъ партій. Онъ призналъ не идеально-совершенное, но историческо-лучшее *здѣсь*, а худшее *тамъ*. Онъ знаетъ, что и здѣсь нѣтъ полной истины и справедливости, а тамъ нѣтъ *безусловнаго* зла и лжи. Но онъ понялъ, что при данныхъ историческихъ условіяхъ борьба возможна съ надеждою успѣха лишь въ союзѣ съ данными партіями и что лишь данныя партіи могутъ одна у другой оспаривать побѣду. Одна изъ нихъ *лучше* другихъ, и прогрессъ въ данную минуту возможенъ лишь путемъ ея побѣды. Въ ней *наиболѣе* истины, *наиболѣе* справедливости. Конечно, понимая ея недостатки, мыслящій и искренній человѣкъ долженъ стараться своимъ вліяніемъ ослабить, устранить эти недостатки, увеличить процентъ истины и справедливости, заключающійся въ стремленіяхъ лучшей изъ современныхъ партій. Если она сильна, онъ можетъ заявлять свое разногласіе, противорѣчить ея предводителямъ, ставить свое знамя

тикѣ въ его частностяхъ. Эта критика выяснила ему все болѣе и болѣе художественныя формы въ ихъ отдѣлкѣ. И вотъ цѣльный, живой идеалъ сталъ передъ мыслью художника. Онъ беретъ кисть или рѣзецъ и воплощаетъ этотъ идеалъ, потому что *вѣритъ* въ его жизнь, въ его красоту. Иначе дѣятельность его нерѣшительна и не вдохновенна. Когда картина или статуя стали объективны, надъ ними можетъ начаться новый процессъ критики и художникъ недовольный своимъ произведеніемъ, можетъ быть, разрушитъ его. Но въ процессѣ художественнаго творчества критика не участвуетъ, а участвуетъ вѣра въ идеалъ.

Ученый тщательно опредѣлилъ и взвѣсилъ факты. Невольно они группируются въ его мысли въ законъ, болѣе или менѣе гипотетическій. Другіе факты, ему извѣстные, сами собою возникаютъ въ его памяти, какъ подтверждающіе, дополняющіе, расширяющіе найденную научную аналогію. Онъ провѣряетъ себя еще и еще. Критика сдѣлала свое дѣло. Онъ убѣжденъ въ полученной истинѣ. И вотъ онъ всходитъ на каѳедру объявить ученикамъ новое пріобрѣтаніе науки. Онъ резюмируетъ опытъ, предупреждаетъ возраженія, выставляетъ на видъ аналогіи и указываетъ новыя вѣроятныя открытія. Въ это время онъ уже не критикуетъ, не колеблется; онъ *вѣритъ* въ силу и полноту своей критики, онъ проповѣдуетъ новую истину. Пока онъ не *повѣрилъ*, онъ не объявитъ ее, именно потому, что цѣнитъ критику выше всего.

Человѣкъ сближается съ другимъ человѣкомъ, видитъ его достоинства и недостатки; знаетъ, на сколько его пріятель можетъ увлекаться и можетъ относиться

раціонально къ различнымъ предметамъ. Въ данную минуту, на основаніи словъ пріятеля, надо дѣйствовать такъ или иначе. Совершившійся заранѣе процессъ критики даетъ результатъ. Человѣкъ вѣритъ или не вѣритъ своему пріятелю. Онъ рѣшается и дѣйствуетъ на основаніи своей вѣры.

Жизнь и общественная исторія ставятъ предъ человѣкомъ подобный же вопросъ. Человѣкъ вырабатывалъ идеалы истины и справедливости, развивался подъ вліяніемъ этихъ идеаловъ и развивалъ ихъ подъ вліяніемъ накопляющагося опыта жизни и критическаго процесса мысли. Человѣкъ изучалъ культуру общества его окружающаго, работу мысли въ немъ совершающуюся и конкретный смыслъ различныхъ девизовъ современныхъ партій. Онъ призналъ не идеально-совершенное, но историческо-лучшее *здѣсь*, а худшее *тамъ*. Онъ знаетъ, что и здѣсь нѣтъ полной истины и справедливости, а тамъ нѣтъ *безусловнаго* зла и лжи. Но онъ понялъ, что при данныхъ историческихъ условіяхъ борьба возможна съ надеждою успѣха лишь въ союзѣ съ данными партіями и что лишь данныя партіи могутъ одна у другой оспаривать побѣду. Одна изъ нихъ *лучше* другихъ, и прогрессъ въ данную минуту возможенъ лишь путемъ ея побѣды. Въ ней *наиболѣе* истины, *наиболѣе* справедливости. Конечно, понимая ея недостатки, мыслящій и искренній человѣкъ долженъ стараться своимъ вліяніемъ ослабить, устранить эти недостатки, увеличить процентъ истины и справедливости, заключающійся въ стремленіяхъ лучшей изъ современныхъ партій. Если она сильна, онъ можетъ заявлять свое разногласіе, противорѣчить ея предводителямъ, ставить свое знамя

особо. Но наступила историческая минута столкновенія. Всѣ общественныя силы призваны къ борьбѣ за прогрессъ или за реакцію. Оставаться въ сторонѣ—значитъ ослаблять *лучшихъ*. Онъ *вѣритъ*, что это лучшіе, и примыкаетъ къ нимъ во имя этой вѣры. Время критики, раздѣленія прошло. Всѣ лучшіе люди должны соединиться для борьбы за *возможный* прогрессъ. Всѣ должны примкнуть къ той партіи, которая обѣщаетъ *лучшее* будущее. Чѣмъ строже-критически человѣкъ изслѣдовалъ недостатки и достоинства разныхъ партій, и чѣмъ точнѣе на основаніи своей критики убѣдился, что лучшее *здѣсь*, тѣмъ съ болѣе безусловною вѣрою онъ посвящаетъ избранной партіи свою дѣятельность, борется съ ея врагами, радуется ея побѣдамъ, страждетъ отъ ея пораженій. Критика мысли не ослабѣла, но ея пора прошла, чтобы наступить снова, какъ только будетъ для того удобная минута.

Еще сильнѣе и полнѣе прогрессъ вѣры, одушевляющей къ дѣятельности, совершается тогда, когда уступокъ дѣлать не приходится, надо развернуть новое знамя и бросить въ человѣчество новое слово. Общественное страданіе и критическая мысль развили убѣжденіе въ личности. Она одинока, или имѣетъ весьма мало сочувствующихъ. Можетъ быть еще недавно волна исторіи разметала и унесла людей, которые боролись за то, что личность признаетъ истиною и справедливостью. Вѣковыя культурныя привычки и преданія давятъ со всѣхъ сторонъ. Мысль враждебныхъ партій имѣетъ могучихъ, искусныхъ и выгодно-поставленныхъ представителей. Какъ это случается, что личность не падаетъ духомъ? почему, сознавая свое малосиліе, она

не оставляетъ своего безумнаго предпріятія? Что ее побуждаетъ бросаться въ борьбу, несмотря на препятствія, на индиферентизмъ большинства, на трусость однихъ, на подлость другихъ, несмотря на насмѣшки враговъ? Это дѣло *вѣры*. Критика привела человѣка къ убѣжденію что истина и справедливость *здѣсь*. Онъ вѣритъ, что истина и справедливость, явная для него, будетъ очевидна и для другихъ, вѣритъ, что мысль, одушевляющая его къ дѣятельности, побѣдитъ индиферентизмъ и вараждебность, его окружающіе. Неудачи не утомляютъ его, потому что онъ вѣритъ въ завтра. Вѣковой привычкѣ онъ противупоставляетъ свою личную мысль, потому что исторія научила его паденію самыхъ упорныхъ общественныхъ привычекъ передъ истиною, въ которую вѣрили единицы. Закону, вооруженному всѣми силами государства, онъ противупоставляетъ свое личное убѣжденіе, потому что ни кодексы, ни государственныя силы не могутъ сдѣлать для него ложнымъ и несправедливымъ то, во что онъ вѣритъ, какъ въ истину и справедливость. Умирая подъ ударами враговъ или подъ гнетомъ обстоятельствъ, онъ все таки завѣщаетъ единомышленникамъ бороться и умереть подобно ему, если только вѣритъ въ то, за что умираетъ.

Сверхъестественный элементъ для этого вовсе не нуженъ. Пестрые миѳы, непонятные догматы, торжественные обряды культа нисколько не придаютъ болѣе силы и непреклонности подобной рѣшимости жить и умереть за то, во что вѣришь. Правда, что минувшая исторія человѣчества сохранила гораздо болѣе преданій о людяхъ, боровшихся и умиравшихъ за призраки, непровѣренные критикою, чѣмъ за убѣжденія, не имѣвшія

ничего фантастическаго. Вѣра въ призраки возможна на столько же, какъ и вѣра въ прогрессивныя идеи. Люди, слабые мыслію и дающіе въ своей жизни мало мѣста критикѣ, могутъ дойти до героизма только въ процессѣ вѣры, и этотъ процессъ, составляющій въ нихъ единственную высокую сторону, конечно перенесетъ ихъ и въ исторію, какъ героевъ вѣры. Люди мысли и критики представляютъ біографу столько разнообразныхъ сторонъ въ своей умственной и гражданской дѣятельности, что онъ пропускаетъ иногда безъ достаточнаго вниманія тотъ героизмъ вѣры, который выработался въ нихъ путемъ критики и доставилъ имъ въ жизни много тяжелой, неустанной борьбы, заставилъ отказаться отъ многихъ благъ, а иногда и отъ жизни. Костеръ Джіордано Бруно и Серве не уступалъ костру Св. Лаврентія и Яна Гусса. Спинозы, Фейербахи и Штраусы умѣли терпѣть бѣдность и отверженіе не хуже древнихъ и новыхъ визіонеровъ. Республиканцы умирали подъ пулями и ножами роялистовъ съ такою же рѣшимостью, какъ роялисты на эшафотѣ конвента. Вѣра, вызывающая готовность жертвовать, не колеблясь, временемъ, удобствами жизни, привязанностью людей, даже жизнью за то, что мы признаемъ за истину и справедливость, являлась во всѣхъ партіяхъ въ минуту борьбы. Она одушевляла и тѣхъ, которые, кромѣ нея, не имѣли никакихъ достоинствъ. Она одушевляла дѣятелей реакціи, проливавшихъ потоки крови и напрягавшихъ всѣ свои силы, чтобъ остановить исторію, которую они остановить не могли. Она же проникала и мучениковъ мысли, героевъ прогресса.

Поэтому вѣра есть безразлично двигатель истины и

лжи, прогресса и реакціи. Безъ нея прогрессъ невозможенъ, потому что невозможна никакая энергическая, самоотверженная дѣятельность. Но она не есть *достаточное* условіе прогрессивнаго движенія. Гдѣ мы видимъ героизмъ и самоотверженіе, тамъ мы не имѣемъ еще права заключать о существованіи прогрессивныхъ стремленій. Только вѣра, опирающаяся на строгую критику, можетъ вести къ прогрессу; только критика можетъ опредѣлить жизненную цѣль, въ которую развитой человѣкъ имѣетъ право вѣрить.

Мыслящіе люди выработывали представленіе полезнаго, должнаго, истиннаго, справедливаго. Вѣрующіе боролись за то, во что вѣрили, какъ въ полезное и должное для нихъ; лучшіе изъ нихъ боролись за то что было для нихъ истиннымъ и справедливымъ. Чѣмъ жарче была вѣра тѣхъ и другихъ, тѣмъ ожесточеннѣе была борьба. Чѣмъ слабѣе была мысль, чѣмъ недостаточнѣе критика, тѣмъ разнообразнѣе были представленія полезнаго и должнаго, истиннаго и справедливаго, тѣмъ болѣе было раздѣленіе партій и тѣмъ болѣе терялось силъ въ человѣчествѣ на безполезную борьбу. Разнообразіе признаковъ можетъ быть безконечно и тѣмъ разнообразнѣе они могутъ быть, чѣмъ они далѣе отъ дѣйствительности. Та страшная цѣна прогресса, о которой я говорилъ въ одномъ изъ первыхъ писемъ, преимущественно наросла отъ призрачныхъ представленій, недостаточно подверженныхъ критикѣ. Чѣмъ болѣе люди вѣрили, что польза каждаго изъ нихъ враждебна пользѣ другихъ, тѣмъ громаднѣе была трата силъ въ явной борьбѣ эксплуатаціи, въ тайной борьбѣ недоброжелательства и недовѣрія. Чѣмъ болѣе люди вѣрили, что

должное заключается въ фантастическихъ обрядахъ и приличіяхъ, раздѣляющихъ касты и сословія, тѣмъ болѣе они коротали и безъ того короткую жизнь свою, давая себѣ менѣе времени на настоящее развитіе и наслажденіе. Чѣмъ болѣе лжи было въ ихъ истинѣ, чѣмъ безнравственнѣе была ихъ справедливость, тѣмъ мысль работала хуже и жизнь была тягостнѣе. Глубокая вѣра, героизмъ самоотверженія пропадали большею частью даромъ, потому что опирались на недостаточную критику.

Лишь по мѣрѣ того, какъ призраки разсѣевались подъ вліяніемъ работы мысли и приближались къ дѣйствительности, возможно было уменьшеніе борьбы и траты силъ, потому что новая вѣра, опирающаяся на лучшую критику, вела къ примиренію, а не ко враждѣ. Вѣра въ единую научную истину, выдѣляя изъ нея фантастическія созданія, устраняла вражду въ области мысли. Вѣра въ равноправность достоинства личностей, какъ единую справедливость, устраняла столкновеніе тысячъ разнообразныхъ національныхъ, юридическихъ сословныхъ, экономическихъ справедливостей и всю борьбу за эти идолы. Вѣра въ личное развитіе и въ справедливость, какъ единственный долгъ, примирила всѣ личныя стремленія въ общемъ усиліи распространенія истины и справедливости, устранила трату силъ въ виду фантастическихъ обязанностей. Вѣра въ тожественность наибольшей пользы каждаго съ пользою наибольшаго числа людей есть именно то начало, которое должно довести до минимума трату силъ человѣчества на пути прогресса. И благодѣтельное вліяніе этихъ вѣрованій именно истекаетъ изъ того, что они не

заключаютъ ничего сверхъестественнаго, не нуждаются ни въ миѳахъ, ни въ таинствахъ. Они опираются на строгую критику, на изученіе реальнаго человѣка въ природѣ и въ исторіи и становятся вѣрованіями лишь въ ту минуту, когда личность вызывается къ дѣйствію. Ихъ основной догматъ—человѣкъ. Ихъ культъ—жизнь. Но не менѣе другихъ фантастическихъ вѣрованій они способны одушевить личность къ самоотверженной дѣятельности, къ пожертвованію различныхъ жизненныхъ благъ и самой жизни на алтарь своей святыни.

Мнѣ возразятъ, что эти вѣрованія далеко не общи, даже принадлежатъ едва замѣтному меньшинству. Правда. За то и прогрессъ въ человѣчествѣ очень малъ, и цѣна его велика. Впрочемъ исторія еще не кончится ни сегодня, ни завтра, а прогрессивная будущность принадлежитъ все таки вѣрѣ, опирающейся на критику.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Цѣль автора.

Просматривая эти письма, читателю, можетъ быть, случилось спросить себя, почему эти письма «историческія»? Что въ нихъ историческаго? Я разсматривалъ не личности, не эпохи, не событія, а нѣкоторыя общія начала, которыя легко могли показаться читателю нѣсколько отвлеченными, даже иногда чуждыми тому интересу, который читатель находитъ въ историческомъ разсказѣ. Но посмотримъ на вопросъ внимательнѣе. Я постараюсь сблизить здѣсь мысли, высказанныя въ разныхъ мѣстахъ этихъ писемъ, и тѣ, которыя я, быть можетъ, и недостаточно ясно высказалъ, но которыя желалъ возбудить въ читателѣ. Не найдете ли при этомъ повода оправдать меня?

Что мы ищемъ въ исторіи? Неужели пестрый разсказъ о событіяхъ? На это уже немногіе рѣшатся отвѣтить утвердительно, и тѣ, которые ищутъ только этого, совершенно будутъ правы, если станутъ сѣтовать

на отвлеченность предложенныхъ имъ писемъ. Приступая къ исторіи съ болѣе серьезными требованіями, въ ней можно искать или борьбу личностей и обществъ за человѣчные интересы, столкновеніе, замѣну, ослабленіе и развитіе разныхъ частныхъ идеаловъ человѣка, или общій естественный законъ, охватывающій все теченіе историческихъ событій, прошедшее, настоящее и будущее. Первая точка зрѣнія обособляетъ интересы исторіи отъ интереса естествознанія; вторая—подводитъ исторію подъ общія начала изслѣдованія природы. Но въ сущности для строгаго изслѣдованія эти двѣ точки зрѣнія не очень разнятся между собою, потому что знаніе какого-либо предмета опредѣляется не только тѣмъ, что *желательно* знать о немъ, но тѣмъ, что о немъ знать *возможно*. Поэтому вопросъ: что можно искать въ исторіи? превращается въ другой: какимъ образомъ, по неизмѣннымъ законамъ своихъ психическихъ отправленій, человѣкъ можетъ отнестись къ исторіи? Что въ ней неизбѣжно ускользаетъ отъ его научной оцѣнки и можетъ быть лишь призрачнымъ явленіемъ историческаго построенія? Только установивъ болѣе или менѣе эту основу научнаго изслѣдованія, человѣкъ можетъ съ нѣкоторою увѣренностью прилагать къ исторіи вопросы о томъ, что онъ *желаетъ* знать отъ нея.

Но я постарался развить въ самомъ началѣ положеніе, что для человѣка неизбѣжно внести въ оцѣнку историческихъ событій *свою личную* нравственную выработку, свой нравственный идеалъ. Въ борьбѣ личностей ему важнѣе всего тѣ свойства личностей, которыя онъ признаетъ элементами нравственнаго достоин-

ства: умъ, ловкость, энергія, находчивость, сила убѣжденія, вѣра въ тѣ идеи, которыя важны для читателя, сознательное или безсознательное содѣйствіе ихъ усиленію или ослабленію въ обществѣ. Въ борьбѣ обществъ и партій изслѣдователю всего важнѣе опять таки усиленіе или ослабленіе тѣхъ направленій мысли, которыя для него, какъ человѣка представляютъ, лучшее или худшее, наиболѣе истинное, или наиболѣе ложное. Охватывая въ общемъ міросозерцаніи цѣлый процессъ исторіи въ прошедшемъ и будущемъ, человѣкъ не можетъ, по законамъ своей мысли искать въ исторіи ничего иного, кромѣ фазисовъ прогрессивнаго процесса своего нравственнаго идеала. Слѣдовательно, пытаясь понять исторію, внести въ нее серьезный интересъ мысли, человѣкъ неизбѣжно относитъ личности, событія, идеи, общественные перевороты къ мѣркѣ своего развитія. Если оно узко и мелко, исторія представляетъ ему безжизненный рядъ фактовъ, и эти факты будутъ для него безъинтересны и малочеловѣчны. Если развитіе его одностороние, самое тщательное изученіе исторіи не предохраняетъ его отъ односторонности въ представленіи историческихъ событій. Если онъ проникнутъ уродливымъ, фантастическимъ вѣрованіемъ, онъ неизбѣжно изуродуетъ исторію, какъ ни будетъ стараться объ объективномъ ея пониманіи. Во всякомъ случаѣ, при достаточномъ фактическомъ знаніи, степень развитія личности, ея нравственная высота, опредѣляетъ пониманіе исторіи. Частный историческій интересъ, возбуждаемый тѣми или другими личностями, тѣми или другими событіями, сводится на общій интересъ, возбужденный ихъ участіемъ въ прогрессивномъ развитіи че-

ловѣчества. Общій естествознательный интересъ, возбуждаемый отъисканіемъ закона исторіи въ ея цѣломъ есть не что иное, какъ интересъ осуществленія нашего нравственнаго идеала въ прогрессивномъ ходѣ исторіи.

Если это такъ, то мы ищемъ и можемъ искать въ исторіи лишь различные фазисы прогресса, и понимать исторію — значитъ понимать ясно способы осуществленія нашего нравственнаго идеала въ исторической обстановкѣ. Нашъ идеалъ субъективенъ, но чѣмъ лучше мы его провѣримъ критикою, тѣмъ больше вѣроятія, что онъ есть высшій нравственный идеалъ, возможный въ настоящую эпоху. Мы прилагаемъ этотъ идеалъ къ объективнымъ фактамъ исторіи, и это не мѣшаетъ имъ оставаться объективно вѣрными, такъ какъ и тутъ вѣрность ихъ зависитъ отъ нашего знанія и нашей критики; субъективный же идеалъ придаетъ имъ перспективу, и *нѣтъ* никакого другого способа построить эту перспективу, какъ при пособіи нравственнаго идеала. Мнѣ возразятъ, что есть иной способъ, и болѣе вѣрный—это построить перспективу событій эпохи по ихъ внутренней связи и по нравственному идеалу самой эпохи. Но что значитъ внутренняя связь? Что значитъ нравственный идеалъ данной эпохи? Изъ тысячи пестрыхъ фактовъ намъ извѣстныхъ о данной эпохѣ, мы строимъ связь *для насъ* вѣроятнѣйшую, на основаніи того, что *мы сознали*, какъ наиболѣе истинныя психическія отправленія личности, наиболѣе общія соціологическія явленія въ собраніи личностей. Это есть для насъ *внутренняя* связь. Историкъ, развившій въ себѣ пониманіе экономическихъ вопросовъ для общества най-

детъ иную внутреннюю связь событій, чѣмъ тотъ, который остановился на пониманіи вліянія политическихъ интригъ. Писатель, сознающій силу убѣжденій, увлеченій и безсознательныхъ самообольщеній въ личности, иначе свяжетъ событія, чѣмъ писатель, привыкшій все относить къ разсчету и хитрости. А нравственный идеалъ эпохи! Почему мы собираемъ его черты изъ этихъ событій, а не изъ другихъ, съ ними рядомъ совершавшихся? Почему черпаемъ свидѣтельства преимущественно изъ этого автора, а не изъ его современника? Потому что *эти* событія представляютъ болѣе цѣльности, послѣдовательности; потому что *этотъ* авторъ умнѣе, послѣдовательнѣе, честнѣе, откровеннѣе своего современника. Но этимъ самымъ не высказываемъ ли мы *нашъ* нравственный идеалъ относительно наиболѣе значительныхъ событій, наиболѣе значительныхъ личностей. Совершенно вѣрно, что историческія событія должны излагаться въ ихъ внутренней связи и оцѣниваться по нравственному идеалу эпохи, но эта самая внутренняя связь и этотъ нравственный идеалъ должны и могутъ быть открыты путемъ выработки въ насъ самихъ идеала безпристрастной истины, исторической справедливости, а самая связь эпохъ и послѣдовательныхъ идеаловъ принадлежитъ еще суду другой критики, именно критики историческаго прогресса, т. е. *нашего* нравственнаго идеала въ его цѣломъ. Оттого одной эпохѣ мы придадимъ болѣе важности, чѣмъ другой, одни событія въ ихъ внутренней связи разберемъ подробнѣе, чѣмъ другія. Повторяю: нравственный идеалъ историка есть единственный свѣточъ, способный придать перспективу исторіи въ ея цѣломъ и въ ея частностяхъ.

Слѣдовательно, понять исторію въ наше время—значитъ ясно понять нравственный идеалъ, выработанный лучшими мыслителями въ наше время, и историческія условія его осуществленія, потому что процессъ исторіи есть процессъ не отвлеченный, а конкретный. Онъ можетъ употреблять лишь орудія опредѣленнаго рода. Онъ совершается при данной обстановкѣ, опредѣляющей возможное и невозможное. Онъ подчиняется неизбѣжнымъ законамъ природы, какъ и всякіе другіе процессы. Для пониманія исторіи постоянно слѣдуетъ обращать вниманіе на эти внѣшнія условія, въ которыя поставлены человѣческіе идеалы. *Необходимые* процессы физики, физіологіи и психологіи не представляютъ возможности ни отступленія, ни скачка. *Исторически-данная* среда столь же мало устранима въ данную эпоху со всѣми своими вліяніями, какъ предъидущія необходимости неустранимы никогда. Самая свѣтлая истина, самая высокая справедливость подчинена въ своемъ проявленіи и распространеніи этимъ ограничивающимъ условіямъ. Самая талантливая и энергическая личность можетъ лишь изъ *необходимыхъ* условій природы и изъ *исторически-данныхъ* условій среды черпать матеріалъ для своей мысли и для своей дѣятельности. Историческій интересъ, ясно понятый, для каждой эпохи ставитъ прежде всего вопросъ: что было возможно въ эту эпоху для прогрессивнаго движенія? На сколько понимали дѣятели условія, въ которыхъ они находились? Попользовались ли они для своихъ цѣлей всѣми условіями времени?

Но ясно понять современный идеалъ значитъ устранить изъ него всѣ признаки, которые къ нему при-

плели преданія, ошибочныя традиціи мысли, вредныя привычки прежнихъ эпохъ. Истина и справедливость болѣе или менѣе безпрекословно пишутся на всѣхъ знаменахъ нашего времени, но партіи расходятся въ томъ: гдѣ истина? въ чемъ справедливость? Какими путями и въ какихъ формахъ онѣ достигаются? Если читатель не уяснилъ себѣ этого, исторія останется для него неяснымъ процессомъ сцѣпляющихся событій, борьбою хорошихъ людей изъ-за пустяковъ, борьбою безумцевъ изъ-за призраковъ, борьбою слѣпыхъ орудій въ пользу нѣсколькихъ разсчетливыхъ интригановъ. Много громкихъ словъ раздается со всѣхъ сторонъ. Много прекрасныхъ знаменъ развѣвается во всѣхъ рядахъ. Много самоотверженной энергіи тратятъ представители всѣхъ партій. Изъ-за чего ссорятся люди, которыхъ девизы повидимому такъ близки? Почему знамя, которое несли вчера лучшіе люди, сегодня въ грязныхъ рукахъ? Почему прекрасная мысль, при своемъ высказываньи, встрѣчаетъ такое грозное сопротивленіе и сопротивляются ей не только эксплуататоры даннаго общественнаго строя, но искреннія личности? Всѣ эти задачи возможно разрѣшить лишь тогда, когда мы присмотримся внимательнѣе къ тому процессу, которымъ развивается и укрѣпляется правда, къ формированію и столкновенію партій, къ измѣненію внутренняго смысла и историческаго значенія великихъ словъ, двигающихъ человѣчество, къ процессу мысли, переработывающей культуру; когда мы изучимъ положеніе личностей въ виду необходимаго и исторически-даннаго; въ виду культурныхъ привычекъ и сталкивающихся партій мысли; въ виду великихъ словъ на знаменахъ партій и вѣчнаго требо-

ванія истины, справедливости, прогресса; въ виду критики и вѣры. Въ предъидущихъ письмахъ имѣлось въ виду именно остановиться на этихъ предметахъ, чтобы по возможности устранить тѣ недоразумѣнія, которыя невольно переносятся на изученіе минувшей и современной исторіи, при недостаточномъ уясненіи разнообразныхъ элементовъ, входящихъ въ историческій прогрессъ и его обусловливающихъ.

Кромѣ того исторія не кончена. Она совершается около насъ и будетъ совершаться поколѣніями растущими и еще не родившимися. Настоящее нельзя оторвать отъ минувшаго, но и минувшее потеряло бы всякое живое и реальное значеніе, еслибъ оно не было неразрывно связано съ настоящимъ, еслибъ одинъ великій процессъ не охватывалъ исторію въ ея цѣломъ. Умерли дѣятели минувшаго. Измѣнилась культура общества. Новые конкретные вопросы стали на мѣсто прежнихъ. Девизы минувшаго измѣнили смыслъ и значеніе. Но общечеловѣческая задача личностей въ настоящемъ осталась та же, что была за тысячи лѣтъ. Подъ пестрыми формами культуры, въ сложныхъ вопросахъ новаго времени, подъ разнообразными девизами побѣжденныхъ и побѣдителей скрыты все тѣ же задачи. Внѣ истины и справедливости прогресса никогда не существовало. Безъ личной критики не добыта ни одна истина. Безъ личной энергіи не осуществилось ничто справедливое. Безъ вѣры въ свое знамя и безъ умѣнія бороться съ противниками не восторжествовала ни одна прогрессивная партія. Формы культуры требуютъ для своего развитія работы мысли, какъ и въ минувшія тысячелѣтія. Великіе девизы точно также мало застра-

хованы отъ опасности потерять или измѣнить свой смыслъ. Общественныя условія для возможнаго прогресса не измѣнились. Требованія уплаты за прогрессъ не могутъ быть игнорированы развитою личностью. Все это существовало для нашихъ предковъ, будетъ существовать для нашихъ потомковъ и существуетъ для насъ. Разница лишь та, что мы можемъ лучше понять это, чѣмъ понимали предки, и что наши потомки, вѣроятно, еще лучше насъ поймутъ это.

Поэтому предъидущія историческія письма, заключая въ себѣ попытки рѣшить задачи, существовавшія и долженствующія существовать во всякую историческую эпоху, заключаютъ и попытку уяснить задачи современности. Онѣ обращаются къ читателю не только со словомъ о минувшемъ, но и о настоящемъ. Авторъ очень хорошо сознаетъ, что онѣ и недостаточны и несовершенны. Кромѣ того наша эпоха не очень удобна для разсужденій подобнаго рода. Письма эти могутъ показаться и тяжелыми, и отвлеченными, и неинтересными, и чуждыми вопросовъ дня. Другой авторъ, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы написать и лучше, и занимательнѣе. Но я надѣюсь, что въ нашемъ обществѣ, хотя бы между читающею молодежью, найдется еще нѣсколько человѣкъ, которыхъ не испугаетъ необходимость серьезно подумать о вопросахъ минувшаго, оставшихся вопросами и для настоящаго. Для этихъ читателей недостатки исполненія, можетъ быть, отступятъ на второй планъ предъ содержаніемъ. Эти читатели, можетъ быть, поймутъ также, что вопросы дня получаютъ свой дѣйствительный, существенный интересъ именно отъ тѣхъ вѣчныхъ историческихъ вопросовъ, которыхъ авторъ

коснулся въ этихъ письмахъ. Эти читатели поймутъ, что *они* именно, какъ личности, должны совершать критическую работу мысли надъ современною культурою, что *они* именно должны своею мыслью, жизнью, дѣятельностью заплатить свою долю громадной цѣны прогресса, до сихъ поръ накопившейся; что *они* именно должны противупоставить свое убѣжденіе лжи и несправедливости, существующей въ обществѣ; что *они* именно должны образовать растущую силу для усиленнаго хода прогресса. Если найдется хотя нѣсколько подобныхъ читателей этихъ писемъ, то дѣло автора сдѣлано.

Замѣченныя опечатки.

Страница.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
III (предисл.).	17-я сверху	были	были бы
IV (тоже пред.).	8-я »	нѣкоторые	нѣкоторыя
7	7-я »	говорить	говоритъ
7	10-я »	неразвитность	неразвитость
7	20-я »	цвѣты	цвѣта
8	6-я »	высоко	свысока
8	5-я снизу	уже	даже
22	4-я сверху	самыхъ	самихъ
27	7-я снизу	нонятіяхъ	понятіяхъ
28	12-я сверху	желаніяхъ	о желаніяхъ
48	4-я снизу	окочененію	окоченѣнію
63	7-я сверху	очень легка	весьма легка
66	2-я »	большинстви	большинство
79	1-я снизу	общественная	общественная
84	6-я »	отупенія	отупѣнія
100	2-я сверху	небольшее	небольшое
119	11-я »	вредить	вредитъ
126	15-я снизу	мадъяниговъ	мадъянитовъ
134	12-я »	Бэртэло	Бертолэ
134	6-я »	Фирховъ	Вирховъ
141	8-я сверху	значеніе	значенія
142	12-я »	привиллегія	привилегія
150	15-я снизу	сомою	самою
152	3-я »	искуство	искусство
185	5-я »	договариваю-щаго	договариваю-щагося
216	5-я снизу	общеловѣче-ской	общечеловѣче-ской
229	7-я сверху	предмему	предмету
246	3-я снизу	въ вѣрѣ	къ вѣрѣ
249	4-я сверху	чѣловѣкъ	человѣкъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.